

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

SLAVIANSKII Sbornik

3

СЛАВЯНСКИЙ СБОРНИКЪ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ИЗДАНИЕ

ПОДЪ НАБЛЮДЕНІЕМЪ

Члена Славянскаго Комитета

П. А. Ельцова

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА

П. А. ЕЛЬЦОВА

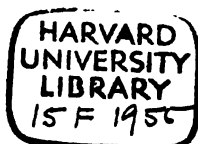
BIBLIOTHEQUE RUSSE

CONSTANTINOPLE PRESS

ПЕТЕРБУРГЪ — 1876

△
P Slav 646.25
✓

Ksana Per.

~~Slavic Division~~

~~43080~~

32

Типография брат. Пантелеевых Казанская ул. д. № 33

О Г Л А В Л Е Н І Е

Отдѣлъ первый.

- I. Восточный вопросъ въ XVI и XVII вѣкахъ (по не-
изданнымъ Итальянскимъ памятникамъ)—профес-
сора В. В. Макушева. 1
- II. Общественные и государственные вопросы въ Поль-
ской литературѣ XVI вѣка—профессора В. В.
Макушева 27
- Введение.—I. Шляхта: 1) паны и шляхта; 2) воспитаніе
и общественныя школы; 3) домашняя жизнь шляхты.
- III. Орывки Византійскаго эпоса въ Русскомъ—профес-
сора А. Н. Веселовскаго 122
- Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ (текстъ и объясненія).
- IV. Слѣды Русскаго вліянія на старо-Польскую письмен-
ность—профессора В. В. Макушева. 166
- V. Сербскія житія и лѣтописи, какъ источникъ для исто-
ріи южныхъ Славянъ въ XIV и XV вѣкахъ—
В. В. Ключановскаго 183
- VI. Резья и Резьяне—профессора И. А. Бодуэна де-
Куртене. 223
- VII. Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ—профессора
В. Г. Васильевскаго. 372
- Южно-Итальянская война (1156—1157).

Отдѣлъ второй.

- VIII. Краковская академія наукъ—А. Б. Киркора. . . 1
- Историко-библіографическій очеркъ.
- IX. Институтъ Осолинскихъ во Львовѣ—А. Б. . . . 41

Х. Библиографическія Замѣтки—П. А. Червяковского. 44

Отзывъ Поляка о Герцеговинскомъ возстаніи и о Герцеговинцахъ.—Элизэ Реклю о Босніи и Герцеговинцахъ.—Еще о Турецкихъ Сербсахъ.—Воспоминанія о Бѣлградѣ.—Отзывъ Поляка о Болгарахъ.—Древняя республика Дубровницкая.—Новое изданіе Болгарскихъ народныхъ пѣсень.—Новый трудъ: «Введеніе въ исторію Славянской литературы».—Проектъ Энциклопедіи Польскихъ древностей.—Этнографическое изслѣдованіе Оскара Кольберга о Краковякахъ.—Латино-Польскій словарь реченій Магдебургскаго права.—Черты общественной жизни въ современной Чехіи.—Карлъ Либельтъ.—О современномъ состояніи языковѣдѣнія у Поляковъ.

Отдѣлъ третій.

XI. Каница, Этнографическій очеркъ Болгаръ въ переводѣ Е. П. Барсовой.	1
XII. Войтеха Кентржинскаго, О Мазурахъ—въ переводѣ В. Недзвецкаго.	48
XIII. Крестьяне въ Польшѣ наканунѣ послѣдняго ея раздѣла—въ переводѣ П. А. Червяковского	69
XIV. Указатель	1

РЕЗЬЯ И РЕЗЬЯНЕ.

Резья занимаетъ чрезвычайно маленькую, совершенно незамѣтную частичку земнаго шара. Славянскіе ученые и путешественники, хотя и писали кое-что о Резьѣ и Резьянахъ, но такъ немного и такъ давно, что для громаднаго большинства современныхъ образованныхъ людей эта земля и этотъ народъ вполнѣ неизвѣстны.

Въ географическомъ отношеніи положеніе Резьи опредѣляется слѣдующимъ образомъ: Резья лежитъ между $46^{\circ} 18'$ и $46^{\circ} 23'$ сѣверной широты и между $30^{\circ} 53'$ и $31^{\circ} 4'$ восточной долготы. Вся Резья (въ смыслѣ мѣстопробыванія людей, принадлежащихъ къ Резьянскому племени) распадается на двѣ части: сѣверную и южную. Сѣверная состоитъ изъ долины Резьянской (Резьи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова); южную же, несравненно меньшую, составляетъ долина Учейская. Обѣ эти долины принадлежать къ системѣ альпъ Юлійскихъ, которая именно на западъ отъ Резьи граничатъ съ альпами Карнійскими. Такое разграниченіе этихъ двухъ горныхъ системъ принято, по крайней мѣрѣ, Итальянскими географами ¹⁾, и оно обуславливается ихъ различіемъ и противоположностью во всѣхъ отношеніяхъ.—Прежде всего въ географическомъ отношеніи, Карнійскія альпы отдѣлены отъ альпъ Юлійскихъ Желѣзнымъ Каналомъ (Canale del Ferro) или Желѣзною Долиною (Valle del Ferro), служащею русломъ горнаго потока или рѣки Феллы (Fiume Fella, Рез. Féla), источники которой находятся въ Каринтіи на западъ отъ Тербизы (Tarvis), и которая сначала течетъ съ востока на западъ, затѣмъ у Понтеббы (Pontebba, Рон-

¹⁾ Ср., между прочимъ, «Nomi propri orografici. Alpi Carniche e Giulie» per Giov. Marinelli, prof. di storia e geografia (Estratto dagli «Annali» del R. Istituto Tecnico di Udine dell'anno 1872), стр. 36 слѣд.

tafel, Рез. Poltábja) принимаетъ южное направленіе (съ сѣвера на югъ) и, наконецъ, обернувшись у Клюзы или Къюзы (Chiusa, Рез. Klüže) и Раколяны (Rassolana) на юго-западъ, на сѣверъ отъ Венцоне (Venzone, Рез. Püšja vās) вливается въ извѣстную рѣку Тальяменто (Tagliamento).—Но одно географическое отдѣленіе этихъ двухъ системъ горъ не имѣло бы само по себѣ ни малѣйшаго значенія, и не давало бы намъ права считать ихъ двумя различными системами; потому что во многихъ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ горные потоки, иногда гораздо значительнѣе потока Феллы, и все же не считаемъ горъ, лежащихъ по ту и другую сторону этихъ потоковъ, какими-то особыми системами горъ: напротивъ того, онѣ обыкновенно дополняютъ другъ друга и, только вмѣстѣ взятыя, составляютъ одну цѣльную систему. Основное различіе и противоположность Юлійскихъ и Карнійскихъ альп обусловлены ихъ геологическими, зоологико-ботаническими и даже этнографическими особенностями.—Самый главный и рѣшающій моментъ здѣсь, конечно, особенности геологическія. И такъ, оставляя въ сторонѣ основное различіе наслоеній той и другой системы горъ, сейчасъ же на первый взглядъ можно замѣтить между ними громадное различіе во внѣшнемъ, формально-геологическомъ отношеніи. Карнійскія альпы являются въ видѣ конусообразныхъ, одиночныхъ, спорадическихъ возвышенностей: онѣ стоятъ на поверхности земли, точно громадныя головы сахара, несостоящія, повидимому, между собою ни въ какой связи. Напротивъ того, Юлійскія альпы, на всемъ своемъ протяженіи, представляютъ непрерывныя цѣпи, непрерывныя края горъ и холмовъ. Если, напримѣръ, изъ Удине (Udine, Рез. Wjydan) смотрѣть на находящіяся къ сѣверу отъ него горы, то, въ противоположность западнымъ конусообразнымъ альпамъ Карнійскимъ, восточныя Юлійскія альпы представляются взору какъ будто бы одною непрерывною зубчатою стѣною. Съ этимъ связано различіе въ отношеніи возвышенностей той и другой системы къ свойственнымъ имъ долинамъ и углубленіямъ. На поверхность, покрытую Карнійскими альпами, нужно смотрѣть, какъ на одну большую равнину, изъ которой, точно грибы, вырастаютъ отдѣльныя, обособленныя горы и пригорки; о долинахъ и углубленіяхъ въ строгомъ смыслѣ этого слова здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Напротивъ того, Юлійскія альпы представляютъ будто бы одну непрерывную возвышенность, прорѣзанную на различныхъ пунктахъ своей поверхности болѣе или менѣе значительными углубленіями и долинами. Эту формальную противоположность двухъ

системъ горъ можно сравнить съ противоположностью печатей выпуклой и вогнутой (сургучной) или т. п. Само собою разумѣется, что этимъ различіемъ фѳормаци двухъ системъ горъ обусловлено тоже различіе въ системѣ свойственныхъ имъ водъ, рѣкъ, потоковъ и вообще какихъ бы то ни было отливовъ. Тогда какъ рѣки и потоки, прорѣзывающіе долины Юлійскихъ альпъ, служатъ постояннымъ, правильнымъ отводомъ для тающихъ снѣговъ и др. т. п. только въ извѣстныя времена появляющихся водъ, и такимъ образомъ предохраняютъ ближайшія мѣстности отъ внезапныхъ наводненій,—мѣстности, лежащія у подножья Карнійскихъ альпъ, вслѣдствіе отсутствія правильного отлива, подвергаются очень часто опустошительнымъ наводненіямъ.

По увѣренію мѣстныхъ (Удинскихъ) натуралистовъ и, прежде всего, Тарамелли (Tagamelli), подобное же основное различіе между Карнійскими и Юлійскими альпами замѣчается тоже въ зоологическо-ботаническомъ отношеніи: фауна и флора Карнійскихъ альпъ совершенно разнится отъ фауны и флоры альпъ Юлійскихъ. Наконецъ, что для насъ самое интересное, и въ этнографическомъ отношеніи замѣчается въ настоящее время полное различіе между названными системами горъ. Это, конечно, различіе, какъ говорится, «случайное», непредставляющее той неизмѣнности и даже незыблемости, какъ прочія выше упомянутыя различія; но тѣмъ не менѣе, теперешнее этнографическое различіе альпъ Юлійскихъ и Карнійскихъ есть фактъ неоспоримый и несомнѣнный.

Карнійскія альпы населены Романскимъ племенемъ, и именно частью Фурланъ (Pez. Láhi, ti Láski), которые, по всей вѣроятности, состоятъ изъ потомковъ древнихъ Карновъ (Carni), съ примѣсью восторжествовавшего впоследствии Романскаго или Латинскаго элемента. Юлійскія же альпы, со всѣми ихъ отлогостями, холмами и переходными возвышенностями отъ горной системы къ равнинѣ, можно сказать, принадлежать всецѣло Славянскому племени. Покуда отпрыски Юлійскихъ альпъ — до тѣхъ поръ и Славяне. Только на равнинахъ у подножья Юлійскихъ альпъ и въ альпахъ Карнійскихъ живетъ Романское племя. При этомъ нельзя не замѣтить, что Славянское народонаселеніе Юлійскихъ альпъ представляетъ, въ племенномъ отношеніи, самые разнообразныя отбѣнки.

Чтобы дать примѣръ этого разнообразія, я представлю здѣсь краткую этнографическую топографію только той части Юлійскихъ альпъ, которая лежитъ по правую, западную сторону рѣки Сочи

(Isonzo, Рес. Soča), прорѣзывающей Горицкую землю съ сѣвера на югъ, и, послѣ соединенія съ потокомъ Теромъ или Torpe (torrente Torre, Рес. Toèr), вливающейся, подъ общимъ названіемъ рѣки Здобы (Sdobba), въ Монфальконскій заливъ (Monfalcone) Адриатическаго моря. Эта часть Юлійскихъ альпъ занимаетъ весьма незначительное пространство, а между тѣмъ на ней живетъ нѣсколько Славянскихъ племенъ. Географически и, вмѣстѣ съ тѣмъ, политически эти разныя Славянскія племена раздѣлены, прежде всего, главнымъ хребтомъ занимаемаго ими отдѣла Юлійскихъ альпъ, тянувшимся вообще съ сѣвера на югъ, болѣе или менѣе параллельнымъ съ Сочею, и въ южной своей части, то-есть тамъ, гдѣ начинаютъ уже появляться однѣ только небольшія возвышенности, вполнѣ теряющимъ свою выразительность. Этотъ главный хребетъ раздѣляетъ занимающій насъ теперь отдѣлъ Юлійскихъ альпъ на двѣ части, восточную и западную. Въ восточной части живутъ исключительно разныя Словинскія или Крайно-Словенскія, «Хорутанскія», племена, простирающіяся тоже и на лѣвомъ, восточномъ берегу рѣки Сочи. Одно изъ этихъ Крайно-Словенскихъ племенъ, особенностями своего говора рѣзко отличающееся отъ всѣхъ остальныхъ, занимаетъ, между прочимъ, почти весь югъ названнаго отдѣла Юлійскихъ альпъ, т. е. всѣ переходныя возвышенности какъ западнаго, такъ и восточнаго склона. Подвигаясь теперь по западному склону въ сѣверо-восточномъ направленіи, мы встрѣчаемъ, прежде всего, относительно-многочисленное племя св.-Петровцевъ (обитатели *distretto di s.-Pietro*), говоры которыхъ привели меня къ заключенію, что они, по своему происхожденію, Сербо-Хорваты, подвергшіеся довольно значительному Крайно-Словенскому вліянію. На сѣверо-западъ отъ св.-Петровцевъ живутъ чистые Сербо-Хорваты, «Чакавцы». Наконецъ на сѣверъ отъ этихъ послѣднихъ мы находимъ Резьянъ. — Только двѣ небольшія долины Юлійскихъ альпъ, лежація къ сѣверу отъ Резьи, принадлежатъ теперь уже Романскому племени. Эти долины — Раколяна и Доня (*Dogna*). Онѣ прорѣзаны потоками, Раколяною и Донею, текущими, точно также какъ и потокъ Резья, съ востока на западъ, впадающими, какъ и Резья, въ рѣку Фелу Желѣзнаго Канала и дающими, подобно Резьѣ, названіе долинамъ, черезъ которыя протекаютъ. Эти долины, Раколяна и Доня, составляютъ каждая особую волость (*comune*), но главные мѣста, столицы этихъ волостей, селенія Раколяна и Доня (Рес. *Dùna*), лежатъ внѣ самихъ долинъ, на рубежѣ между Юлійскими и Карнійскими альпами, т. е. въ Желѣз-

номъ Каналѣ, Раколяна на лѣвомъ, восточномъ берегу рѣки Фелы, или въ сторону Юлійскихъ альпъ, Доня даже на правомъ, западномъ берегу той же рѣки, или въ сторону альпъ Карнійскихъ. 31 декабря 1871 г. въ волости Раколяна было на лицо 1687, въ волости же Дони — 1175, итого 2862 жителей. А такъ какъ на мѣстности, принадлежащія этимъ волостямъ и лежащія въ Желѣзной Долинѣ, нужно, по-моему, отсчитать, по крайней мѣрѣ $\frac{2}{3}$ всего числа жителей, то на одну долину Раколяны придется около 550, на долину же Дони около 400, итого болѣе или менѣе 900—1000 жителей.

Что и долины Раколяны и Дони были прежде населены Славянами, и даже, по всей вѣроятности, Славянами, принадлежащими къ Резьянскому племени, на это наводитъ, прежде всего, народное преданіе и, затѣмъ, женскій костюмъ, сохраняемый до сихъ поръ нѣкоторыми, впрочемъ только старыми, женщинами названныхъ долинъ и совершенно похожій на такой же костюмъ Резьянокъ. Наконецъ, прежняя принадлежность Славянамъ этихъ двухъ долинъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми мѣстностями альпъ Карнійскихъ и нѣкоторыми мѣстностями, находящимися на рубежѣ между этими двумя системами горъ, доказывается многими мѣстными названіями, очевидно Славянскаго происхожденія. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ названій, списанныя съ карты Австрійскаго генеральнаго штаба ¹⁾:

Въ долинѣ Раколяны: гора и горное пастбище Cregnedul (по всей вѣроятности, = Крайній Долъ), гора Gorinda (?), обитаемая мѣстности Tapaгоz (? ср. Tapartamaro, т. е. tà par Tàmoru въ Учейской долинѣ Резьи), Sotto Medoni (?), Pezzeit (?), Chiout Cali (? то же потокъ того же имени), гора Usez (?), потокъ и обитаемая мѣстность Patoch (= Потокъ) и т. д. Въ долинѣ Дони: пастбище Radoda, гора, потокъ и пастбище Bieliga, потокъ и обитаемая мѣстность Plechiza (= Плечица, «Плачица» или т. п.), пастбища Rubadic (?), Moncinos (?), холмъ Colle Godis, гора Col della Baita (?) и т. д. Въ Желѣзной Долинѣ по лѣвую, восточную сторону Фелы: пастбище Mincigos (?), обитаемая мѣстности Prerit (Prerit di sopra, Prerit di sotto), Cadremazzo (? напоминаетъ Codromaz, то-есть, Kodrmac, въ чисто Славянской мѣстности, у рѣки Юдріи, Judrio, на границѣ между Австріею и Италіею, на во-

¹⁾ При этомъ необходимо замѣтить, что вѣрность названій мѣстностей, обозначенныхъ на картѣ генеральнаго штаба, весьма сомнительна, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, сличая написанія этой карты съ настоящими названіями посѣщенныхъ мною мѣстностей, между прочимъ, и въ Резьянской долинѣ (см. ниже).

стоѣтъ отъ Св.-Петра, S.-Pietro degli Schiavi), потокъ Mucilla (?=Мочила), обитаемая мѣстность Povizzi (вблизи Резьюты, Resiutta), Ravorada (?) и т. д. Въ Желѣзной Долинѣ по правую, западную сторону Фелы и въ Карнійскихъ альпахъ вообще: потокъ и обитаемая мѣстность Studena (неподалеку отъ Понтебы), горы Slenza (?), Zusso di Boor (?), Bellepeit (=Бѣлая Печь, т. е. Бѣлая Скала), обитаемыя мѣстности Vidali (?), Polizza (=Полица), потокъ и пастбище Rattocco, пастбища Raunis, Dol, Ravni, Sacont (?), потоки Brezzi (?), Milon (?) и т. д.

Эти названія мѣстностей доказываютъ, что на западъ отъ Резьи, Раколяны и Дони въ прежнія времена жили Славяне, хотя бы впрочемъ только спорадически разбросанные и перемѣшанные съ Фурланами. О прежнемъ распространеніи Славянъ въ сѣверной Италіи вообще я скажу нѣсколько словъ въ примѣчаніяхъ къ статьѣ Вогрича «О Славянахъ въ Итальянскомъ королевствѣ».

Какъ я уже замѣтилъ, Резьяне живутъ въ двухъ долинахъ, Резьянской и Учейской. Обѣ эти долины берутъ названіе отъ потоковъ, прорѣзывающихъ ихъ во всю ихъ длину, Резьянская долина—отъ потока или рѣки Резьи, Учейская же долина—отъ потока Учьи (то-есть, «Волчвей»). Только Резьянская долина можетъ быть названа долиною въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ она является довольно обширною равниною, въ которую постепенно переходятъ склоны горъ, ее окружающихъ. Учейской же долины по-настоящему вовсе нѣтъ. Берега маленькаго потока Учьи такъ круты и потому такъ неприступны, что на нихъ невозможно построить рядомъ даже хотя бы только нѣсколько хижинъ. Учья, какъ населенная мѣстность, состоитъ изъ разбросанныхъ хатъ, построенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, по мѣрѣ возможности, такъ-что у отдѣльныхъ обитателей Учейской котловины или Учейскаго оврага нѣтъ сосѣдей въ строгомъ смыслѣ этого слова. Только у самой Австрійской границы встрѣчается небольшая возвышенная плоскость, на которой построено нѣсколько обитаемыхъ домовъ рядомъ. Тамъ тоже стоитъ Учейскій постоянный дворъ или просто корчма (öštoerýa) ¹⁾.

Рѣка Резья (по-Резьянски Bíla, то-есть, Бѣлая, или чаще всего просто wōda, т. е. «рѣка»), собирающая въ себя всѣ горные потоки

¹⁾ Сочетаніемъ буквъ *oe* я обозначаю въ этой статьѣ единичный, простой гласный, соответствующій въ разрядѣ «темныхъ» гласныхъ гласному *e* разряда гласныхъ «ясныхъ». (См. «Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ» §§ 13, 241, 242, 246).

Резьянской долины, впадаетъ у селенія Резьюты (по-Резьянски *tà na Bili*, т.-е. «тамъ на Бѣлой») въ рѣку Фелу. Такимъ образомъ Резьянская долина открыта только съ запада, т. е. въ сторону Фурланъ. Напротивъ того, потокъ Учья течетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и, соединившись на самой Итальянско - Австрійской границѣ съ Бѣлымъ Потокомъ (*rio Bianco*), у Австрійской деревни Жаги (*Saaga*) впадаетъ въ Сочу. Потому Учейская котловина естественнымъ образомъ открыта съ востока, то-есть, въ сторону Австрійскихъ Словинцевъ. Хотя горныя тропинки по обоимъ берегамъ потока Учьи не особенно удобны и даже иногда не совсѣмъ безопасны, все-же Учейская котловина является однимъ изъ весьма немногочисленныхъ естественныхъ проходовъ въ горахъ, отдѣляющихъ въ настоящее время Италію отъ Австріи. Чтобы, пользуясь этимъ проходомъ, пробраться, напримѣръ, изъ Австріи въ Италію, стоить только доѣхать по Горницкому тракту до Жаги, и затѣмъ направиться на западъ вверхъ по теченію потока, впадающаго у Жаги въ Сочу. Перешедши Итальянскую границу и дошедши до мѣста, въ которомъ потокъ Учья сливается съ Бѣлымъ Потокомъ, можно слѣдовать въ Италію по двоякому пути: или подыматься вверхъ по теченію Учьи и взойти на возвышенную плоскость Карницу (*Carnica, Carnizza*), черезъ которую относительно весьма удобный путь ведетъ прямо въ Резьянскую долину, сначала по ровну, и затѣмъ все ниже и ниже, пока наконецъ, внизъ по теченію потока Бармана (*rio Brumant*), миновавъ нѣсколько незначительныхъ селеній, не достигнемъ большой деревни Нивы (*Niwa, Gniva*); или же можно вверхъ по теченію Бѣлаго потока дойти до долины Музацкой (*valle de' Musi*), въ западной части которой начинаютъ появляться небольшія селенія сѣверно-Итальянскихъ Сербо-Хорватовъ. Отъ этихъ селеній довольно сносный путь ведетъ внизъ по теченію потока Тера (*Torre*), въ направленіи съ сѣвера на югъ сначала въ другія селенія Сербо-Хорватовъ, и наконецъ на Фурланскую равнину (*pianura del Friuli*). Другимъ такимъ, относительно удобнымъ, естественнымъ проходомъ изъ Австріи въ Италію является путь, ведущій отъ Креды (*Creda*, на западъ отъ Каборида, *Caporetto*) вверхъ по теченію рѣки Недижи (*Natisone*, Рез. *Nadúža*) къ Логу (*Lonch*), и затѣмъ отъ Лога въ Австрію по довольно широкой возвышенной плоскости въ Чанеболу (*Canebola*) въ Италію. Это, конечно, естественные проходы, созданные природою безъ участія человѣка, и, само собою разумѣется, относительно удобства и легкости сообщенія, не могутъ даже приблизительно

быть сравниваемы съ шосейнымъ трактомъ, ведущимъ изъ Каборада въ Австрію въ св.-Петро въ (S.-Pietro) въ Италію.

Резьянская долина (tá Rozojánska dülýna, ta náša dülína и т. п., официально Resia), какъ я уже сказалъ, открыта только съ запада; и впрочемъ, даже здѣсь входъ въ нее такъ узокъ, что ее безъ большой ошибки можно считать со всѣхъ сторонъ окруженною горами. Самая высокая изъ этихъ горъ, принадлежащихъ всецѣло къ системѣ альпъ Юлійскихъ, есть Канинь или Чянинъ (Рез. Tjanín, hōga Tjanýnawa и т. п., официально M. Canin, вышиною въ 2650 метровъ или $2650 \times 3,16 = 8374$ футовъ), вѣчно покрытый снѣгомъ и отдѣляющій долину Резьи и вмѣстѣ съ тѣмъ Италію отъ Австріи.

Затѣмъ, направляясь отъ Канина на сѣверо-западъ, по правую, сѣверную сторону рѣки Резьи мы встрѣчаемъ кряжъ горъ, составляющій естественную границу между долиною Резьи и долиною Раколяны. Этотъ кряжъ, идущій сначала въ сѣверо-западномъ направленіи, болѣе или менѣе на половинѣ незначительно изгибается и получаетъ направленіе вполнѣ западное или даже немножко юго-западное, пока наконецъ на югъ отъ горы св. Антонія (Рез. ta par sint Antónihu, на картѣ S. Antonio), у сѣвернаго подножья которой потокъ Раколяна впадаетъ въ рѣку Фелу, теряетъ свою выразительность и является естественною преградой между долиною Резьи и Желѣзною Долиною. Главными представителями этого кряжа горъ въ его гораздо болѣе значительной восточной части, отдѣляющей Резью отъ Раколяны, являются слѣдующія горы: Сартъ (Рез. Sart, на картѣ M. de Sarte), Индриница (Рез. Indrinica, ta na Indrinice, на картѣ M. Indrinizza), Пустой Гроздъ (т. е. «пустой лѣсъ», Рез. Pústi gözd, на картѣ M. Peloso?) и т. д.

У подножья горы Канина находятся, между прочимъ, слѣдующіе холмы и возвышенности: Долъ или подъ Жлѣбми (Dul, Dou, tá pod Zlebmi), Верхнее Бердо (tō horíne Bërdo), Межа (ta na Miji, Tanameja), Бердо (Bårdo и т. п., Tonberdo) и т. д. Подвигаясь отъ этихъ возвышенностей на западъ, у подножья вышепоименованнаго кряжа горъ (Сартъ, Индриница и т. д.), мы можемъ назвать слѣдующія холмы и возвышенности: Равныя (ta na Raunih и т. п., Naraune), Колъ (т. е. «холмъ») (Kolk, Kouk и т. п., Colch), Влашскій Колъ (т. е. «Фурланскій холмъ») (ta na Láškin Kólce и т. п., Laschicole), Влашское Бердо (tau Láškin bårde, на картѣ нѣтъ), Стрѣла (tou Strile, ? Chiout), Ломичъ (Lomètj и т. п., Lommig), Оседерокъ (Osridak, tōu Osrítce и т. п., Ofridach),

Глава (won s to Gláwo и т. п., на картѣ нѣтъ), Градъ (wona Grád и т. п., на картѣ нѣтъ), Госло (tìu Gushì, ta wonè Hoslè и т. п., ? C. Gosto), ? (Polincicolch), Рупи (ta na Rúštjah и т. п., Rusces) (неподалеку от деревни Резьюты, у которой поток Резья вливается въ рѣку Фелу Желѣзнаго Канала) и т. д.

Горныя возвышенности Резьянской долины, находящіяся съ лѣвой, южной стороны рѣки Резьи, можно раздѣлить на двѣ части, западную и восточную. Западная часть служить вмѣстѣ съ тѣмъ южною границею всей Резьи, состоящей, какъ я выше замѣтилъ, изъ долины Резьянской и Учейской (Волчьей) котловины. Восточная же часть южныхъ горныхъ возвышенностей Резьянской долины отдѣляетъ ее отъ рѣки Учьи и отъ прорѣзываемой этою рѣкою котловины или оврага. Естественнымъ предѣломъ между этими двумя частями только-что поименованныхъ горныхъ возвышенностей является потокъ Барманъ, текущій съ юга на сѣверъ и у деревни Нивы впадающій въ рѣку (потокъ) Резью. Этотъ, на сколько мнѣ кажется, главный притокъ рѣки Резьи беретъ начало на возвышенной плоскости Карницѣ, съ которой именно начинается юго-восточная, Учейская, часть Резьянской области.

Изъ первостепенныхъ горъ западной части только-что назван-
ной южно-Резьянской цѣпи можно указать на Форку или Форчу
(т. е. «виды» или «висѣлицу») (Fórtja и т. п., M. Forca), изъ ко-
торой течетъ Черный потокъ (Čárni pötök и т. п., Cernipotoch),
одинъ изъ южныхъ притоковъ Резьи, на Куцеръ (Kücer и т. п.,
M. Cuzzer), возвышающійся по лѣвую, западную сторону потока
Бармана, и т. д. Изъ другихъ же возвышенностей и возвышенныхъ
плоскостей той же западной, обще-Резьянской, части южно-Резьян-
скаго края горъ могутъ быть названы Планиница (tòu Planínycu,
Planinizza), Скала (tapöd Skálo, ? Fontanone), Стремецъ (tòu Stàr-
mace и т. п., на картѣ нѣтъ) и т. д.

Восточная часть южно-Резьянского края горъ, отдѣляющая долину Резьи отъ котловины Учьи, значительно длиннѣе части западной и состоитъ, между прочимъ, изъ слѣдующихъ членовъ первоклассной величины: Стропъ (Strop, M. Strop), Низкая Глава («голова») или Низкое (Nyska Hláva, Nyskoe, M. Nisca), Моронцанъ (Móroncan, на картѣ нѣтъ), Кила (Kila или Kyla, göra Kilina, M. Chila), Соновикъ (Sonovèk, M. Snovit), Гварда (Wárda, M. Guarda) и т. д. Отъ Гварды на сѣверъ лежатъ гора Баба (M. Babba), составляющая самую южную отлогость Канина или Чанина, и затѣмъ Жлѣбы, между Гвардою и Каниномъ.

Съ сѣверной стороны только-что описаннаго юго-восточнаго Резьянскаго края горъ, въ сторону долины рѣки Резьи, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующіе холмы и вообще второстепенныя возвышенности: Трайное Бердо (Trájne Bârdо и т. п.), у подножья горы Стропа Проваль (Provalo), Штриёновъ Колеъ (т. е. «холмъ колдуновъ») (Štrijónou Kòlk, Kòuk), у подножья горы Ки-лы Верхній Хлѣвецъ (té horíni Hlívac, Clivaz di sopra), Нижній Хлѣвецъ (te zdulíni Hlívac, Clivaz di sotto), Куть или Коть (Kòt, на картѣ нѣтъ), Тупое Бердо (Tópe Bârdо, Toreberdo), Черная Печь (т. е. «скала») (Čárna poetj, Cernareg), Слатина (Slátina и т. п., Slatina), Яма (Jáma и т. п., Jame) и т. д. Четыре послѣднихъ возвышенности (Тупое Бердо, Черная Печь, Слатина, Яма) лежатъ у самой рѣки (потока) Резьи на ея лѣвомъ, южномъ берегу.

Переходимъ теперь къ горамъ и вообще возвышенностямъ, окружающимъ Учейскую котловину. Прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить возвышенную плоскость Карницу, которая является естественнымъ соединителемъ Учейской котловины съ Резьянскою долиною, такъ какъ черезъ нее ведетъ довольно удобный путь, и такъ какъ собственно на ней берутъ начало и потокъ Учья, текущій на востокъ и впадающій въ Сочу, и потокъ Барманъ, текущій сначала въ сѣверо-западномъ, а потомъ въ сѣверномъ направленіи, и вливающійся въ рѣку Резью. Затѣмъ, на лѣвомъ, сѣверномъ берегу потока Учьи, то-есть, въ сторону Резьянской долины, мы встрѣчаемъ, идя съ запада на востокъ, отъ Карницы къ Австрійской границѣ, прежде всего южныя отлогости горъ, отдѣляющихъ долину Резьи отъ котловины Учьи, а именно южныя отлогости Низкой Главы, Ки-лы, Соновика и т. д. Вслѣдствіе же близости названнаго края горъ къ потоку Учья нѣтъ выдающихся второстепенныхъ возвышенностей на раздѣляющемъ ихъ промежуточномъ пространствѣ. Только у самой Австрійской границы, гдѣ потокъ Учья изъ болѣе или менѣе восточнаго принимаетъ сначала юго-восточное и, затѣмъ, сгибаясь подъ угломъ приблизительно 120°, совершенно восточное направленіе, и гдѣ помѣщается общественный центръ Учьи, какъ населенной мѣстности, именно къ сѣверу отъ построенныхъ здѣсь домовъ и на югъ и юго-западъ отъ горъ Соновика и Гварды возвышается довольно значительная гора Каль (Kal, Kau, M. Cal), отрѣзанная отъ Австріи Вовьею поточиной или Вовымъ потокомъ (? Wóvji pòtòk, Voipotoch), впадающимъ въ Учью съ сѣвера на самой Австрійской границѣ.

Перейдя у Австрийской границы рѣку Учью и подвигаясь по ея правому, южному берегу съ востока на западъ, мы сейчасъ же натапливаемся на Бѣлый потокъ, по обѣимъ сторонамъ котораго возвышаются горы, составляющія крайній южный предѣлъ всей Резьянской области. На югъ отъ Бѣлаго потока, тоже вблизи Австрийской границы, видѣется высокая гора Стремецъ, и у ея подножья, къ сѣверо-западу, между нею и Бѣлымъ потокомъ, возвышенность или возвышенности Межа или Межи (Moča, tá na Miji, Тапа-пеа). На югѣ отъ этихъ горъ и возвышенностей простирается съ востока на западъ краѣй горъ первоклассной величины, принадлежащій всецѣло къ области южныхъ сосѣдей Резьянъ или сѣверно-Итальянскихъ Сербо-Хорватовъ, въ восточной же своей части продолжающійся въ Австрію къ рѣкѣ Сочѣ и тѣмъ самымъ прорѣзывающій область Словинцевъ или Крайно-Словенцевъ.

Поднявшись же къ сѣверу отъ Бѣлаго потока, сначала между нимъ и потокомъ Учьею, и затѣмъ между Резьянскою областію вообще и Музецкою долиною, населенною сѣверно-Итальянскими Сербо-Хорватами, мы встрѣчаемъ непрерывную цѣпь горъ, постепенно увеличивающихся и, наконецъ, въ западной своей части являющихся непроходимомъ исполинскою зубчатою стѣною съ вѣчно снѣжными вершинами. Имена отдѣльныхъ членовъ этой непрерывной цѣпи горъ суть, между прочимъ, слѣдующія: Щитъ (wóna Štjit и т. п., на картѣ нѣтъ), Низкій Верхъ (Niski Warh, M. Nischivarche), Яворъ (táu Jáwore, zá za Jáworon, M. Tasajaworam), Козарьевецъ (Kozarjúnac, на картѣ нѣтъ), и, наконецъ, Музецъ или Музецкія горы (Müzac, tápod Müscon и т. п., Monte de' Musi и M. Candin). Этотъ послѣдній рядъ горъ (Музецъ) и является только-что упомянутою непроходимомъ зубчатою стѣною съ вѣчно снѣжными вершинами. На сѣверо-западъ отъ Музца возвышается уже извѣстная намъ гора Форка или Форча; на востокъ же отъ Форки на сѣверной отлогости Музецкихъ горъ берутъ начало многіе горные потоки и поточья, ручьи и ручейки, сливающимся впослѣдствіи съ потокомъ Барманомъ и выѣстъ съ нимъ впадающіе въ рѣку Резью.

Гдѣ только на горахъ, принадлежащихъ Резьѣ, простирается болѣе или менѣе обширная равнина, покрытая травомъ и вообще зеленью, повсюду взбирается Резьянинъ и превращаетъ этотъ скудный подарокъ природы-мачихи въ луга и пастбища. Подобныя горныя пастбища называются полонинами (planina или planypa, множ. planine или planupe). На полонинахъ вездѣ построены

хижины, въ которыхъ живутъ лѣтомъ пастухи и пастушки, до тѣхъ поръ, покамѣстъ холодъ и желтѣющая трава не заставляютъ ихъ возвращаться въ долину, вмѣстѣ со своимъ скотомъ. Само собою разумѣется, что мѣстъ, на которыхъ построены эти временные пастушескіе пріюты, нельзя никакъ считать населенными мѣстностями. Между тѣмъ ученые и путешественники, ознакомившіеся съ Резьей весьма поверхностно, приняли нѣкоторые изъ «полонинъ» за деревни и изобрѣли такія Резьянскія селенія, какъ, напримѣръ, Руш-тись, или *pod Rúštju* (*Rusces*), на *Čarnym potoci*, *Hospod-puci*, *Auštis* (!!), *Povieu* (!!) и т. п. Горныя полонины берутъ свои названія, по большей части, отъ горъ, холмовъ и возвышен-ныхъ плоскостей, на которыхъ или подъ которыми находятся. Такъ, напримѣръ, изъ упомянутыхъ выше названій горъ, холмовъ и возвышенныхъ плоскостей повторяются, какъ названія «полонинъ»: Бердо, Канинъ или Чанинъ, Колѣзъ, Равныя, Ломичъ, Осере-докъ, Рущи, Планиница, Скала, Провалъ, Хлѣвецъ, Слатина, Яма и т. д.

Изъ неназванныхъ же до сихъ поръ полонинъ Резьянской долины я называю слѣдующія: Планина (*Planyna* и т. п.) на горѣ Канинѣ, Клинь (*Klin, Clin*), Печная Равень (*Pítjina rávan* и т. п., *Piginegavan*) (обѣ у истоковъ рѣки Резьи и у подножья горы Ка-нина), Сартная Равень (*Sàrtna rávan* и т. п., *Sartnaravan*) у самой рѣки Резьи на послѣднемъ склонѣ горы Сарта, Лугъ или Логъ (*tá na Lôho*) вблизи Столбицы, Дриница (*Drínica* и т. п., *Drinizna*) у самой рѣки Резьи вблизи деревни Столбицы, Ломы (*ta na Lómih* и т. п., *Lomme*) на горѣ Пустой Гоздъ (? *M. Peloso*), Равница (*tou Rávanse*, на картѣ нѣтъ) на югѣ отъ деревни Осоянъ, ит.

Главнымъ же средоточіемъ Резьянскихъ полонинъ являются отлогости горъ и возвышенныя плоскости у истоковъ потока Учьи и на лѣвомъ берегу его. Прежде всего заслуживаетъ вниманія полонина Карница на громадной возвышенной плоскости, съ кото-рой стекаетъ потокъ Учья. Эта полонина принадлежитъ жителямъ общины Нивы и распадается на нѣсколько меньшихъ полонинъ, между которыми можно отмѣтить Нивицу, названіе которой прямо указываетъ на ея принадлежность Нивѣ. Учейской полонины Карницы не слѣдуетъ смѣшивать съ другою Карницей, находя-щеюся въ долинѣ рѣки Резьи и принадлежащею, какъ полонина, жителямъ общины Столбицы. Изъ другихъ Учейскихъ полонинъ, лежащихъ по лѣвую, сѣверную сторону потока Учьи, и входящихъ въ составъ Учьи, въ противоположность Карницѣ, можно упомя-

нута о слѣдующихъ: Печи (túp ti Patjáh, на картѣ нѣтъ), Испица (Jispíca и т. п., на картѣ нѣтъ), Межа (tá na Mijè и т. п., на картѣ нѣтъ), Таморъ (tárag Támoгу и т. п., Tarartamaro) и т. д. На правомъ, южномъ берегу потока Учьи заслуживаетъ вниманія одна только полонина Расуха (túu Rasühi и т. п., Rassuca), болѣе или менѣе напротивъ Тамора.

Вслѣдствіе постояннаго увеличенія народонаселенія и невозможности помѣщаться всѣмъ въ прежде основанныхъ деревняхъ, нѣкоторые изъ жителей этихъ деревень выселились и построили постоянныя жилища въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде были только полонины или даже просто лѣса. Такимъ образомъ выходцами изъ деревни Осоянъ населилась прежде необитаемая Учейская котловина. Другія названія подобныхъ вновь основанныхъ селеній я сообщу впослѣдствіи, исчисляя населенныя мѣстности Резьянской волости.

Въ заключеніе этого описанія горной системы Резьянской территоріи, я исчислю здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ названія тѣхъ горъ, холмовъ и возвышенныхъ плоскостей, вмѣстѣ съ «полонинами», положеніе которыхъ я по большей части не въ состояніи опредѣлить въ настоящее время, такъ какъ они вовсе не обозначены на топографической картѣ Австрійскаго генеральнаго штаба, и такъ какъ, кромѣ того, я записалъ ихъ безъ надлежащей точности. Вотъ эти названія: Бѣлая Печь (т. е. «бѣлая скала») (Bíla poétj), Бѣлый Плазъ (tá na Bílim plázu), Берегъ или Брѣгъ (Bríh), Ямница (tòu Jámnice), Ящерица (Jáštjarica), Карна (wòn s Kárno), Копица (Kõpíca и т. п.), Кочяца (Kótjaca, гдѣ-то между горою Низкимъ и деревнею Осоянами), Крочина (т. е. «жабина») (tòu Krótjinej), Ловище (tòu Luvíštje), Млынецъ (wònad Mlíncon и т. п., гдѣ-то неподалеку отъ деревни Столбицы и горы Пустаго Гозда), Плечице (Plétjice, Plétjace), Пологъ (Pölöñ, tòu Pölözoe), Рубъ или Робъ (tou Róbo), Сальварджина (т. е. Salvaregina, Salvardjina), Столецъ (Stolàc), Студенецъ (Studanàc), Ши́я (Šíja, Šyja), Ши́ица (tá na Šíjice), Шкарбина (Skarbína), Стожье (Štöšjoe), Чьямурча печь (т. е. «козулина скала») (Tjamúrča poétj) и т. д.

Перехожу теперь къ обзорнѣю водъ въ области, населенной Резьянами. Это обзорнѣе естественнымъ образомъ распадается на обзорнѣе рѣки Резьи и ея притоковъ и, затѣмъ, на обзорнѣе притоковъ потока Учьи.

Источники рѣки Резьи находятся на юго-западныхъ отлогостяхъ главной Резьянской горы Канина или Чянина и на за-

надныхъ отлогостяхъ горы Бабы. Изъ ручейковъ, стекающихъ съ этихъ горъ и сливающихся впослѣдствіи подъ общимъ именемъ рѣки Резвы, заслуживаютъ вниманія ручей Бѣлая, непосредственнымъ продолженіемъ котораго является впослѣдствіи главная артерія Резвянской долины, рѣка Резва, и затѣмъ Слажники (? *Ślážinik*, R. *Lasnich*). Изъ притоковъ рѣки Резвы, впадающихъ въ нее съ правой, сѣверной стороны, подвигаясь отъ ея источниковъ къ устью, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующіе ручьи и ручейки: Долъ (*Dul*, *Dou*, R. *Duol*), Сухой потокъ (*Sühy pötök*, R. *Suipotoch*), Ронкъ (R. *Ronch*), Сартный потокъ (*Sártni pötök*, R. *Sartni*), Влашскій (т. е. Фурланскій) потокъ (*Láški pötök*, R. *Laschi*), Ломичъ (?) (R. *Lommig*), Маличинъ потокъ (*Máličin pötök* и т. п., R. *Merecini*), Церковный потокъ (*Cirkúni pötök* и т. п.) между Равенцею и Липовцемъ. Лѣвые, южные притоки Резвы превышаютъ въ общемъ свою величиною и значеніемъ притоки праваго, сѣвернаго берега, но за то ихъ меньше. Вотъ главные изъ нихъ: Свиной потокъ (? *Svíni pötök*, R. *Slofigni potoch*), Беричинъ потокъ (? *Béričin pötök* и т. п., ? R. *Poloch*), Барманъ, начинающійся у водопада Загоничъ (? *Žahuněč*, *Žahoněč*), и собирающій въ себя нѣсколько ручейковъ [какъ то Коровій потокъ (*Krăuži pötök*, наполняющійся водою только во время дождя, и текущій вблизи упомянутаго водопада Загонича), Лыцарскій потокъ (*te Lištjarski pötök*, ? R. *Zucchi*) и т. д.], Черный потокъ и т. д.

Притоки рѣки Учвы, берущей начало на полонинѣ Карницѣ и въ своемъ теченіи съ запада на востокъ образующей Учейскую котловину, весьма немногочисленны. Кромѣ уже извѣстныхъ намъ Бѣлаго потока и Вовьяго потока, мнѣ удалось слышать еще только названіе Худой потокъ (*tá rag Húdimu pötöku* и т. п.), но я не нашелъ ничего подходящаго на картѣ и совершенно не въ состояніи опредѣлить положеніе этого потока.

Представивъ довольно подробную номенклатуру Резвянскихъ горныхъ возвышенностей и водяныхъ углубленій, я постараюсь познакомить читателей съ обитаемыми мѣстностями въ долинѣ рѣки Резвы и въ Учейской котловинѣ.

Если отъ Фурланской деревни Резвюты, у которой рѣка Резва впадаетъ въ Фелу, придерживаясь праваго, сѣвернаго берега Резвы, войти по довольно удобной шоссейной дорогѣ по-межъ горъ, окаймляющихъ Резвянскую долину, то мы очутимся въ узкомъ проходѣ, который тянется довольно долго и только неподалеку отъ

устья Черного потока въ рѣку Резью начинается постепенно расширяться. На всемъ протяженіи этого узкаго прохода нѣтъ Резьянскихъ поселеній. И только недалеко отъ Резьюты по ту, то-есть, лѣвую, южную сторону рѣки Резьи замѣчается поселеніе Resartico, которое точно также какъ Резьюта и Rovizzi (деревня, лежащая напротивъ Резьюты, тоже на лѣвомъ берегу Резьи), принадлежитъ Фурланскому племени.

Начиная однакожь съ того мѣста, гдѣ узкій входъ въ Резьянскую долину принимаетъ уже полу-воронкообразную форму, у подножья полонины Рущи, появляются въ нѣсколькихъ мѣстахъ или отдѣльныя хаты или же даже по нѣскольку хатъ вмѣстѣ. Минувавъ же послѣднее уже болѣе значительное поселеніе подъ Кланцемъ и идя, конечно, все по той же шоссейной дорогѣ, мы входимъ, наконецъ, въ первую Резьянскую деревню, Бѣлую или св. Георгій (tòu Bile и т. п. въ языкѣ другихъ деревень, tũu Šan Dšórcse и т. п. въ языкѣ жителей самой этой деревни, официально, на картахъ и въ спиекахъ, S. Giorgio). Эту деревню называютъ тоже Деревнею по преимуществу (tòu Wasè и т. п.), что во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія. Это названіе, Деревня (tòu Wasè и т. п.) присвоено еще только одной части деревни Столбицы; въ остальномъ же оно вовсе не встрѣчается.

На разстояніи 1—1½ версты отъ Бѣлой по той же шоссейной дорогѣ лежатъ три небольшія селенія вмѣстѣ, неимѣющія самостоятельнаго значенія въ административномъ отношеніи: Липовець (Lipavac, Luravac, Lipovaz), Раванца (Rávanca и т. п., официально Sul Prato, на картѣ ложно Resia), Крижацы (Križasa, на картѣ нѣтъ). Со стороны Бѣлой ближе всѣхъ прочихъ—Липовець, который въ административномъ отношеніи и причисленъ къ Бѣлой (S. Giorgio). Если же мы только пройдемъ мостъ на Церковномъ потокѣ, то и очутимся въ Раванцѣ, которая является административнымъ и церковнымъ центромъ всей Резьянской волости, и которой, вслѣдствіе этого, по всей вѣроятности, присвоено на картѣ генеральнаго штаба названіе Resia. Въ Раванцѣ главная приходская церковь и волостное правленіе (municipio) Резьянъ. Пройдя весьма незначительное пространство позади Резьи, мы натываемся на Крижацы, про жителей которыхъ жители другихъ деревень и селеній рассказываютъ, что они распинали на крестѣ Спасителя (ni so križali bõha), и поэтому и получили названіе Крижацевъ («крестовцевъ»).

У Раванцы оканчивается шоссейный путь, идущій изъ Резьюты, и соединяющій центры двухъ сосѣднихъ волостей, Резьюты и Резьи.

Такимъ образомъ путешествіе на лошадяхъ въ другія деревни и селенія чрезвычайно затруднено. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ не случилось видѣть, чтобы кто-нибудь изъ Резьянъ возилъ вещи далѣе Раванцы. Даже оселъ здѣсь не въ употребленіи, и все переносятъ на плечахъ и спинѣ.

Всѣ до сихъ поръ поименованныя населенныя мѣстности Резьянской долины лежатъ по правую, сѣверную сторону рѣки Резьи. Оставаясь на той же сторонѣ и подымаясь все выше и выше, мы, миновавъ нѣсколько незначительныхъ селеній, доходимъ наконецъ до деревни Столбицы, позади которой начинаются уже болѣе или менѣе крутыя отлогости горъ Сарта и Канина. Эта послѣдняя громадная гора кажется въ Столбицѣ весьма близкою, тогда какъ подножья главнаго центра ея, т. е. настоящаго Канина, отдалены отъ Столбицы по крайней мѣрѣ на какихъ-нибудь 4—5 верстъ.

На лѣвомъ, южномъ берегу рѣки Резьи лежатъ двѣ большія Резьянскія деревни, Нива и Осоане, отдаленныя другъ отъ друга меньше чѣмъ на версту (всего 10 минутъ ходьбы), и соединенныя съ Раванцею довольно сноснымъ путемъ. Нива лежитъ на правомъ, восточномъ берегу потока Бармана, въ верху почти прямаго угла, образуемаго этимъ потокомъ и рѣкою Резьей (Бѣлой). Съ другой же стороны этого потока, на небольшихъ возвышенныхъ плоскостяхъ, лежатъ два селенія, въ административномъ отношеніи причисленныя къ Нивѣ, и обязанныя своимъ происхожденіемъ выходцамъ изъ этой деревни, но географически составляющія въ настоящее время вполне самостоятельныя единицы. Эти селенія: Гоздъ (Hözd, Gost) и Лищацы или Лищацы (Líšťaca, Lisciaza).

Ознакомившись съ названіями мѣстностей, не мѣшаетъ тоже узнать, какія названія свойственны обитателямъ этихъ мѣстностей. И такъ, жители Бѣлой и Липовца имѣютъ названіе Бѣльскихъ (ti Biski, tí tou Bíli ano tí tou Líporce), жители Раванцы—тѣ на Раванцѣ (tí ta na Rávance), жители Столбицы—Столбичане или Столбицкіе (ti Šolbaški, ti Šoubaski и т. п., Šolbičáni и т. п.), жители Нивы—Нивяне или Нивскіе (Nívjani, tí Nívaški), жители Осоанъ—Осоане или Осойскіе (Osojáni, Osoáni, tí Osójski) и т. д. Наконецъ обитатели Учейской котловины называются Учъярскими (ti Učjárski, tí tou Učjl и т. п.).

Кромѣ выше поименованныхъ болѣе или менѣе значительныхъ населенныхъ мѣстностей, въ Резьянской долинѣ имѣются еще слѣдующія поселенія, иногда состоящія изъ двухъ или даже одного дома: Дурунда (tá par Durúnde, ? Cernipotech) (два дома, первые въ

Резьи со стороны Резьюты), Лазъ (tá na Lázu, Las), Кланецъ (tá pod Kláncem) (семь домовъ между Дурундою и Бѣлою), Мартыновъ Лазъ (Martíni Laz, Martignilaz) (четыре дома между Крижцами и Маличиннымъ потокомъ), Боровичье (Borovičje) (три дома позади Мартынова Лаза), За Млынъ (za Mlín и т. п., Damelin), Хостье (höroè u Hóstje tá par Hudičánenih) (три дома), Постѣна (? , tòu Pöstoenoe и т. п.) (нѣсколько домовъ вблизи Гозда), Млынъ (tá za Mlínem tá par Opótovih и т. п.) (одинъ домъ), Илъ (Jèl tá na Líštjacih, tá na Jílu и т. п.), Учьякъ (Učják), Манилуя или Менилуя (Menilúja, Manilúja), Пелегриновы (tá par Pylyhrýnŭvyh) (обѣ на пути изъ Нивы на Карницу), Лазъ (tá na Lázu) (вблизи Гозда, tá na Hözdoè, и Манилуи), Лончище (tá na Lúnčistje tá par Kárlino Porogóco и т. п.) (нѣсколько домовъ), За Колкомъ (tá za Kòlkon tá par Jájinih и т. п.), Калище (Kalíštje, tá na Kalíštji и т. п., Calísgo) (вблизи Осоянъ), Блэкъ (? , Blèk, tòu ti Blocoè и т. п.) (одинъ домъ), Корыто (tá na Kùrytoe, tá na Kuríte, tá na Kòrytoe и т. п., Coritis), Ченгарлиновъ Млынъ (Cengarlínou mlín и т. п.), Фулинецъ (Fulínac, tá za Fulínem и т. п.) (мельница) и т. д.

Выше я сказалъ, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ прежде были однѣ только полонины и стояли только временныя постройки па-стуховъ, впослѣдствіи времени поселились навсегда нѣкоторые изъ обитателей главныхъ Резьянскихъ деревень, выстроивъ себѣ, конечно, соответственные дѣла. Такимъ образомъ произошли всѣ поселенія въ необитаемой прежде котловинѣ потока Учьи, какъ-то: Руи (tá pod Rumí), подъ Зорми (tá pod Zormí) (Зора, Zorá или Zóra, есть гора), Моцесины (tah Mocésinen), Маринклевичевы (tá par Marinklěšitjuvih) и т. д. Въ Резьянской же долині подъ эту категорію можно бы подогнать, по всей вѣроятности, большинство выше поименованныхъ незначительныхъ мѣстностей. Кромѣ того, я укажу еще на слѣдующія теперь населенныя мѣстности, еще не такъ давно развившіяся изъ простыхъ полонинъ: Брайда (tòu Brájde и т. п.), Дриница, Лугъ или Логъ, Млынъ, (нижній) Хлѣвецъ (всѣ вблизи Столбицы), Корыто, Яма, Клинь, Бердо, Слатина, Хлѣвецъ (эти шесть мѣстностей, съ Корыта по Хлѣвецъ, построены на Осойскихъ полонинахъ, и еще теперь въ административномъ отношеніи составляютъ одно цѣлое съ Осоянами), Ронкъ вблизи Корыта на границѣ между владѣніями деревень Столбицы и Осоянъ, Запусты, Бранъ или Забранъ и т. д.

Само собою разумѣется, что всѣ исчисленныя выше болѣе значительныя Резьянскія деревни и селенія распадаются на нѣсколько

частей съ совершенно особыми, самостоятельными названіями. Средоточіемъ подобныхъ частей является или площадь, или улица, или извѣстная возвышенность, или вообще что нибудь въ этомъ родѣ. Для примѣра назову здѣсь слѣдующія части главныхъ деревень: въ Бѣлой (S. Giorgio): Робида (tá pod Rubído); въ Раванцѣ (Sul Prato): Кальварія (Kalvárih, холмъ, на которомъ стоитъ церковь Раванская); мѣстности въ Столбицѣ: Гать (tá na Hátje), Ладина (tá na Ladýnoe), Долъ, Хостъ, Весъ, Лауъ, за Церковью (ta strán Crkvé), Горица (т. е. «площадь») (tá na Hõrgoe), Прѣсаки (tá na Prísakih и т. п.), Бердо и т. д.; въ Нивѣ: Ледина (tá za Ludýno) и т. д.; въ Осоянахъ (Oseacco): у Креста (tá pag Křízu) и т. д.

Изъ необитаемыхъ мѣстностей (урочищъ) Резьи замѣчательны, между прочимъ, слѣдующія: Господница (Göspõdnica), мѣстность возлѣ деревни Бѣлой и селенія Кланца, на которой, по народному преданію, поселились первые Резьяне, и на которой, затѣмъ, стояла первая Резьянская церковь. Теперь же здѣсь никто не живетъ. Эту мѣстность, Господницу, называютъ тоже Кланцемъ, смѣшивая ее такимъ образомъ съ населенною въ настоящее время мѣстностью того же имени. У Крестовъ или Почивалица (т. е., мѣсто отдохновенія) (tá na Ručiwalce, Ručiwálca и т. п.). Эта мѣстность находится на половинѣ дороги изъ Нивы на «полонину» Карницу. Идущіе туда или сюда) изъ Нивы на Карницу или же наоборотъ) всегда здѣсь отдыхаютъ, и именно на большомъ камнѣ или же возлѣ него. Этотъ камень замѣчательнъ тѣмъ, что по двумъ его сторонамъ нарѣзаны два креста, съ которыми связано сообщенное въ концѣ этой статьи преданіе. Градъ (wõna Grád, Hrád и т. п.). Здѣсь, по народному преданію, стоялъ когда-то замокъ, слѣды котораго въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ замѣтны. Яма, она я Яма (jíta Jáma и т. п., то-есть, «яма» или «гротъ» по преимуществу). Народное преданіе гласитъ, что въ этомъ гротѣ есть золотая руда. Вблизи упомянутаго грота находится водопадъ Загоничъ (Zagunič), дающій начало потоку Барману. Возвышенность Муцово (Múcowo), на которой, согласно народному повѣрію, пляшутъ вѣдьмы и во время пляски производятъ градъ, противъ котораго единственное средство звонить въ колокола (zwunít húdo úro). Ожгище (пожарище, погорѣлое мѣсто) (hõroè pë Ōžištje). Смрѣчье (Šmrěče и т. п.), т. е. мѣстность, покрытая соснами. Слапы (ta dõu Slapíh), т. е., водопады, — мѣстность въ рѣкѣ Бѣлой или Резьѣ, ниже моста между Раванцею и Нивою, гдѣ глубокая вода.

Все выше сказанное относится къ чисто географической сторонѣ Резьянской долины и Учейской котловины, составляющихъ вмѣстѣ Резью, какъ мѣстопребываніе людей Резьянскаго племени, независимо отъ политической принадлежности и административнаго раздѣленія этой географической единицы. Теперь взглянемъ на землю Резьянъ, какъ на часть извѣстнаго государства, и какъ на административную единицу, состоящую изъ еще меньшихъ единицъ.

Всѣмъ, знакомымъ хоть сколько нибудь съ очертаніями границъ Европейскихъ государствъ, извѣстно, что линія, составляющая сѣверную границу теперешней Италіи, и въ своей восточной части отдѣляющая ее, Италію, отъ Австрійскихъ владѣній, немного къ востоку отъ извѣстнаго намъ Желѣзнаго Канала или Желѣзной Долины, въ области уже Юлійскихъ альпъ, дѣлаетъ крутой поворотъ къ югу и въ этомъ направленіи, съ сѣвера на югъ, тянется до самаго Адриатическаго моря. Такимъ образомъ линія сѣверной границы Италіи съ линіею ея восточной границы образуетъ почти прямой уголъ. Въ самомъ верху этого угла лежитъ небольшая долина потока Дони, а къ югу отъ нея долина потока или рѣки Раколяны. Обѣ эти долины, какъ я выше сказалъ, принадлежать въ настоящее время Романскому племени, представителемъ котораго въ этой части Италіи являются Фурлане или Фриулане (Friulani, по-Фурлански Furlans). Перебравшись черезъ горы, закрывающія съ юга долину Раколяны, мы очутимся въ долинѣ рѣки Бѣлой или Резьи, про которую, слѣдовательно, можно приблизительно сказать, что она лежитъ въ верху угла, образуемаго линіями сѣверной и восточной границы Италіи.

Итакъ, въ политическомъ отношеніи Резья принадлежитъ Италіи и находится на самой ея восточной границѣ. До окончательнаго присоединенія Венеціанской области къ Италіи въ 1866 г., Резья составляла частичку Австрійской Венеціанской области или Венеціанскаго генераль-губернаторства (gouvernement von Venedig) или даже Венеціанскаго королевства (regno Veneto, Königreich Venedig), а до Австро-Французской войны 1859 г.—частичку Ломбардо-Венеціанскаго королевства (Lombardisch-Venetianisches Königreich). И въ настоящее время Венеція является въ нѣкоторомъ отношеніи центромъ для всѣхъ частей бывшей Венеціанской области Австріи.

Въ административномъ отношеніи вся Резья, какъ населенная мѣстность, составляетъ одну волость (comune), принадлежащую къ Мужацкому уѣзду (distretto di Moggio) и округу (circondario di

Moggio), столица котораго Мужацъ или Моджіо (Moggio, Рес. Múžas). Мужацкій же округъ составляетъ одинъ изъ округовъ Фріульской или Видемской (Удинской) провинціи (губерніи) (provincia del Friuli, provincia Udinese). Главный городъ этой провинціи Видемъ или Удине. Выборы въ палату депутатовъ Мужацкій округъ производитъ въ Тольмеццо или въ Тумбечъ (Tolmezzo, Рес. Tumjèc), такъ-что избирательнымъ центромъ для Резьи является не Мужацъ, но Тумбечъ, большое село или, съ Русской точки зрѣнія, городъ, лежащій на западъ отъ Мужаца, у устья рѣчки Буть (But) въ рѣку Тальяменто.

Судъ первой инстанціи для Резьянской волости находится въ Мужацѣ, второй или трибуналъ — въ Тумбечѣ и, наконецъ, апелляціонный судъ — въ Венеціи (Venezia, Рес. Banitke). Эти три мѣстности составляютъ для Резьи судебные центры разныхъ степеней ¹⁾.

Считаю нелишнимъ сообщить здѣсь разстоянія нѣкоторыхъ мѣстностей Резьи отъ только-что названныхъ административныхъ и судебныхъ центровъ. Разстоянія эти выражены въ километрахъ. Первая Резьянская деревня со стороны Резьюты, то-есть, Бѣлая, отстоитъ отъ Венеціи на 189,70 килом., отъ Тумбеча — на 24,10 килом., отъ Мужаца же — 14,00 килом. Разстоянія деревни Нивы: отъ Венеціи — 190,80 килом., отъ Тумбеча — 24,90 килом., отъ Мужаца — 14,80 килом. Деревня Осояне: отъ Венеціи — 192,30 килом., отъ Тумбеча — 26,70 килом., отъ Мужаца — 16,60 килом. Деревня Столбица: отъ Венеціи — 194,80 килом., отъ Тумбеча — 29,30 килом., отъ Мужаца — 19,10 килом. Разстоянія поселенія и полонинъ (горныхъ пастбищъ) Корыто: отъ Венеціи — 201,89 килом., отъ Тумбеча — 36,35 килом., отъ Мужаца — 26,27 килом. Поселенія и полонины, извѣстныя подъ общимъ именемъ Учьи: отъ Венеціи — 205,59 килом., отъ Тумбеча — 40,35 килом., отъ Мужаца — 29,97 килом. А вообще Резьянская волость: отъ Венеціи — 189,00 килом., отъ Тумбеча — 23,40 килом., отъ Мужаца — 13,30 километровъ ²⁾.

¹⁾ Ср. «Dizionario dei comuni del Regno d'Italia con la popolazione secondo il censimento del 1871 le circoscrizioni amministrativa, elettorale politica e giudiziaria e con indicazione dei comuni nei quali trovansi uffizi postali e telegrafici, stazioni ferroviarie e scali marittimi compilato e pubblicato coll' approvazione del ministero dell' interno». Seconda edizione. Roma 1873. См. подъ словомъ Resia (già S. Giorgio di Resia).

²⁾ Ср. «Itinerario delle distanze chilometriche da ciascun Paese della provincia del Friuli ai Tribunali d'Appello in Venezia e Correzionale di Udine, Pordenone e Tolmezzo nonchè al corrispondente Mandamento Pretoriale». Другое изданіе: «Stato delle distanze chilometriche da ciascun Paese della provincia del Friuli ai Tribunali d'Appello in Venezia, e Correzionale di Udine, Pordenone e Tolmezzo; nonchè al corrispondente Mandamento

Въ Резьѣ нѣтъ ни почтовой, ни телеграфной станціи. Ближайшія станціи, какъ почтовая для писемъ и вообще для корреспонденціи, такъ и телеграфная, находятся въ столицѣ уѣзда и округа, то-есть, въ Мужацѣ. Письма въ Мужацѣ и обратно носить волостный посыльный (*carroge comunale*, по-Рез. *künsör* и т. п.), и за каждое письмо получаетъ съ отправителей и получателей по 5 центезимовъ или сантимовъ (5 *centesimi*, по-Резьянски *pet centézimou*), что равняется болѣе или менѣе $1\frac{1}{4}$ копѣйкѣ. Такъ какъ почтовая и телеграфная станціи находятся въ Мужацѣ, то и разстояніе отъ нихъ до начала Резьи можно опредѣлить приблизительно на 13—14 километровъ (срв. только-что сообщенныя разстоянія отдѣльных Резьянскихъ мѣстностей отъ Венеціи, Тумбеча и Мужаца).

Какъ вездѣ въ Италіи, такъ и въ этомъ краѣ пассажирская почта не находится въ вѣдѣніи правительства, но сдана частнымъ лицамъ на откупъ. Это было сдѣлано Итальянскимъ правительствомъ съ цѣлью получить заразъ всѣ барыши, хотя, конечно, въ уменьшенныхъ размѣрахъ, и такимъ образомъ покрыть извѣстную часть ужасающаго дефицита казны. Съ тою же цѣлью сданы въ Италіи на откупъ подати, разныя пошлыны и т. п. Станціи пассажирской почты не совпадаютъ со станціями почты пересылочной, и ихъ, разумѣется, больше, нежели этихъ послѣднихъ. Такъ, напримеръ, уѣзжая изъ Резьи и желая воспользоваться ближайшею пассажирскою почтой, не нужно доѣзжать до Мужаца, но можно сѣсть въ почтовый омнибусъ въ первомъ не-Резьянскомъ селѣ, въ Резьютѣ. По особому соглашенію съ откупщиками пассажирскихъ почтъ, по трактамъ, лишеннымъ желѣзныхъ дорогъ, вся корреспонденція перевозится въ Италіи въ пассажирскихъ омнибусахъ.

Ближайшая для Резьянъ станція желѣзной дороги находится въ Удине. Со-временемъ, когда будетъ построена желѣзная дорога между Удине и Понтебою, съ соединительною вѣтвію въ Австрійскихъ владѣніяхъ отъ Понтафля до Тербижа, и куда сѣверная часть этой дороги по необходимости должна будетъ пройти черезъ Желѣзный Каналь, такъ что одинъ изъ ея вокзаловъ будетъ находиться или въ Резьютѣ или же въ Мужацѣ, тогда, конечно, и для Резьи настанутъ въ этомъ отношеніи лучшія времена. Тогда

Pretoriale. См. подъ словомъ *S. Giorgio di Resia*. Въ этой брошюрѣ, относительно Резьи, есть два промаха: во-первыхъ—Учья названа здѣсь, вслѣдствіе опечатки, Упса вм. Уссеа; во-вторыхъ же—Корыто и Учьи приводятся, какъ самостоятельныя административныя единицы или общины (*frazioni*), между тѣмъ какъ по настоящему они составляютъ только части общины Осоянъ (см. ниже).

достаточно будетъ доѣхать на лошадяхъ или же дойти пѣшкомъ только до Резьюты или до Мужаца, чтобы сейчасъ же очутиться въ вагонѣ и ѣхать по желѣзной дорогѣ, куда захочется.

Резьянская волость, какъ и всѣ Итальянскія волости въ административномъ отношеніи является простѣйшею, недѣлимую единицей. Во главѣ ея стоитъ старшина (*sindaco*, Рез. *šindik*), выбираемый каждые три года (по-Резьянски: *wsáke tri lta sà pridi-wa šindika*). Тѣмъ не менѣе должность старшины или синдика здѣсь по преимуществу почѣтная, и власть его болѣе номинальная, нежели существенная. Онъ, конечно, считается первымъ лицомъ въ волости, председательствуетъ на собраніяхъ волостныхъ выборовъ или совѣтниковъ, но настоящая власть во всякой Итальянской волости сосредоточивается въ рукахъ волостнаго писаря или секретаря, назначаемаго правительствомъ. Въ этомъ отношеніи муниципальное устройство Италіи представляетъ наибѣйшее сходство съ муниципальнымъ устройствомъ Франціи.

Недѣлимость Итальянской волости имѣетъ мѣсто только съ чисто административной точки зрѣнія, то-есть, по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, которые составляютъ принадлежность министерства внутреннихъ дѣлъ. Что же касается взаимныхъ отношеній жителей волости, платимыхъ ими податей и другихъ повинностей, Итальянская волость не представляетъ недѣлимой, простѣйшей, крайней единицы, но распадается на нѣсколько меньшихъ, уже безусловно недѣлимыхъ единицъ, которыя по-Русски можно бы назвать общинами (*frazioni*, Рез. *frasjuni*). Такъ и Резьянская волость состоитъ изъ четырехъ общинъ: Сан-Джіорджіо, Нива, Осояне, Столбица. Въ составъ общины Сан-Джіорджіо входятъ слѣдующія деревни и селенія (*borgo*, мн. *borghi*, Рез. *bork*, мн. *bòrkuvì*): Вѣлая, Липовець (селеніе, состоящее изъ 15 домовъ), Дурунда (2 дома), Кланецъ (7 домовъ), 3 дома въ Раванцѣ. Деревни и селенія, составляющія общину (*frazione*) Нива, суть слѣдующія: Нива, Крижацы (11 домовъ), Гоздъ, Лончище, Колякъ, Лыщацы или Лищацы, Бранъ, 1 домъ въ Раванцѣ. Въ составъ общины Столбицы входятъ деревни и селенія: Столбица, Сартъ, часть Корыта, 2 дома въ Раванцѣ. Наконецъ, самая большая община Осояне состоитъ изъ слѣдующихъ деревень и селеній: Осояне, вся населенная Учья, остальная часть Корыта, Яма, Клинь, Бердо, Слатина, Хлѣвецъ, Млынъ, 1 домъ въ Раванцѣ.

Причина принадлежности Учьи къ общинѣ Осоянамъ та, что Учья населена потомками выходцевъ изъ Осоянъ, выселившимися

туда, по мѣстному преданію, сто лѣтъ назадъ. Подобная же причина несамостоятельности и раздѣленія между всѣхъ четырехъ общинъ центральной Резьянской мѣстности, Раванцы. Вся эта мѣстность составила изъ выселенцевъ изъ четырехъ большихъ деревень: Бѣлой, Нивы, Столбицы и даже изъ Осоянъ. Этотъ приливъ населенія изъ другихъ мѣстностей не кончился до сихъ поръ, такъ-что только въ пяти или шести Раванскихъ домахъ живутъ мѣстные уроженцы, остальные же дѣла построены вновь прибывшими изъ Столбицы и изъ Бѣлой.

По мѣстному преданію, на Раванцѣ начали селиться только тогда, когда выстроили церковь. Выстроили же церковь будто бы 1000 лѣтъ назадъ. Эта цифра, основанная на мнѣніи нѣкоторыхъ Резьянъ, между прочимъ, секретаря волости Буттоло, не имѣетъ, конечно, ни какого историческаго основанія. Въ настоящее время въ Раванцѣ помѣщаются какъ гражданскія, такъ и церковныя власти Резьянской волости: здѣсь канцелярія волостнаго правленія, здѣсь таможня, здѣсь приходская церковь, здѣсь живутъ всѣ священники (joëruvi), какъ приходскій (plaván), такъ и два капелана (karalán), здѣсь оба училища, мужское и женское, здѣсь, наконецъ, относительно самое значительное количество трактировъ и постоянныхъ дворовъ.

Всѣ Резьяне вѣроисповѣданія Римско-католическаго, и состоятъ въ вѣдѣніи Удинскаго или Видемскаго архіепископа. Но, на подобіе еще нѣкоторыхъ другихъ, впрочемъ весьма немногочисленныхъ, приходо въ сѣверной Италіи, Резьяне сами выбираютъ себѣ приходскаго священника, и архіепископъ не имѣетъ права навязывать имъ того, кого они не желаютъ. Въ выборахъ участвуютъ всѣ взрослые граждане мужескаго пола, и изъ нѣсколькихъ кандидатовъ считается избраннымъ тотъ, кто получилъ абсолютное большинство голосовъ. При послѣднихъ выборахъ, происходившихъ, кажется, въ 1871 г., было два кандидата въ приходскіе священники: природный Резьянинъ и весьма образованный челоувѣкъ (авторъ статьи о Резьянахъ, о которой я скажу впоследствии нѣсколько словъ), Стефанъ Валенте (Don Stefano Valente), и ни чѣмъ незамѣчательный Славянинъ изъ св.-Петровскаго уѣзда. Избиратели раздѣлились на двѣ партіи: одна состояла по-преимуществу изъ болѣе зажиточныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе образованныхъ Резьянъ, ко второй же примкнули болѣе или менѣе всѣ бѣдные жители прихода. Первая партія желала имѣть приходскимъ свя-

щенникомъ своего земляка, Валенте, вторая же рѣшительно воспротивилась этому, и именно—принимая въ соображеніе его, Валенте, болѣзненность, вслѣдствіе которой онъ, по ихъ мнѣнію, не могъ бы поспѣть во-время ко многимъ умирающимъ и вообще не могъ бы, какъ слѣдуетъ, исправлять свои обязанности. При этомъ противники Валенте упускали изъ вида его добросовѣстность, и совершенно не обращали вниманія на то обстоятельство, что онъ вѣдь былъ бы не одинъ, а имѣлъ бы двухъ помощниковъ въ лицѣ приходскихъ капеляновъ. А такъ какъ бѣдняковъ вездѣ больше, то и въ настоящемъ случаѣ они получили перевѣсъ, и партія священника Валенте оказалась въ меньшинствѣ. Приходскимъ священникомъ былъ выбранъ его соперникъ, до августа 1873 г., т. е., втеченіе двухъ лѣтъ, невыучившійся по-Резьянски и говорящій проповѣди на такомъ языкѣ, котораго никто не въ состояніи понять. Потерпѣвъ неудачу на своей родинѣ, Стефанъ Валенте остался викаріемъ въ Платицахъ (въ области сѣверно-Итальянскихъ Сербо-Хорватовъ), гдѣ онъ прозябаетъ въ крайне бѣдственномъ положеніи ¹⁾.

Покровителемъ (патрономъ) Резьи считается святой Георгій (Svėti Šan Džorġ), церковь (cirkou) котораго находится въ деревнѣ Бѣлой. Но въ настоящее время главною, приходскою, церковью Резьи является не Бѣльская церковь св. Георгія, но церковь въ Раванцѣ, посвященная Богородицѣ (cirkou od Marije věrdjine), возлѣ которой стоитъ домъ приходскаго священника (kapōnyha) и живутъ всѣ священники (joġġō, oġġō, множ. joġġuvī), какъ плебанъ (plavān), такъ и два капеляна (karalān). Кромѣ того, есть церкви въ Нивѣ, въ Осоянахъ и въ Столбицѣ, и въ извѣстные опредѣленные дни во всѣхъ этихъ церквахъ (костѣлахъ), подобно тому какъ и въ Бѣльской церкви св. Георгія, совершается богослуженіе. Нивская церковь состоитъ подъ покровительствомъ св. Флоріана («tā na Nuvoe ni mājo Florjāna prōtoetōrja»). Есть тоже маленькая деревянная церковь (часовня) на полонинѣ Карницѣ, построенная въ честь святой Анны, извѣстной подъ именемъ Кар-

¹⁾ Здѣсь разъ навсегда считаю долгомъ замѣтить, что факты, сообщаемые въ этой статьѣ, основаны на свѣдѣніяхъ, собранныхъ мною въ 1873 г., и нѣтъ совершенно неизвѣстныхъ событій, совершившихся въ Резьѣ съ сентября мѣсяца 1873 г. по настоящее время. Такъ и въ этомъ случаѣ я не могу ручаться, все ли такъ, какъ было въ 1873 г., остается ли до сихъ поръ тотъ же приходскій священникъ, не замѣненъ ли онъ кѣмънибудь другимъ, можетъ быть даже Стефаномъ Валенте, не поступилъ ли этотъ послѣдній въ Резью учителемъ мужскаго училища, какъ это было его задушевнымъ желаніемъ, и т. д. Все это вопросы, на которые я пока не могу дать ни положительнаго, ни отрицательнаго отвѣта.

ницкой Богородицы («Ta mála cirkou, ta mála cirkvúca; joè ta nútri svéta šinta A'na, ná ma jumoe Madóna di Karnica»). Въ этой часовнѣ разъ или два раза въ годъ совершается богослуженіе для пастуховъ и пастушекъ. Только Учья совершенно лишена церкви, и ея жители, принадлежащіе, конечно, къ приходу Резьи, должны ходить или на Раванцу, или же въ не столь отдаленныя церкви ближайшихъ Австрійскихъ деревень.—Только въ одной приходской церкви на Раванцѣ есть органы; но и здѣсь, за неимѣніемъ органиста, они совершенно безмолвствуютъ. Въ остальныхъ же, какъ кажется, болѣе древнихъ церквахъ органовъ нѣтъ и, по всей вѣроятности, никогда не было.

Кромѣ трехъ священниковъ, живущихъ въ Раванцѣ, и пяти церковниковъ (münih, мн. münihuvi), присматривающихъ за каждою изъ названныхъ выше главныхъ церквей, на Раванцѣ, въ Бѣлой, на Столбицѣ, на Нивѣ и въ Осоянахъ или въ Осояхъ, заслуживаетъ вниманія особая, какъ утверждаютъ Резьяне, исключительно Резьянская церковная должность, извѣстная подъ именемъ камерара (camerario, tjamarar). Обязанность камерара состоитъ въ собираніи суммы, нужной для украшенія церкви и содержанія ея въ надлежащемъ порядкѣ. Деньги эти камераръ собираетъ главнымъ образомъ по воскресеньямъ и праздникамъ, и именно съ лицъ присутствовавшихъ при совершеніи обѣдни и по окончаніи ея собравшихся на площади передъ церковью, и затѣмъ съ тѣхъ, кто, для веселаго препровожденія времени, отправляется послѣ полдня часахъ въ тотъ или другой трактиръ. Камераръ подходитъ къ каждому изъ присутствующихъ и обращается къ нему со стереотипною просьбой не забывать о храмѣ Божьемъ. Какъ говорить, въ прежнія времена каждая изъ пяти Резьянскихъ церквей имѣла своего камерара. Теперь же этотъ обычай сохранился только на Нивѣ. Въ 1873 г. камераромъ былъ здѣсь еще молодой (лѣтъ 30—35), но женатый человѣкъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ.

Какъ извѣстно, статистическія исчисленія даютъ самое вѣрное и точное понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ какъ между народонаселеніемъ и обитаемою имъ страной, такъ и между отдѣльными категоріями самого населенія. Поэтому я сообщу подробную статистику Резьянской волости. Эта статистическая картина Резьи составлена мною по даннымъ, предупредительно сообщеннымъ мнѣ въ 1873 г. волостнымъ секретаремъ Резьи, Буттоло (Buttolo). На основаніи этихъ данныхъ, составленъ тоже officialный статисти-

чeskій отчетъ: «Bollettino № 7. Anno VII ¹⁾. 1873. Prefettura della provincia di Udine».

Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что поверхность Резьянской волости равняется 119,8 квадратнымъ километрамъ, изъ которыхъ, какъ мнѣ кажется, болѣе половины слѣдуетъ считать на горы, овраги, пески и вообще совершенно безплодную почву.

Прямыхъ налоговъ эта волость платитъ 2608 франковъ.

Затѣмъ, по народной переписи, совершенной во всей Италіи въ ночь съ 31 декабря 1871 г. на 1 января 1872 г., состояніе народонаселенія Резьянской волости представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Присут- ствовав- шихъ.	Отсут- ствовав- шихъ.	Изъ присутство- вавшихъ: Мужчинъ. Женщинъ.	
Община (frazione) Бѣлая .	527	128	201	326
» Нива	495	122	206	289
» Осояне съ Учьею.	929	293	385	544
» Столбица	586	195	245	341
Итого	2537	738	1037	1500

Вмѣстѣ, присутствовавшихъ и отсутствовавшихъ:

$$2537 + 738 = 3275 \text{ человекъ.}$$

Стало-быть, изъ 3275 всего населенія 738, то-есть, болѣе чѣмъ $\frac{1}{3}$ часть отсутствовала, то-есть, отправилась за заработкомъ въ другіе края. Процентное отношеніе между присутствовавшими и отсутствовавшими выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: 22,5% отсутствовавшихъ и 77,5% присутствовавшихъ. Процентное отношеніе половъ между присутствовавшими есть слѣдующее: 41% мужчинъ и 59% женщинъ. Этотъ громадный перевѣсъ женскаго населенія надъ мужскимъ объясняется тѣмъ, что, относительно только, немногія женщины оставляютъ Резью и ищутъ заработковъ въ другихъ краяхъ, такъ-что значительное большинство между отсутствовавшими 31 декабря 1871 г. придется на долю мужчинъ.

Относительно различныхъ возрастовъ жителей, присутствовавшихъ въ Резьѣ 31 декабря 1871 г., они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Годъ седьмой, VII, считая съ 1866 г., какъ того года, въ которомъ Венеціанская область была присоединена къ Италіи.

1) Некончившіе одного года:

Мѣсяца.	Мужчины.	Женщины.	Вмѣстѣ.
1	2	4	6
2	4	6	10
3	3	5	8
4	1	4	5
5	4	3	7
6	6	3	9
7	7	3	10
8	4	3	7
9	4	5	9
10	5	6	11
11	1	4	5
Итого	41	46	87

2) Съ 1 года до 7 лѣтъ, то-есть, въ не-школьномъ возрастѣ (всѣ неграмотные):

Л ѣ т а.	Мужчины.	Женщины.	Вмѣстѣ.
Кончившіе 1 годъ .	36	26	62
» 2 года .	34	24	58
» 3 » .	30	40	70
» 4 » .	45	36	81
» 5 лѣтъ .	39	39	78
» 6 » .	35	35	70
Итого	219	200	419

3) Съ 7 до 19 лѣтъ, то-есть, въ возрастѣ дѣтскомъ и юношескомъ до времени заключенія браковъ:

ВОЗРАСТЪ.	Мужчины.			Женщины.			В о о б щ е.			Всѣхъ вмѣстѣ.		
	Читающіе.	Читающіе и пишущіе.	Неграмотные.	Читающія.	Читающія и пишущія.	Неграмотныя.	Читающіе.	Читающіе и пишущіе.	Неграмотные.	Мужчинъ.	Женщинъ.	И тѣхъ и другихъ вмѣстѣ.
Кончившіе:												
7 лѣтъ.	1	—	39	—	—	38	1	—	77	40	38	78
8 »	3	—	38	—	—	43	3	—	81	41	43	84
9 »	2	—	37	—	2	31	2	2	68	39	33	72
10 »	2	4	27	—	2	27	2	6	54	33	29	62
11 »	—	6	20	—	1	36	—	7	56	26	37	63
12 »	5	3	20	—	2	38	5	5	58	28	40	68
13 »	—	4	17	—	3	34	—	7	51	21	37	58
14 »	—	7	21	—	—	19	—	7	40	28	19	47
15 »	—	3	16	—	1	21	—	4	37	19	22	41
16 »	—	5	13	—	—	27	—	5	40	18	27	45
17 »	—	4	10	—	1	22	—	5	32	14	23	37
18 »	—	4	3	—	2	28	—	6	31	7	30	37
Итого	13	40	261	—	14	364	13	54	625	314	378	692

Всѣ лица только-что поименованныхъ возрастовъ холостыя.

4) Съ 19 лѣтъ до самаго поздняго возраста.

Возрастъ.	Мужчины.						Женщинам.						Обоихъ половъ.						Итого.
	Холоствяе.	Женатые.	Вдовы.	Грамотность.		Всѣхъ вмѣстѣ.	Незамужнія.	Замужнія.	Вдовы.	Грамотность.		Всѣхъ вмѣстѣ.	Холоствяе.	Женатые и замужнія.	Вдовы.	Грамотность.			
				Читающіе и пишущіе.	Неграмотные.					Читающіе и пишущіе.	Неграмотные.					Читающіе и пишущіе.	Неграмотные.		
Кончившіе:																			
19 лѣтъ .	12	—	—	—	3	9	12	25	1	—	—	26	26	37	1	—	3	35	38
20 „	13	—	—	—	5	8	13	25	—	—	—	25	25	38	—	—	5	33	38
21 годъ .	14	—	—	—	4	10	14	20	4	—	—	23	24	34	4	—	5	33	38
22 года .	4	2	—	—	4	2	6	32	3	—	1	33	35	36	5	—	6	35	41
23 „	10	1	—	—	4	7	11	16	8	—	2	24	24	26	9	—	4	31	35
24 „	6	—	—	—	3	3	6	3	8	1	—	12	12	9	8	1	3	15	18
25 лѣтъ	13	3	—	—	4	12	16	9	12	2	—	23	23	22	15	2	4	35	39
26 „	3	4	—	—	3	4	7	9	7	—	—	16	16	12	11	—	3	20	23
27 „	8	4	—	—	—	12	12	7	11	—	1	17	18	15	15	—	1	29	30
28 „	5	4	—	—	1	8	9	9	17	—	—	26	26	14	21	—	1	34	35
29 „	4	8	—	—	3	9	12	6	16	—	1	21	22	10	24	—	4	30	34
30 „	4	9	—	—	1	12	13	6	13	—	1	18	19	10	22	—	2	30	32
31 годъ .	2	7	—	—	2	7	9	6	13	—	—	19	19	8	20	—	2	26	28
32 года .	6	11	—	—	6	11	17	6	19	—	—	25	25	12	30	—	6	36	42
33 „	6	6	—	—	2	10	12	3	13	1	—	17	17	9	19	1	2	27	29
34 „	3	7	2	—	4	8	12	5	15	—	—	20	20	8	22	2	4	28	32
35 лѣтъ	1	6	1	—	1	7	8	5	15	1	—	21	21	6	21	2	1	28	29
36 „	1	8	—	—	4	5	9	7	15	1	—	23	23	8	23	1	4	28	32
37 „	6	1	—	—	1	6	7	2	22	1	3	22	25	2	28	2	4	28	32
38 „	2	7	—	—	2	7	9	5	12	—	—	17	17	7	19	—	2	24	26
39 „	1	6	—	—	2	5	7	—	12	2	—	13	14	1	18	2	3	18	21
40 „	—	11	—	—	2	9	11	7	23	—	—	30	30	7	34	—	2	39	41
41 годъ .	—	10	—	—	2	8	10	4	10	1	1	14	15	4	20	1	3	22	25
42 года .	—	5	1	—	3	6	—	—	11	—	—	11	11	—	16	1	3	14	17
43 „	—	7	1	—	3	5	8	1	8	—	—	9	9	1	15	1	3	14	17
44 „	1	10	—	—	5	6	11	3	14	1	—	18	18	4	24	1	5	24	29
45 лѣтъ	2	2	1	—	2	3	5	—	7	5	—	12	12	2	9	6	2	15	17
46 „	9	1	—	—	3	7	10	—	10	2	—	12	12	—	19	3	3	19	22
47 „	1	6	1	—	2	6	8	3	9	1	—	13	13	4	15	2	2	19	21
48 „	1	6	1	—	2	6	8	3	10	1	—	14	14	4	16	2	2	20	22
49 „	—	3	—	—	—	3	3	4	10	4	—	18	18	4	13	4	—	21	21
50 „	1	6	—	—	2	5	7	2	15	5	—	22	22	3	21	5	2	27	29
51 годъ .	—	5	—	—	2	3	5	2	7	1	—	10	10	2	12	1	2	13	15
52 года .	1	6	1	—	3	5	8	3	16	5	—	24	24	4	22	6	3	29	32
53 „	—	3	—	—	—	3	3	1	8	6	—	15	15	1	11	6	—	18	18
54 „	—	4	—	—	—	4	4	1	3	2	—	6	6	1	7	2	—	10	10
55 лѣтъ	1	3	—	—	1	3	4	1	4	3	1	7	8	2	7	3	1	10	12
56 „	—	8	—	—	3	3	—	2	6	3	—	11	11	2	14	3	3	16	19
57 „	1	3	—	1	1	2	4	1	7	4	—	12	12	2	10	4	1	14	16
58 „	—	2	3	—	1	4	5	2	7	3	—	12	12	2	9	6	1	16	17
59 „	—	5	—	—	1	4	5	—	5	2	—	6	7	—	10	2	2	10	12
60 „	—	5	—	—	1	—	—	6	7	3	—	16	16	6	12	—	1	20	21

Возрастъ.	Мужчины.						Женщины.						Обоихъ половъ.						Итого.		
	Холодные.	Женатые.	Вдовые.	Грамотность.		Всѣхъ вмѣстѣ.	Незамужнія.	Замужнія.	Вдовые.	Грамотность.		Всѣхъ вмѣстѣ.	Холодные.	Женатые и замужнія.	Вдовые.	Грамотность.					
				Читающіе.	Читающіе и пишущіе.					Читающіе.	Читающіе и пишущіе.					Читающіе.	Читающіе и пишущіе.				
61 годъ.	—	9	3	—	6	6	12	1	7	3	—	11	11	1	16	6	—	6	17	23	
62 года.	1	3	—	—	—	4	4	2	10	4	—	16	16	3	13	4	—	—	20	26	
63 „	—	11	2	—	1	12	13	1	3	9	—	13	13	1	14	11	—	1	25	20	
64 „	—	2	1	—	1	2	3	—	6	2	—	7	8	—	8	3	—	2	9	11	
65 годъ.	—	—	2	—	—	2	2	2	1	5	—	8	8	2	1	7	—	—	10	10	
66 „	—	5	1	—	1	5	6	2	1	3	—	6	6	2	6	4	—	1	11	12	
67 „	—	3	2	—	1	4	5	1	3	3	—	7	7	1	6	5	—	1	11	12	
68 „	—	5	1	—	—	6	6	—	5	5	—	10	10	—	10	6	—	—	16	16	
69 „	—	3	5	—	1	7	8	3	1	1	—	5	5	3	4	6	—	1	12	13	
70 „	1	4	3	—	3	5	8	1	—	10	—	11	11	2	4	13	—	3	16	19	
71 годъ.	1	4	4	—	3	6	9	—	1	2	—	3	3	1	5	6	—	3	9	12	
72 года.	2	4	—	—	1	5	6	1	1	3	—	5	5	3	5	3	—	1	10	11	
73 „	—	1	—	—	1	1	1	—	2	1	—	3	3	—	2	2	—	—	4	4	
74 „	—	3	—	—	—	3	3	1	1	1	—	3	3	1	4	1	—	—	6	6	
75 лѣтъ.	—	1	1	—	1	1	2	—	1	3	—	4	4	—	2	4	—	1	5	6	
76 „	—	1	1	—	—	2	2	—	—	4	—	4	4	—	1	5	—	—	6	6	
77 „	—	1	—	—	1	1	1	—	1	1	—	2	2	—	2	1	—	1	2	3	
78 „	—	—	2	—	1	1	2	—	—	1	—	1	1	—	—	3	—	1	2	3	
79 „	—	1	2	—	1	2	3	—	—	1	—	1	1	—	1	3	—	1	3	4	
80 „	—	1	3	—	—	4	4	—	1	2	—	3	3	—	2	5	—	—	7	7	
81 годъ.	—	—	2	—	1	1	2	—	—	1	—	1	1	—	3	—	—	1	2	3	
82 года.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	—	1	—	—	—	1	1	
83 „	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
84 „	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	2	—	—	2	—	—	2	2	
85 лѣтъ.	—	—	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	1	1	
86 „	—	—	—	—	1	—	1	—	—	1	—	1	1	—	2	—	1	—	1	2	
87 „	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	1	—	1	—	—	—	1	1	
ИТОГО.	132	729	52	1	123	339	463	267	478	131	1	13	862	876	399	757	183	2	136	1201	1339

И такъ, въ ночь съ 31 декабря 1871 г. на 1 января 1872 г. было на лицѣ въ Резьѣ:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Итого.
неокончившихъ 1 года	41,	46,	87,
въ возрастѣ съ 1—6 лѣтъ	219,	200,	419,
„ „ „ 7—18 „	314,	378,	692,
„ „ „ 19—87 „	463,	876,	1339.
Итого	1037,	1500,	2537.

Предоставляя читателямъ дѣлать всевозможные выводы изъ общенныхъ мною статистическихъ данныхъ, я тѣмъ не менѣе не

могу отказать себѣ въ нѣкоторыхъ общихъ замѣчаніяхъ о взаимныхъ отношеніяхъ Резьянскаго народонаселенія.

Народная перепись, на которой основаны мои статистическія таблицы, была произведена въ ночь съ 31 декабря на 1 января, какъ мнѣ кажется, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, тогда именно кончался одинъ годъ и начинался новый, такъ-что народная перепись сводила, такъ-сказать, счеты только-что истекшему году; во-вторыхъ же, слѣдовало воспользоваться, съ одной стороны, зимою, какъ тѣмъ временемъ, въ которое самый меньшій процентъ мѣстнаго населенія ищетъ заработковъ въ чужихъ краяхъ, съ другой же стороны—праздниками Рождества, къ которымъ нѣкоторые изъ отсутствующихъ возвращаются на родину. Не смотря на все это, въ Резьянской волости процентъ отсутствующихъ оказался громаднымъ. Это потому, что родъ занятій многихъ Резьянъ, вмѣстѣ съ невозможностью существовать у себя дома, заставляютъ ихъ иногда втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ скитаться по бѣлу свѣту, не заглядывая вовсе въ родную сторону. Есть, правда, между странствующими Резьянами значительный процентъ проводящихъ въ чужихъ краяхъ ежегодно только нѣсколько мѣсяцевъ, и на все остальное время возвращающихся на родину. Но вѣдь не всѣ удаляются въ одни и тѣ же мѣсяцы. И даже многіе изъ нихъ лѣто проводятъ въ Резьѣ, гдѣ пасутъ скотъ на полонинахъ и обрабатываютъ принадлежащія имъ поля, отправляются же на заработки именно зимою. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, оптовые и мелочные торговцы фруктами, нѣкоторые подѣнщики, работающіе по контракту, и т. д. Такимъ образомъ число отсутствующихъ Резьянъ постоянно уравнивается и колеблется между maximum и minimum, почти равными другъ другу.

Народная перепись въ Италіи 1871 г. обратила должное вниманіе на различіе между присутствовавшими и отсутствовавшими жителями, и, назвавъ только общее число отсутствовавшихъ, опредѣляла подробно и точно отдѣльныя категоріи только между присутствовавшими. Между тѣмъ, предшествовавшая ей народная перепись, произведенная въ Венеціанской области 1862 г., т. е. еще во времена Австрійскаго владычества, не напирала, какъ слѣдуетъ, на это столь важное различіе (присутствующихъ и отсутствующихъ жителей), и выдвинула на первый планъ общее число, которое въ Резьѣ, напримѣръ, равнялось 3170, при чемъ, если не ошибаюсь, присутствовавшихъ было 2981, отсутствовавшихъ же $3170 - 2981 = 189$, т. е., гораздо меньше, нежели въ 1871 г. (738 отсутствовавшихъ).

Упуская изъ вида это весьма важное различіе, т. е., различіе общаго числа жителей, какъ присутствующихъ, такъ и отсутствующихъ, и числа однихъ только присутствующихъ, нѣкоторые Итальянскіе ученые дѣлали совершенно ложные выводы. Такъ, напримеръ, Иванъ Маринелли, профессоръ исторіи и географіи въ Удинскомъ техническомъ институтѣ, снабдившій меня драгоценными указаніями и данными о всѣхъ вообще Славянахъ Венеціанской области, увѣрялъ, что число Резьянъ за послѣднія 10 лѣтъ, значительно уменьшилось (съ 3170 на 2537 или, можетъ быть, съ 2981 на 2537), и что, стало-быть, Резьяне представляютъ племя находящееся на степени полнаго и окончательнаго вымиранія.

Кто прочелъ со вниманіемъ мои замѣчанія о взаимныхъ отношеніяхъ Резьянскаго народонаселенія, тотъ сейчасъ сообразить, въ чемъ здѣсь кроется ошибка, и пойметъ, что выводъ Маринелли совершенно невѣренъ. При этомъ нельзя не замѣтить, что подобное чудовищное уменьшеніе населенія (съ 3170 на 2537) было бы возможно тогда, еслибъ въ Резьѣ втеченіе девяти лѣтъ число умершихъ превышало болѣе чѣмъ втрое число родившихся. Если же сравнить числа, выражающія все Резьянское населеніе въ 1862 и 1871 г., т. е., числа 3170 и 3275, то окажется, что число Резьянъ втеченіе этихъ девяти лѣтъ увеличилось на 105 душъ. Это, правда, увеличеніе небольшое, но во всякомъ случаѣ—увеличеніе. Постепенность этого увеличенія за 9 лѣтъ вполне совпадаетъ съ данными, сообщенными мнѣ относительно движенія Резьянскаго населенія въ 1872 г.: въ этомъ году умерло 100, родилось же 113 человѣкъ, значить, въ окончательномъ результатѣ населеніе Резьянской волости увеличилось на 13 человѣкъ. Впрочемъ, за вѣрность этихъ чиселъ, выражающихъ убыль и прибыль Резьянскаго населенія въ 1872 г., я ручаться не могу, такъ какъ они были сообщены мнѣ только словесно.

По послѣдней переписи, число наличныхъ женщинъ съ 16-ти лѣтнаго по 55-ти-лѣтній возрастъ превышало больше чѣмъ вдвое число наличныхъ мужчинъ того же возраста. Съ другой стороны—поразительно число незамужнихъ женщинъ, въ сравненіи съ замужними и вдовами и въ сравненіи съ холостыми мужчинами. Въ возрастѣ съ 19 лѣтъ до самого поздняго возраста въ ночь съ 31 декабря 1871 г. на 1 января 1872 г. было въ Резьѣ, съ одной стороны, изъ общаго числа женщинъ 876: 267 дѣвушекъ, 478 замужнихъ и 131 вдова, т. е. изъ всего наличнаго состава женскаго пола 30,5% дѣвушекъ, 54,5% замужнихъ и 15% вдовъ; съ дру-

гой же стороны, изъ общаго числа холостыхъ людей 399: 132 холостыхъ мужчинъ и 267 дѣвушекъ, т. е., 33% холостыхъ мужчинъ и 67% дѣвушекъ.

При этомъ не лишень интереса фактъ, что самая старшая изъ присутствовавшихъ въ Резьѣ 31 декабря 1871 г. незамужнихъ женщинъ имѣла 74 года, тогда какъ самой старшей замужней женщинъ было 80 лѣтъ, а самой старшей вдовѣ 87 лѣтъ. Точно также въ мужскомъ населеніи самымъ старшимъ холостякамъ было по 72 года, самому же старшему женатому 80 и, наконецъ, самому старшему вдовцу 86 лѣтъ.

И такъ, число незамужнихъ Резьянскихъ женщинъ доходить—относительно—громадныхъ размѣровъ. Нужно, однакоже, принять во вниманіе, что, если между присутствовавшими женщинами самый большій процентъ приходится на долю дѣвушекъ, то за то между отсутствовавшими было относительно самое большое количество замужнихъ женщинъ, сопровождавшихъ своихъ мужей въ чужіе края, тогда какъ одинокія вдовы и дѣвушки оставались по большей части на родинѣ. Съ другой стороны, несомнѣнно, что, если дѣвушки почти не удаляются изъ Резьи, то громадное большинство холостяковъ постоянно отсутствуетъ, такъ-что самый относительно большій процентъ странствующихъ Резьянъ мужескаго пола приходится именно на ихъ долю. Такимъ образомъ, еслибъ, при подробныхъ вычисленіяхъ, могли были быть приняты въ соображеніе тоже отсутствовавшіе жители Резьи, то процентныя отношенія незамужнихъ женщинъ къ остальнымъ частямъ населенія представились бы въ совершенно иномъ видѣ.

Сосчитаемъ теперь дѣвушекъ, перешедшихъ за 40 лѣтъ, т. е., вступившихъ въ тотъ возрастъ, въ которомъ женщинамъ, невышедшимъ до тѣхъ поръ за-мужъ, рѣдко удается найти себѣ жениха. Въ ночь съ 31 декабря 1871 г. на 1 января 1872 г. такихъ дѣвушекъ было въ Резьѣ:

между 40 и 50 годами 25,

» 50 » 60 » 15,

кончившихъ 60 лѣтъ 21.

Итого 61.

Слѣдовательно, по крайней мѣрѣ 40% всего количества Резьянскихъ женщинъ или приблизительно 70% Резьянскихъ женщинъ, достиг-

шихъ зрѣлаго возраста (начиная съ 19 лѣтъ), обречены на вѣчное безбрачіе.

Если же только-что поименованное число незамужнихъ Резьянскихъ женщинъ, перешедшихъ за 40 лѣтъ, т. е., число 61 сравнить съ числомъ замужнихъ женщинъ и вдовъ того же возраста,

между 40 и 50 годами . . .	112	замужнихъ,	15	вдовъ,
» 50 » 60 » . . .	78	»	34	»
кончившихъ 60 лѣтъ	52	»	73	»
итого	242	»	122	»

или всѣхъ вмѣстѣ, замужнихъ и вдовъ, 364, и если сообразить, что, по всей вѣроятности, процентное отношеніе незамужнихъ къ остальнымъ двумъ категоріямъ со-временемъ будетъ скорѣе увеличиваться, нежели уменьшаться; то окажется неизбѣжнымъ выводъ, что 14,5% и въ будущемъ останется приблизительно вѣрнымъ выраженіемъ числа жертвъ невольнаго офіціального дѣвства, тогда какъ за-мужъ будетъ окончательно выходить болѣе или менѣе 85%, изъ которыхъ приблизительно 29% придется рано или поздно переходить въ категорію вдовъ. При этомъ, конечно, нужно принимать во вниманіе, съ одной стороны—постоянное уменьшеніе черезъ смерть состава зрѣлыхъ лицъ женскаго пола, съ другой же стороны—его постоянное увеличеніе подростающими индивидумами младшаго возраста,—которые, впрочемъ (какъ уменьшеніе, такъ и увеличеніе), распредѣляются болѣе или менѣе равномѣрно между всѣми тремя категоріями: дѣвушекъ, замужнихъ женщинъ и вдовъ.

Главная причина столь большого количества старыхъ дѣвъ въ Резьѣ *) заключается въ томъ, что ихъ соотечественники мужскаго пола начинаютъ скитаться по бѣлу свѣту съ самаго ранняго возраста. Нѣкоторые, впрочемъ, весьма немногіе, изъ этихъ скитальцевъ-холостяковъ пережениваются въ чужихъ краяхъ, и довольно часто тамъ и остаются. Другимъ опять вовсе не удастся обзавестись семьею, или вслѣдствіе крайней бѣдности, или же просто за неимѣніемъ времени для того, чтобы найти себѣ подходящую невесту. Правда, нѣкоторые Резьянки выходятъ за-мужъ за иноплеменниковъ; но это, во-первыхъ, случается очень рѣдко, во-вторыхъ же, если онѣ выходятъ за иноплеменниковъ, то и поселяются на родинѣ

*) Не слѣдуетъ тоже упускать изъ вида того обстоятельства, что мужчинъ обыкновенно вездѣ бываетъ меньше, нежели женщинъ.

своихъ мужей, оставляя навсегда свою собственную родину и содѣйствуя увеличенію не Резьянскаго, а только иноплеменнаго населенія. Только весьма немногіе инородцы, женившіеся на Резьянкахъ, переселяются тоже въ Резью.

Ни Резьянъ, ни Резьянокъ нельзя никакъ упрекать въ природной бесплодности. Резьянскія семьи въ 10—12 человекъ дѣтей вовсе не диковинка. Такъ, на примѣръ, у моего хорошаго пріятеля, Петра Голянды изъ Осоянъ, человека еще нестарого (въ 1873 г. ему было 54 года, а его женѣ 47 лѣтъ), было 12 человекъ дѣтей (5 сыновей и 7 дочерей), изъ которыхъ умерла только одна дочь, и осталось въ живыхъ 11 (5 сыновей и 6 дочерей). И такъ, мы видимъ, что, относительно половой производительности, Резьяне не то, что Венгерцы, у которыхъ втеченіе двухъ лѣтъ, съ 1871 по 1873 г., народонаселеніе уменьшилось на 260000 человекъ, или болѣе или менѣе на 50%, и что о какомъ-то вымираніи Резьянскаго племени даже и рѣчи быть не можетъ.

Что касается Резьянъ и Резьянокъ, отсутствовавшихъ въ ночь съ 31 декабря 1871 г. на 1 января 1872 г., то число ихъ, 738, никакимъ образомъ не можетъ считаться безукоризненно точнымъ. Ихъ, конечно, вовсе не считали, а только опредѣлили ихъ число по паспортнымъ спискамъ. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ Резьянъ и Резьянокъ, значащихся въ паспортной книгѣ, могли умереть. Опять другіе могли родиться въ чужихъ краяхъ; такъ какъ вѣдь нѣкоторые изъ Резьянъ удаляются на заработки вмѣстѣ съ своими женами. Однимъ словомъ, на вѣрность названной цифры 738 нельзя никакъ полагаться и можно считать ее только приблизительною.

Отсутствие столькихъ Резьянъ и Резьянокъ и ихъ постоянныя странствованія объясняются родомъ ихъ занятій. Почти всѣ они занимаются кустарною промышленностью, разными ремеслами, занимаются въ подѣнщики, иногда ведутъ даже довольно обширную торговлю, на примѣръ, фруктами, переписываясь при этомъ съ разными торговыми фирмами, и т. д. Подробное распредѣленіе различныхъ званій и рода занятій между отдѣльными жителями Резьянской волости, присутствовавшими въ ночь съ 31 декабря 1871 г. на 1 января 1872 г., видно изъ слѣдующей статистической таблицы. Я исчисляю эти званія въ алфавитномъ порядкѣ официальныхъ Итальянскихъ названій:

	М у ж ч и н ы .								Ж е н щ и н ы .								Итого мужчин и женщин.
	Граждан. положение.			Возрасть.				Итого.	Граждан. положение.			Возрасть.				Итого.	
	Холостые.	Женатые.	Вдовцы.	Съ 0 до 15 л.	15—30 л.	30—60 л.	60 и т. д.		Незамужн.	Замужнія.	Вдовы.	0—15 л.	15—30 л.	30—60 л.	60 и т. д.		
Лудильщиковъ (Assoncia-Caldaje)	9	9	1	—	11	7	1	19	—	—	—	—	—	—	—	—	19
Земледѣльцевъ (Agricoltori) ,	3	9	—	2	—	2	8	12	—	—	—	—	—	—	—	—	12
Точильщиковъ (Arguotieri)	6	3	1	1	3	5	1	10	—	—	—	—	—	—	—	—	10
Надзирателей работъ (Assistenti ai lavori)	1	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Дровосѣковъ (Boscajuoli)	16	14	4	—	12	16	6	34	—	—	—	—	—	—	—	—	34
? Угольщико в ? (Brascianti)	29	24	3	2	26	22	6	56	4	2	—	1	3	2	—	6	62
Таможенный бригадиръ (Brigadiere doganale)	1	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Сапожниковъ (Calzola)	—	3	1	—	—	4	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	4
Извозчиковъ (Carrettieri)	—	3	1	—	—	4	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	4
?Счетчиковъ? (Contabili)	—	1	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Волостныхъ посыльныхъ (Cursori comunali)	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Духовныхъ управителей (Economi spirituali) *)	1	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Стекольщиковъ (Finestraj)	10	12	2	2	11	9	2	24	—	—	—	—	—	—	—	—	24
Подѣнщиковъ (Giornalieri)	3	2	1	—	3	2	1	6	6	1	1	—	4	3	1	8	14
Лѣсныхъ сторожей (Guardie Boschive)	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Таможенной стражи (Guardie Doganali)	8	—	—	—	6	2	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	8
Извѣстниковъ (Marpovali)	1	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Военныхъ (Militari)	3	—	—	—	3	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	3
Мельниковъ (Mugnai)	3	2	1	2	1	2	1	6	—	2	—	—	1	1	—	2	8

*) То-есть, исправляющихъ должность приходскаго священника.

*) То-есть, исправляющихъ должность приходскаго священника.
«Славяноскій Сборникъ», томъ III, отд. I. 17

	М у ж ч и н ы.								Ж е н щ и н ы.								Итого мужчинъ и женщинъ.
	Граждан. положеніе.			Возрасть.				Итого.	Граждан. положеніе.			Возрасть.				Итого.	
	Холостые.	Женатые.	Вдовы.	Съ 0 до 15 л.	15—30 л.	30—60 л.	60 и т. д.		Незамужн.	Замужнія.	Вдовы.	0—15 л.	15—30 л.	30—60 л.	60 и т. д.		
Каменьщиковъ (Muratori)	3	19	1	—	9	14	—	23	—	—	—	—	—	—	—	—	23
Торговцевъ (купцовъ) (Negozianti)	2	6	1	—	2	5	2	9	—	—	—	—	—	—	—	—	9
? Садовниковъ? (Orti)	—	9	2	—	—	8	3	11	—	8	—	—	2	5	1	8	19
Пастуховъ (Pastori)	1	—	1	—	—	1	1	2	1	—	—	—	—	1	—	1	3
Маляровъ (Pittori)	1	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Владѣльцевъ (Possidenti)	6	65	13	—	3	49	32	84	20	77	33	1	24	86	19	130	214
? Судчиковъ? (Prestitaj)	—	1	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Священниковъ (Sacerdoti)	2	—	—	—	1	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Портныхъ (Sarti)	—	5	2	—	1	4	2	7	1	2	—	—	1	2	—	3	10
Волостныхъ писарей (Segretari comunali)	—	1	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Безъ званія (Senza professione)	558	17	13	521	35	8	24	588	839	370	91	537	300	354	109	1300	1888
Слугъ (Servi)	1	—	—	1	—	—	—	1	11	—	—	2	3	4	2	11	12
Унтеръ-бригадиръ (Sotto-Brigadiere)	1	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
? Мясниковъ? (Strazzaj)	3	4	1	—	3	3	2	8	—	—	—	—	—	—	—	—	8
Скрипачей (Suonatori di violino)	1	1	—	1	—	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Каменотѣсовъ (Tagliapietre)	1	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Ткачей (Tessitori)	1	1	—	—	1	1	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2
Мелкихъ торговцевъ (Trafficanti)	29	68	3	3	34	52	11	100	25	6	—	3	11	17	—	31	131
ИТОГО.	704	281	52	535	170	228	104	1037	907	468	125	544	349	475	132	1500	2537

Считаю необходимымъ замѣтить, что данныя, сообщенныя въ этой таблицѣ, не совсѣмъ вѣрны. Это доказывается несовпадениемъ ея итоговъ съ итогами основныхъ статистическихъ таблицъ, представленныхъ мною выше и выражающихъ подробныя взаимныя отношенія народонаселенія Резьянской волости по возрастамъ, гражданскому сословію и грамотности. Различія здѣсь хотя и не зна-

чительны, тѣмъ не менѣе не должны быть упускаемы изъ вида. Вотъ они:

1) По основнымъ таблицамъ холостыхъ мужчинъ должно быть $(41 + 219 + 314 + 132 =)$ 706, здѣсь же ихъ 704, стало-быть, меньше 2-мя. За то число женатыхъ (281) больше на 2 числа женатыхъ (279) основныхъ таблицъ.

2) Въ основныхъ таблицахъ значится $(46 + 200 + 378 + 267 =)$ 891 дѣвушка, здѣсь же ихъ 907, или 16-ю больше. Этотъ излишекъ уравнивается опять меньшимъ числомъ замужнихъ женщинъ и вдовъ, которыхъ, по основнымъ таблицамъ, должно быть 609 $(478 \text{ замужнихъ} + 131 \text{ вдова})$, здѣсь же ихъ только 593 $(468 \text{ замужнихъ} + 125 \text{ вдовъ})$.

3) По основнымъ статистическимъ таблицамъ, женщинъ въ возрастѣ съ 15—30 лѣтъ должно быть 350, въ возрастѣ съ 30—60 лѣтъ—476 и, наконецъ, въ возрастѣ свыше 60 лѣтъ—130. Здѣсь же первыхъ (15—30 лѣтъ) имѣется 349, вторыхъ (30—60 лѣтъ)—475, третьихъ (60 и т. д. лѣтъ)—132.

Не имѣя въ своемъ распоряженіи источниковъ первой руки, я не могу провѣрить отдѣльныхъ данныхъ и опредѣлить, гдѣ кроется ошибка.

Всѣ лица, вѣщающіяся въ выше сообщенныхъ статистическихъ таблицахъ, родились въ Резьянской же волости, за исключеніемъ только слѣдующихъ, родившихся въ другихъ волостяхъ Итальянскаго государства:

Таможенныхъ бригадировъ	1
Духовный управитель или исправляющій должность приходскаго священника.	1
Таможенной стражи	1
Владѣльцевъ (женщина).	1
Портныхъ	1
Унтеръ-бригадировъ	1
Ткачей	1
Итого	7,

что, по отношенію къ общему числу наличныхъ жителей (2537) равняется почти нулю.

Такъ какъ національность не принималась вовсе въ расчетъ при народной переписи, произведенной въ Италіи 31 декабря 1871, то, пользуясь одними только официальными статистическими данными, безъ всякихъ дальнѣйшихъ соображеній, слѣдовало бы

прійти къ заключенію, что Резьяне чистѣйшіе Итальянцы, и во всякомъ случаѣ нельзя было бы ничего узнать объ ихъ этнографической принадлежности: они въ Италіи, стало быть, и составляютъ часть Итальянскаго племени. Но этнографическая принадлежность Резьянъ и ихъ племенная самостоятельность достаточно извѣстны и безъ официальныхъ статистическихъ данныхъ, и это даетъ намъ возможность пополнить статистику Резьянской волости и въ этомъ отношеніи.

Всѣ жители Резьянской волости, родившіеся въ Резьѣ, принадлежатъ Резьянскому племени. А такъ какъ родившихся въ другихъ краяхъ, по народной переписи, было 7 человекъ, то число настоящихъ Резьянъ, присутствовавшихъ 31 декабря 1871 г., будетъ $2537 - 7 = 2530$. Кромѣ того, всѣ отсутствовавшие въ этотъ день несомнѣнно тоже чистые Резьяне. Такимъ образомъ $2530 + 738 = 3268$ можно считать числомъ, выражающимъ minimum Резьянскаго населенія, частью живущаго на родинѣ, частью же разсѣяннаго по разнымъ краямъ Италіи, Австріи и даже Германіи.

7 человекъ инородцевъ распредѣляются по этнографическимъ національностямъ слѣдующимъ образомъ: 3 (или же 2) Итальянца, принадлежащіе къ таможенной стражѣ, 3 (или же 4) Фурлана (Фріуляна), портной, ткачъ, владѣлица и, можетъ быть, одинъ изъ таможенной стражи, 1 Славянинъ изъ св.-Петровскаго уѣзда Венеціанской области, именно, исправляющій должность приходскаго священника. Сверхъ того, я слышалъ о Крайно-Словенкѣ, вышедшей за-мужъ за Резьянина и поселившейся въ Резьѣ; но, такъ какъ она не принята въ соображеніе въ статистическихъ данныхъ, то, должно быть, вышла за-мужъ уже послѣ 1 января 1872 года.

Фурлане, населенные между Резьянами, выучиваются обыкновенно по-Резьянски, но, конечно, они никогда не въ состояніи произносить чисто, со всѣми оригинальными, исключительно Резьянскими особенностями Резьянскихъ говоровъ. Но даже не всѣ Фурлане снисходятъ до того, чтобы говорить по-Резьянски. Такъ, напримѣръ, жена трактирщика и владѣльца Джюсти, Фурланка изъ Резьюты, живетъ въ Резьѣ уже болѣе двадцати лѣтъ, и между тѣмъ только понимаетъ по-Резьянски, говоритъ же всегда по-Фурлански, такъ-что многія изъ Резьянскихъ женщинъ и дѣтей не въ состояніи понимать ее, или же понимаютъ ее съ грѣхомъ по поламъ.

Какъ бы то ни было, даже полное число жителей, приписанныхъ къ Резьянской волости, то-есть, число 3275 показываетъ скорѣе

меньше природных Резьянъ, чѣмъ больше. Ибо, если 7 инородцевъ и приписаны къ Резьянской волости, то за то гораздо болѣе Резьянъ и Резьянокъ приписаны къ другимъ волостямъ, или въ Италиі, или же въ Австріи. Нѣкоторые переженились или же вышли за-мужъ, напримѣръ, въ городѣ Удине или же въ другихъ городахъ и деревняхъ, иные просто выселились, даже цѣлыми семьями, и черезъ два-три поколѣнія исчезнуть въ ихъ семьяхъ всякій слѣдъ Резьянскаго происхожденія. Между тѣмъ въ числѣ отсутствующихъ показаны, конечно, только тѣ, которые берутъ паспорта изъ Резьи, и которые рано или поздно, но во всякомъ случаѣ намѣрены возвратиться на родину. Затѣмъ, отсутствовавшіе солдаты, кажется, вовсе не считались. Изъ Резьянъ же служить въ Итальянской арміи постоянно около 30 человекъ. Въ 1873 г., въ то время, когда я былъ въ Италиі, Итальянское военное министерство формировало такъ-называемыя «альпійскія роты», цѣль которыхъ знать всѣ горные проходы и, въ случаѣ войны, защищать ихъ противъ вторженія непріятелей. Эти роты стоятъ въ пограничныхъ горахъ, отдѣляющихъ Италию отъ Франціи, Австріи и Швейцаріи. Составляются же они по преимуществу изъ жителей горныхъ мѣстностей, изъ горцевъ. Такъ, напримѣръ, изъ Резьи было причислено къ «альпійскимъ ротамъ» въ 1873 г. 23 человека. Остальные же Резьянскіе солдаты служатъ, сколько мнѣ извѣстно, по большей части въ артиллеріи.

Статистика природныхъ недуговъ и недостатковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

		Муж- чины.	Жен- щины.	Итого.
Слѣпые на оба глаза. . . .	{ Отъ рожденія.	—	2	2
	{ Послѣ. . . .	1	—	1
Глухонѣмые	{ Отъ рожденія.	—	2	2
	{ Послѣ. . . .	—	—	—
Слабоумные и ума лишенные	{ Отъ рожденія.	2	1	3
	{ Послѣ. . . .	—	—	—
Итого		3	5	8

Слѣдовательно, процентъ людей, лишенныхъ или одного изъ чувствъ, или же природнаго ума, въ Резьѣ весьма незначителенъ, и его можно считать равнымъ нулю. Кромѣ того, мнѣ рассказывали, что въ одной и той же Резьянской семьѣ родилось одно за другимъ 4 глухонѣмыхъ дѣтей; но теперь они уже умерли.

Особенно интересны статистическія данныя, относящіяся къ

грамотности Резьянъ и Резьянокъ. Поэтому я считаю нелишнимъ привести общіе итоги по этой части.

	М у ж ч и н ы :				Ж е н щ и н ы :				Всѣхъ вмѣстѣ:			
	Читающихъ.	Читающихъ и пишущихъ.	Неграмотныхъ.	И т о г о.	Читающихъ.	Читающихъ и пишущихъ.	Неграмотныхъ.	И т о г о.	Читающихъ.	Читающихъ и пишущихъ.	Неграмотныхъ.	И т о г о.
Съ 7 — 12 лѣтъ												
включительно. . . .	13	13	181	207	—	7	213	220	13	20	394	427
Съ 12 — 25 лѣтъ												
включительно. . . .	—	54	131	185	—	10	317	327	—	64	448	512
Съ 25 — 50 лѣтъ												
включительно. . . .	—	58	172	230	—	8	448	456	—	66	620	686
Съ 50 лѣтъ. . . .	1	38	116	155	1	2	248	251	2	40	364	406
Итого. . .	14	163	600	777	1	27	1226	1254	15	190	1826	2031
	177				28				205.			

При этомъ не слѣдуетъ забывать, что въ число вполне грамотныхъ, то-есть, умѣющихъ читать и писать, въ возрастѣ 25 — 50 лѣтъ и, можетъ быть, отчасти тоже въ возрастѣ 12—25 лѣтъ, вошли 7 инородцевъ, получившихъ воспитаніе въ другихъ мѣстностяхъ Италіи. Если же не обращать вовсе вниманія на это обстоятельство, и кромѣ того лицъ полуграмотныхъ, то-есть, умѣющихъ только читать, считать вполне грамотными или читающими и пишущими, то въ такомъ случаѣ процентныя отношенія грамотныхъ и неграмотныхъ въ Резьѣ представляются болѣе или менѣе въ слѣдующемъ видѣ:

съ 7—12 лѣтъ:	мужчинъ	грамотныхъ	12,50/о,	неграмотн.	87,50/о,
» » »	женщинъ	»	30/о,	»	970/о,
» » »	вообще	»	80/о,	»	920/о,
» 12—25 »	мужчинъ	»	290/о,	»	710/о,
» » »	женщинъ	»	30/о,	»	970/о,
» » »	вообще	»	12,50/о,	»	87,50/о;
» 25—50 »	мужчинъ	»	250/о,	»	750/о,
» » »	женщинъ	»	20/о,	»	980/о,
» » »	вообще	»	9,50/о,	»	90,50/о;
» 50 лѣтъ:	мужчинъ	»	250/о,	»	750/о,
» » »	женщинъ	»	10/о,	»	990/о,
» » »	вообще	»	10,50/о,	»	89,50/о.

Процентное отношеніе грамотныхъ къ неграмотнымъ вообще, начиная считать только съ 7-ми лѣтнаго возраста, то-есть, съ того возраста, когда грамотность уже возможна, можно выразить слѣдующими цифрами:

мужчинъ грамотныхъ	230/о,	неграмотныхъ	770/о,
женщинъ	» 20/о,	»	980/о,
вообще	» 100/о,	»	900/о.

Если же считать всѣхъ жителей, включая сюда всѣхъ малолѣтковъ между 0 лѣтъ и 7 годами, то въ такомъ случаѣ на 1037 мужчинъ окажется: 177 грамотныхъ и 860 неграмотныхъ; на 1500 женщинъ: 28 грамотныхъ и 1472 неграмотныхъ; наконецъ, на 2537 жителей вообще: 205 грамотныхъ и 2332 неграмотныхъ.

Выражая это въ процентахъ, мы получимъ:

мужчинъ: грамотныхъ	170/о,	неграмотныхъ	830/о,
женщинъ:	» 20/о,	»	980/о,
вообще	» 80/о.	»	920/о.

Поразительная малограмотность женскаго пола весьма понятна, если принять во вниманіе, что вездѣ, не только въ Резьѣ, всякая наука считается для женщинъ совершенно лишнею игрушкой, и что, оставаясь по большей части дома и занимаясь кухней и полевыми работами, Резьянскія женщины, не смотря на искреннее желаніе многихъ, не имѣютъ ни времени, ни удобнаго случая для того, чтобы расширить свои знанія, и въ особенности выучиться грамотѣ. Если процентъ грамотности Резьянскихъ женщинъ совершенно ничтоженъ, то, и относительно образованія мужчинъ Резьянской волости, нельзя прийти къ особенно утѣшительнымъ выводамъ. А между тѣмъ Резьянская волость принадлежитъ въ этомъ отношеніи къ лучшимъ волостямъ Венеціанской области и Итальянскаго королевства вообще.

Весьма поучительно сравнить положеніе народнаго образованія въ сѣверо-восточныхъ окраинахъ Италіи съ народнымъ образованіемъ въ прилегающихъ къ нимъ Славяно-Австрійскихъ областяхъ. Когда въ этихъ послѣднихъ народъ довольно развитъ и образованъ, образованіе какъ Славянскаго, такъ и Романскаго народа сѣверной Италіи находится до сихъ поръ въ самомъ жалкомъ состояніи.

Причины этого различія, между прочимъ, слѣдующія: во-первыхъ, отношеніе Итальянской интеллигенціи къ подвластному ей народу было до сихъ поръ не совсѣмъ гуманное, и не можетъ рав-

ваться съ заботливостью, напимѣрь, о Крайно-Словенскомъ (Словинскомъ) народѣ Австріи вышедшей изъ него же Крайно-Словенской интеллигенціи. Это различіе рѣзко бросается въ глаза въ Австрійской провинціи, извѣстной подъ именемъ Горицкаго графства, гдѣ живутъ рядомъ національности Славянская въ лицѣ Крайно-Словенцевъ и Романская въ лицѣ Фурланъ или Фриуланъ съ интеллигенціею, по своей образованности и общественнымъ преданіямъ принадлежащей всецѣло Итальянской націи: Крайно-Словенскій народъ болѣе или менѣе образованъ и свободенъ, народъ же Фурланскій находится въ состояніи относительнаго рабства и невѣжества. Во-вторыхъ: положеніе народныхъ учителей въ Австрійскихъ провинціяхъ, граничащихъ съ Австріею, вполне обезпечено. Такъ, напимѣрь, въ Горицкой провинціи учитель, если не ошибаюсь, получаетъ отъ 400—1000 гульденовъ, болѣе или менѣе отъ 240—600 рублей въ годъ. Подобная плата, вмѣстѣ съ казенною квартирою, огородомъ и т. п., ставитъ учителя, въ матеріальномъ отношеніи, въ совершенно независимое положеніе и позволяетъ ему посвятить себя исключительно добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей. И въ самомъ дѣлѣ: обученіе дѣтей идетъ здѣсь прекрасно. Учители дѣйствуютъ не только на собственную руку, не справляясь съ мнѣніемъ своихъ сотоварищей, но основываютъ педагогическія общества, цѣль которыхъ соединенными силами совершенствовать методъ преподаванія и сообщать другъ другу свои наблюденія и замѣтки. Въ Италіи же совершенно напротивъ. Учитель, получающій 400 франковъ (100 рублей) въ годъ, считается уже богачемъ; и поэтому трудно найти порядочнаго человѣка, который согласился бы служить за подобное вознагражденіе. Только горемыки-ксендзы, оставшіеся за штатомъ вслѣдствіе уничтоженія Итальянскимъ правительствомъ разныхъ ксендзовскихъ синекуръ, волей-неволей принимаютъ учительскія должности и, надо имъ отдать справедливость, исполняютъ ихъ по большей части добросовѣстно и безукоризненно. Въ-третьихъ, и это—относится исключительно къ мѣстностямъ, населеннымъ Славянами: въ Славянскихъ провинціяхъ Австріи преподаваніе въ народныхъ школахъ идетъ на родномъ языкѣ; такъ, напимѣрь, въ Крайнѣ и Горицкой землѣ на языкѣ Крайно-Словенскомъ (Словинскомъ, Хорутанскомъ). Учители, конечно, знаютъ этотъ языкъ въ совершенствѣ и въ высокой степени способствуютъ умственному развитію своихъ воспитанниковъ. Напротивъ того, Итальянскимъ Славянамъ не суждено пользоваться благами преподаванія на отечественномъ языкѣ. Въ то время,

какъ у ихъ единоплеменниковъ, живущихъ въ Австріи, есть настоящія народныя школы, они могутъ учиться только по-Итальянски въ Итальянскихъ школахъ у Итальянскихъ учителей. Это было бы еще ничего, еслибъ, по крайней мѣрѣ, всѣ эти учителя и учительницы понимали родной языкъ своихъ учениковъ. Но ничуть не бывало. Теперешнее Итальянское министерство народного просвѣщенія (по крайней мѣрѣ, министерство, дѣйствовавшее въ 1872 и 1873 гг.), преслѣдующее учителей гимназій и другихъ чиновниковъ своего вѣдомства, подозрѣваемыхъ въ панславизмъ (!), стремящееся во что бы то ни стало въ самомъ скоромъ времени обитальянить инородцевъ,—считаетъ однимъ изъ лучшихъ средствъ для достиженія этой высокой цѣли назначеніе въ чисто-Славянскія мѣстности учителей и учительницъ, непонимающихъ ни слова по-Славянски. Пусть-де вся волость выучивается, какъ знаетъ, языку одного пришлеца, который, въ силу высшихъ государственныхъ соображеній, не только можетъ обойтись безъ знанія мѣстнаго языка, но даже не долженъ его понимать. Вѣдь давно извѣстно, что не чиновники существуютъ для народа, а только народъ существуетъ для чиновниковъ!

Плоды всего этого на лице. У Австрійскихъ Славянъ въ провинціяхъ, граничащихъ съ Италією, считается 40% грамотныхъ, тогда какъ въ нѣкоторыхъ Славянскихъ волостяхъ Итальянскаго королевства грамотныхъ не больше, какъ 1½% (въ отношеніи, конечно, ко всему населенію, со включеніемъ младенцевъ, стариковъ и пр.). У Австрійскихъ Славянъ на самой Итальянской границѣ вы встрѣтите вѣжливое обращеніе и, по отношенію къ чужимъ, нравственное гостепріимство. Но стоить вамъ только перейти Итальянскую границу, и вы наткнетесь на народъ грубый, неотѣсанный и смотрящій волкомъ на каждого неизвѣстнаго ему челоуѣка. А однакоже и тамъ, и здѣсь народъ, принадлежащій къ одному и тому же Славянскому племени, съ одними и тѣми же природными наклонностями и дарованіями. Только опускаясь внизъ, по направленію отъ Итальяно-Австрійской границы къ плодороднымъ Фріульскимъ равнинамъ, можно замѣчать постепенное смягченіе нравовъ, постепенное исчезновеніе природной грубости и общественного невѣжества, и это—помимо вліянія школъ, а единственно только подъ вліяніемъ проникшей сюда и все дальше и дальше проникающей Итальянской образованности и цивилизаціи.

Впрочемъ, Резьяне, по отношенію къ школьному дѣлу, находятся въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели всѣ

остальные Славяне Итальянскаго королевства. Прежде всего, и учитель, и учительница—ихъ соотечественники. Учителемъ здѣсь одинъ изъ мѣстныхъ капелановъ, молодой человекъ родомъ изъ Столбицы. Должность же учительницы исполняетъ относительно весьма образованная г-жа Джюсти, жена одного изъ трактирщиковъ селенія Раванцы, родившаяся на Раванцѣ же. Какъ учитель, такъ и учительница, для объясненія Итальянскихъ словъ прибѣгаютъ къ помощи Резьянскаго языка, и не только словесно, но и на письмѣ, примѣняя для Резьянскихъ словъ, конечно, Итальянское правописаніе. Вообще, можно сказать, что они пользуются отечественнымъ языкомъ для объясненія всего того, что безъ него осталось бы для дѣтей непонятнымъ, и черезъ постоянное сравненіе обоихъ языковъ дѣйствуютъ крайне благотворно на развитие умственныхъ способностей своихъ молодыхъ воспитанниковъ. Кромѣ того, если не ошибаюсь, законъ божій преподавался здѣсь постоянно и преподается еще и теперь по-Резьянски. Слѣдствіемъ этого примѣненія отечественнаго языка въ педагогической практикѣ является замѣтный успѣхъ народнаго образованія въ Резьѣ.

Смягченію же нравовъ и поднятію уровня общей образованности Резьянъ способствуетъ въ высокой степени то обстоятельство, что почти всѣ они купцы и мелкіе торговцы, много путешествующіе, во время своихъ путешествій обогащающіе свой умъ разными полезными свѣдѣніями, и въ-замѣнъ за это теряющіе первоначальную грубость и невѣжество, на сколько, конечно, эти качества въ нихъ проявляются. Такое же благотворное вліяніе производитъ мелкая торговля и сопряженные съ нею путешествія и на нѣкоторыхъ Славянъ св.-Петровскаго уѣзда.

Географическое и административно-политическое описаніе Резьянской волости познакомило насъ съ мѣстностью, на которой живетъ занимающій насъ народъ. Сопоставленіе же разныхъ статистическихъ данныхъ дало, такъ сказать, внѣшнее понятіе о самомъ народѣ. Но для надлежащаго ознакомленія съ такъ называемою внутреннею жизнью извѣстнаго народа, съ его обычаями, воззрѣніями, характеромъ и т. д., нельзя никакъ удовольствоваться ни географическимъ и административно-политическимъ описаніемъ занимаемой имъ земли, ни даже самымъ подробнымъ статистическимъ отчетомъ. Для этого нужно отправиться на родину этого народа, заглянуть въ его жилища, узнать, какъ онъ живетъ, какъ одѣвается, чѣмъ питается, какъ трудится, какъ отдыхаетъ, какъ

относится къ своимъ женщинамъ, въ какой степени способенъ быть рабомъ, какъ понимаетъ политическія учрежденія, на сколько прониновенъ фанатизмомъ, или же вѣротерпимостью, можетъ ли быть причисленъ къ народамъ способнымъ, или же къ слабоумнымъ, съ какими народами больше всего симпатизируетъ, доволенъ-ли своею теперешнею судьбою, какъ проявляется его литературное творчество, любить ли свой родной языкъ, что думаетъ о своемъ происхожденіи, съ какими другими народами и племенами состоитъ въ ближайшемъ этнографическомъ родствѣ, какими общими свойствами отличается его языкъ, есть ли у него свои историческія преданія? И такъ далѣе. На нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ отвѣтила намъ уже отчасти статистика. Теперь же я постараюсь представить въ краткомъ очеркѣ подробную картину всѣхъ только-что названныхъ сторонъ народной жизни Резьянскаго племени.

Въ главныхъ Резьянскихъ селеніяхъ дома построены густо, одинъ возлѣ другаго, и между ними или вовсе нѣтъ свободнаго пространства, или же оно чрезвычайно узко. Въ этомъ отношеніи Резьянскія деревни слѣдуютъ примѣру всѣхъ населенныхъ мѣстностей Фріульскаго края и, кажется, сѣверной Италіи вообще. Въ особенности же эта тѣсная постройка домовъ поражаетъ въ деревнѣ Осоянахъ. Улицы здѣсь очень узки, хотя съ другой стороны ихъ довольно много. Между отдѣльными домами имѣются только узенькіе проходы (*jindrúna*, мн. *jindrúne*), или же они плотно прижимаютъ другъ къ другу. Вслѣдствіе этого деревня Осояне походить скорѣе на городъ, нежели на деревню. Поэтому Резьяне сравниваютъ Осоянъ съ Венеціею и поютъ про нихъ

na lípa ma Osójska wás,
ka tó joe tákoj na cità

(она хороша, моя Осойская деревня, которая смотритъ городомъ).

Постройка отдѣльных домовъ въ Резьѣ совершенно та же, что и вообще во Фріулѣ. Всѣ дома здѣсь каменные; только на полонинахъ выстроены деревянныя помѣщенія какъ для людей, такъ и для скота. Многіе дома двухъ-этажные: на верху спать, внизу же готовятъ кушанье, и собираются во время дня. Кухни, какъ и вездѣ во Фріулѣ, являются курными избами: дымъ выходитъ здѣсь не въ трубу, но въ двери и въ окна. Конечно, непривычному человѣку этотъ дымъ ѣсть немилосердно глаза; но туземцы отлично съ нимъ уживаются и даже испытываютъ отъ него извѣстнаго рода пріятное ощущеніе.

Что касается чистоплотности и впечатлѣній обонянія, нельзя обвинять Резьянъ въ излишней разборчивости и причудливости. Мнѣ случилось нѣсколько разъ навѣщать одного изъ моихъ Резьянскихъ друзей, живущаго въ Осоянахъ. Мы всегда сиживали на дворѣ вблизи отхожаго мѣста, распространявшаго нестерпимую вонь, относиться къ которой равнодушно могъ, казалось бы, только или человекъ, лишенный обонянія, или же изслѣдователь народнаго языка и быта. Между тѣмъ ни одно изъ присутствовавшихъ и разговаривавшихъ со мною лицъ обоего пола даже не поморщилось. Обычай искать вшей въ головахъ дѣтей и другихъ родственниковъ довольно распространенъ. Изъ всего этого видно, что Резьяне не грѣшатъ любовью къ чистотѣ и свѣжему воздуху, но тѣмъ не менѣе они стоятъ въ этомъ отношеніи несравненно выше, нежели ихъ южные сосѣди, Сербо-Хорваты Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ, отличающіеся рѣшительнымъ отвращеніемъ къ чистому бѣлью, къ постелямъ безъ клоповъ и другихъ насѣкомыхъ и т. д. Само собою разумѣется, что всѣ мои замѣчанія относятся только къ большинству населенія той и другой области; ибо какъ между Резьянами, такъ же точно и между ихъ южными сосѣдями Славянскаго племени можно встрѣтить лицъ, неуступающихъ въ занимающемъ насъ теперь отношеніи самымъ цивилизованнымъ обществамъ.

У Резьянъ мужскаго пола нѣтъ особаго національнаго костюма. Они одѣваются, смотря по средствамъ и вкусу, въ обыкновенное партикулярное платье, встрѣчаемое вообще въ тѣхъ краяхъ, въ особенности-же въ Венеціанской области сѣверной Италіи. И даже костюмы Резьянскихъ мужчинъ представляютъ гораздо болѣе разнообразія, чѣмъ мужская одежда ихъ ближайшихъ сосѣдей какъ Романскаго, такъ и Славянскаго племени. Это происходитъ по преимуществу отъ того, что ни одно изъ смежныхъ съ Резьянами племенъ не совершаетъ среднимъ числомъ столь отдаленныхъ и продолжительныхъ путешествій, какъ именно они. Эта пестрота и фантастичность нарядовъ замѣтна въ особенности между молодыми Резьянами. Иной Резьянскій юноша надѣваетъ красное кепи; другой отпускаетъ длинныя бакенбарды и, надѣвши на себя клѣтчатую пару, является въ нѣкоторомъ смыслѣ пародіею ходячаго типа Англійскаго туриста; третій, съ тонко закрученными усами и красивою эспаньолкой, въ своемъ черномъ или же коричневомъ пиджакѣ смахиваетъ на Французскаго парикмахера; у четвертаго гладко

выбритое лицо, на головѣ картузь неопредѣленного свойства, на плечахъ же что-то въ родѣ блузы или же тиковаго кафтана голу-баго цвѣта и т. д.

Но если Резьянскіе мужчины одѣваются какъ попало и во что по-пало, то за то изъ всѣхъ сѣверно-Итальянскихъ Славянъ только у Резьянъ женщины сохранили до сихъ поръ своеобразный народ-ный костюмъ, который, впрочемъ, тоже начинаетъ мало-по-малу видоизмѣняться, пополняться въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ наря-дами, заимствованными изъ болѣе или менѣе космополитическаго наряда ближайшихъ городовъ, селъ и иноплеменныхъ деревень, и само собою разумѣется, со-временемъ совершенно выведется и ис-чезнетъ, точно также какъ исчезли народные костюмы столькихъ племенъ, подвергшихся влиянію всеуравливающей и нивелирующей цивилизаціи. У другихъ сѣверно-Итальянскихъ Славянъ этотъ про-цессъ подчиненія общегосподствующему обычаю тѣхъ краевъ уже совершился, и теперешнее взрослое поколѣніе только помнить сво-ихъ матерей или даже только бабушекъ въ своеобразныхъ націо-нальных костюмахъ.

Какъ молодая, такъ и старая Резьянки одѣваются одинаково. Ихъ костюму свойственъ исключительно черный цвѣтъ, безъ вся-кой примѣси какого-нибудь другаго цвѣта. Вслѣдствіе этого видъ такъ одѣтой Резьянки производитъ впечатлѣніе далеко не веселое и отчасти напоминаетъ Русскихъ монахинь. Сдѣлано же должно быть платье Резьянки все изъ шелковыхъ матерій; только, за не-имѣніемъ шелка, прибѣгаютъ къ матеріямъ другаго рода, но во всякомъ случаѣ чернымъ. На короткую рубашку (*srákica*) Резьян-ская женщина надѣваетъ корсетъ (*pet*) съ пуговками подъ шею; сверхъ корсета же платье безъ рукавовъ (*tjamažot*), перепопоясанное широкимъ поясомъ (*râs*). Изъ-подъ верхней части платья, отдѣ-ленной поясомъ отъ нижней, и которой по преимуществу присвоено названіе *tjamažot*, выходятъ рукава (*rokáve*) корсета. Нижняя часть или юбка (*kótula*) состоитъ изъ двухъ полосъ, сшитыхъ горизон-тальнымъ швомъ приблизительно у колѣнъ. Все это чернаго цвѣта и, по возможности, шелковое. Точно также чернымъ шелковымъ платкомъ (*fasöloet*), повязаннымъ безъ всякихъ затѣй, покрыта го-лова Резьянки. Если же она и украшается иногда цвѣтнымъ или же бѣлымъ платкомъ, то это во всякомъ случаѣ составляетъ от-ступленіе отъ традиціоннаго народнаго обычая. На ногахъ у Резь-янскихъ женщинъ чулки (*hláče škofóne*, им. пад. мн. ч. *škofónavi*) и башмаки (*črívje*). Сверхъ корсета и платья надѣваютъ иногда,

особенно въ холодное и ненастное время, короткую кофту (džúra, síkja). Въ ушахъ, подобно женщинамъ другихъ краевъ, Резьянки носятъ серьги (rintjínavi, вин. пад. rintjine). Впрочемъ, серьга въ одномъ ухѣ составляетъ здѣсь украшеніе тоже многихъ мужчинъ; и между старшимъ поколѣніемъ нѣтъ, кажется, ни одного безъ подобнаго украшенія. Это—общій обычай прежнихъ временъ не только въ Резьѣ, но во всѣхъ вообще странахъ этой части Европы.

Какъ меня увѣрялъ Стефанъ Валенте, природный Резьянинъ, и въ то время (1873 г.) викарій въ Платицахъ на Австрійской границѣ Италіи, Славянскія женщины (Сербо-Хорваты) Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ еще не такъ давно носили костюмъ, по покрою своему и составнымъ частямъ совершенно похожій на костюмъ Резьянокъ, но дающій предпочтеніе бѣлому цвѣту, тогда какъ въ Резьянскомъ костюмѣ господствуетъ цвѣтъ исключительно черный. Въ св.-Петровскомъ же уѣздѣ, населенномъ, какъ мнѣ кажется, Сербо-Хорватами, подвергшимися сильному Крайно-Словенскому вліанію, существовалъ тоже не особенно давно женскій костюмъ, вполне отличный отъ Резьянскаго и по покрою своему, и по цвѣту. Мнѣ описывалъ его подробно викарій въ Ронцѣ св.-Петровскаго уѣзда, весьма образованный священникъ, Петръ Подрѣка и другіе старожилы тѣхъ краевъ; но я успѣлъ уже забыть всѣ эти подробности, въ своихъ же запискахъ не нашелъ ничего подходящаго. Помню, что св.-Петровскія женщины носили короткія юбки, тогда какъ юбки Резьянокъ длинны и кончаются у щиколокъ. Ни какого пояса у св.-Петровокъ не полагалось. И вообще, на сколько я могу судить по общему впечатлѣнію, оставшемуся въ моей головѣ отъ этихъ описаній, костюмъ св.-Петровскихъ женщинъ по своему типу очень смахивалъ на костюмъ Польскихъ или же мало-Русскихъ крестьянокъ многихъ мѣстностей. Въ немъ, по увѣренію тѣхъ же лицъ, сочетались всѣ три національныхъ Славянскихъ цвѣта: бѣлый, красный и голубой.

Я уже выше замѣтилъ, что въ долинахъ Раколяны и Дони, равно какъ и въ селеніи Ключа или Кьюза, нѣкоторыя старухи носятъ еще теперь костюмъ, тождественный во всѣхъ отношеніяхъ съ костюмомъ Резьянокъ. Тотъ же костюмъ, какъ утверждаетъ Музацкій деканъ Пасквале делли Стуа, можно до сихъ поръ видѣть въ нѣкоторыхъ Итальянскихъ деревняхъ у рѣки Тальяменто, и именно въ тѣхъ деревняхъ, которыя, и по другимъ соображеніямъ, были когда-то населены Славянами.

У Резьянъ есть свои особыя пѣсни, какъ слова, такъ и напѣвы, и есть тоже свой особый танецъ. Этотъ послѣдній совершенно оригиналенъ и составляетъ, кажется, исключительную принадлежность Резьянскаго племени. Къ сожалѣнiю, мнѣ не удалось видѣть его въ полномъ разгарѣ, при соотвѣтствующей музыкѣ на обширной площади передъ тѣмъ или другимъ трактиромъ (östoe-gúja). Я былъ въ Резьѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1873 г., а въ то время, изъ опасенiя передъ холерою, свирѣпствовавшей въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ провинціяхъ Австріи и самой же Италіи, Итальянскія власти строжайшимъ образомъ запретили всякую пляску и вообще забавы, могуція, по ихъ мнѣнiю, способствовать появленiю и распространенiю этой болѣзни. Тѣмъ не менѣе, когда я отправился на горныя пастбища или долины, извѣстныя подъ общимъ именемъ Карницы, то нѣкоторые молодые люди обоого пола, изъ желанiя показать мнѣ свой оригинальный народный танецъ, рѣшились преступить этотъ запретъ, и при звукахъ имѣвшейся у одного изъ нихъ гармоники (gimónika) втеченіе какихъ-нибудь 20-ти минутъ позволили мнѣ любоваться граціозностью и извѣстнаго рода благородствомъ ихъ движеній. Такъ какъ видѣнный мною танецъ былъ только далеко неполнымъ отраженiемъ настоящей Резьянской пляски, то я заимствую описаніе этой послѣдней изъ статьи И. И. Срезневскаго, которому удалось наблюдать ее безъ всякихъ препятствій.

«Пляска Резьянъ (Резьянка) оригинальна и прекрасна. Танцующіе становятся въ два ряда, шагахъ въ 10 рядъ отъ ряда, мужчины противъ женщинъ, тѣ подбоченясь, эти сложя руки и опустивши голову; рядъ подходитъ къ ряду два раза; сошедшись въ третій разъ, пары кружатся на одномъ мѣстѣ; потомъ снова расходятся, но уже такъ, что въ правой рукѣ каждый мужчина держитъ женщину, и каждая пара подаетъ руки двумъ другимъ. Составивши кругъ, идутъ кругомъ сначала направо, потомъ налѣво; потомъ пары распускаются и идутъ шагомъ одна за другою, напѣвая пѣсню. Прошедши круга два-три, мужчины опять отдаляются отъ женщинъ, становясь одни противъ другихъ рядомъ, — и танецъ начинается снова» ¹⁾.

Арія (напѣвъ) Резьянской пляски, насколько я могу судить, похожа на арію Хорватскаго «кола» (kolo), и она вмѣстѣ съ тѣмъ повторялась при всѣхъ, безъ исключенiя, Резьянскихъ пѣсняхъ,

¹⁾ И замаяль Срезневскій, «Фріульскіе Славяне» («Москвитиния», 1844, часть V, № 9, стр. 214).

которыя только мнѣ удалось слышать. Темпъ Резьянскаго напѣва, кажется, скорѣе, нежели темпъ напѣва Хорватскаго. Своею же монотонностью и повтореніемъ все однѣхъ и тѣхъ же весьма несложныхъ и незамысловатыхъ нотъ, Резьянскій напѣвъ легко можетъ навести уныніе и скуку. Какъ меня увѣрили, упомянутый напѣвъ поется не съ одинаковою скоростью, и потому не во всѣхъ деревняхъ съ одинаковою скоростью танцуютъ: скорѣе всего совершается-де то и другое въ деревнѣ Бѣлой, въ Осоянахъ нѣсколько медленнѣе, но тоже скоро, средняя скорость (по выраженію сообщавшихъ мнѣ эти подробности—*«andante»*) свойственна Нивѣ, самою же значительною медленностью (*il più adagio*) отличаются обитатели Столбицы. Насколько я могъ замѣтить, эти будто-бы существующія различія въ скорости напѣва и пляски вполне совпадаютъ съ общимъ среднимъ темпераментомъ жителей отдѣльныхъ деревень.

Резьяне вообще страстные и искусные пясуны, и вмѣстѣ съ св.-Петровцами пользуются у своихъ сосѣдей весьма почетною извѣстностью по этой части. И здѣсь скъазывается ихъ относительная независимость, отъ ксендзовъ и общественная самостоятельность. Выбираемые самими же Резьянами ксендзы не могутъ хозяйничать такъ, какъ ксендзы въ другихъ мѣстностяхъ, навязываемые безотвѣтнымъ прихожанамъ, можетъ быть, даже противъ ихъ воли и желанія. Дурныя послѣдствія подобнаго назначенія ксендзовъ одною только высшею церковною властью видны, между прочимъ, у южныхъ сосѣдей Резьянъ, т.-е. у Сербо-Хорватовъ Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ, которые, напримѣръ, относительно танца и другихъ совсѣмъ невинныхъ проявленій народнаго веселья, находятся въ самомъ жалкомъ положеніи. Дѣйствующие въ ихъ средѣ священники (ksenдзы) строго запрещаютъ всякое народное пѣніе и всякую народную пляску, способствуя такимъ образомъ въ высокой степени деморализаціи ввѣренной ихъ отеческому попеченію паствы. Въ этомъ стремленіи—уничтожать по мѣрѣ возможности всѣ народныя особенности Славянскаго народонаселенія—выражается, отчасти по крайней мѣрѣ, старинная ненависть и презрѣніе Фурланъ къ Славянамъ. Большинство священниковъ, живущихъ и дѣйствующихъ въ средѣ Сербо-Хорватовъ Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ, злѣйшіе враги Славянской національности и презираютъ ее отъ глубины души. Я нахожу подтвержденіе только-что высказаннаго предположенія (о вліяніи національной ненависти на враждебное отношеніе священниковъ къ народному пѣнію и народному танцу) въ томъ, что въ св.-Петровскомъ уѣздѣ ксендзы тоже на-

значаются епископомъ, и нигдѣ не выбираются народомъ, а между тѣмъ до сихъ поръ еще никто изъ нихъ не вздумалъ уничтожать народное пѣніе и пляску. Въ св.-Петрѣвскій же уѣздъ до нынѣшняго времени назначались приходскими священниками (настоятелями), викаріями и капелянами одни только Славяне, и никогда не попадалъ туда на подобную должность Фурланскій «дѣятель». Впрочемъ, у Крайно-Словенцевъ Австрійскихъ провинцій Крайны, Штирии, Хорутаніи и Горицы нѣкоторые (даже многіе) ксендзы ихъ же національности тоже старательно устраняютъ всѣ проявленія народной веселости, что, конечно, только самымъ дурнымъ образомъ отзывается на нравственности народа, испытывающаго подобный противоестественный гнетъ отъ невѣжественныхъ ксендзовъ.

Изъ народныхъ забавъ и гуляній, устроиваемыхъ въ опредѣленные времена года, мнѣ довелось слышать только о маскарадѣ (maškere), который, какъ и въ другихъ краяхъ, устроивается на масляницѣ (püst). Резьяне и въ особенности Резьянки много рассказывали мнѣ про свой маскарадъ и приглашали непременно посѣтить ихъ въ это время: «тогда-де очень весело, дѣвушки наряжаются мужчинами, пляшутъ, проказничаютъ» и т. д. И. И. Срезневскій былъ счастливѣе меня и ему удалось собрать довольно подробныя свѣдѣнія тоже о другихъ народныхъ праздникахъ. Вотъ его слова:

«На 1-е мая — въ день освященія главной приходской Успенской церкви, бываетъ у Резьянъ праздникъ — Майникъ (Majnyk). Въ прежнее время совершались въ этотъ день особенные обряды; но они мало-по-малу вліяніемъ священниковъ вытѣснены такъ, что теперь не позволены въ этотъ день, по крайней мѣрѣ на Равенцѣ, ни танцы, ни музыка, ни пѣнье. Въ каждой изъ четырехъ деревень бываетъ свой храмовой праздникъ, въ дни св. Юрія, Флоріана, Вита и Карла. Особенно празднуются дни Витовъ и Юрьевъ. Вечеромъ бываютъ и танцы и пѣсни, что, впрочемъ, скрываютъ отъ священника. Резьяне ждутъ съ нетерпѣніемъ этихъ дней. Въ старину, въ день Юрьевъ деревянный ликъ этого святаго носился на высокомъ шестѣ, украшенномъ бумажными цвѣтами и лентами, по всѣмъ деревнямъ. Изъ Бѣлы, гдѣ празднуется этотъ день, послѣ обѣдни его несли въ Ниву, и тамъ ставили на полъ въ серединѣ между столами, за которыми всѣ собравшіеся вмѣстѣ обѣдали; потомъ въ Осеанъ и Солбицу, жители которыхъ должны были подчивать всѣхъ виномъ. Въ Солбицѣ ликъ становился въ церковь, а народъ пилъ, пѣлъ пѣсни, плясалъ до вечера; вечеромъ же при

свѣтъ вѣжженныхъ хворостинъ ворочались всѣ съ ликомъ св. Юрія въ Бѣлу, и снова пили, ѣли, плясали до полуночи. Съ ударомъ полуночнаго колокола, пѣлась всѣми духовная пѣснь св. Юрія, и потомъ расходились по домамъ. Въ день Витовъ (15 іюня) было тоже что-то подобное, между прочимъ вили и вѣнки изъ плюща (tarpytyka). Теперь все это запрещено, и въ памяти осталось, вмѣстѣ съ свѣтлымъ образомъ народнаго праздника, сожалѣніе объ утраченныхъ радостяхъ. Наканунѣ Иванова дня по горамъ раскладываются огни (kres), молодежь сходится смотрѣть на огонь, болтать, но обрядовъ, ни даже пѣсенъ и пляски, уже нѣтъ. Передъ праздникомъ Рождества Христова (Winachty) празднуется коляда (koljida), но безъ особенныхъ обрядовъ¹⁾.

О свадебныхъ обрядахъ мнѣ ничего не довелось слышать, а самъ я какъ-то забылъ спрашивать о нихъ. И. И. Срезневскій сообщаетъ о нихъ слѣдующее:

«При рожденіи, свадьбѣ и похоронахъ бывали также обряды, но теперь почти ничего не осталось, кромѣ печенія бѣлой булки, погача (pogač)²⁾. «Въ старину нарядъ невѣсты отличался узкимъ вѣнцомъ изъ зеленого бархата, обвитаго золотомъ ниткой (wjinc), и сзади приколывалась къ нему кисейная фата (petjina), длинная, широкая, такъ-что можно было обернуться ею какъ плащомъ; это уже вышло изъ обычая»³⁾.

Говоря о народныхъ празднествахъ, увеселеніяхъ и гуляніяхъ, я нарочно оставилъ въ сторонѣ тѣ изъ нихъ, которые носятъ на себѣ преобладающій церковный оттѣнокъ и сопровождаются или богомольемъ, или крестнымъ ходомъ, или вообще какимъ-нибудь церковнымъ торжествомъ.

Главные приходскіе церковные праздники, связанные съ богомольемъ, сопровождаются тоже ярмаркою и общимъ народнымъ гуляніемъ (mša). Въ эти дни многіе изъ отсутствующихъ и странствующихъ по бѣлу свѣту Резьянъ возвращаются на родину, или въ качествѣ купцовъ, или просто для того, чтобы повидаться со своими и опять отправиться въ чужіе края. Тогда съѣзжаются въ Резью разные мелкіе торговцы, приходятъ богомольцы и богомолки даже изъ довольно отдаленныхъ мѣстностей, и вся долина оживляется какъ церковнымъ празднествомъ, также точно и торговымъ движеніемъ. Подобнаго рода богомоліе и сопряженная съ нимъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 213—214.

²⁾ Тамъ же, стр. 214.

³⁾ Тамъ же, стр. 213.

ярмарка продолжаютя всегда нѣсколько дней, и доставляютъ самый значительный доходъ мѣстнымъ трактирщикамъ и содержателямъ гостинницъ.

Мнѣ удалось присутствовать на главномъ празднествѣ подобнаго рода, повторяющемся ежегодно на Успенскую Богородицу, 15 августа. Народа было очень много, и за недостаткомъ помѣщенія, пришлые торговцы и богомольцы должны были спать, гдѣ попало. Хозяинъ гостинницы, въ которой я жилъ, заставилъ меня принять къ себѣ на ночь двухъ Фурланскихъ торговцевъ.—Этотъ Успенскій праздникъ Резьяне называютъ *Šmaņa mīša* (то-есть, «богомоліе святой Маріи»).

Гораздо менѣе значенія имѣеть богомоліе въ день Рожденія Богородицы, 8-го сентября (*māla mīša*), празднуемое по преимуществу въ деревнѣ Столбицѣ. Тогда даже нѣкоторые изъ Резьянъ отправляются въ Фурланское село Понтебу, лежащее у самой Австрійской границы, гдѣ въ этотъ именно день бываетъ главный годовыи праздникъ.

Плодородной земли у Резьянъ относительно очень мало, и приносимыхъ ею плодовъ никогда не хватило бы на прокормленіе всѣхъ жителей волости, еслибъ они не занимались скотоводствомъ и не зарабатывали на свое содержаніе выше поименованными ремеслами и разнаго рода торговлею. При этомъ обработка незначительнаго куска земли, доставшагося въ удѣлъ Резьянину, стѣбитъ ему ужаснаго, тяжелаго труда. Все воздѣлывается здѣсь руками, съ помощью заступа, лопаты, мотыки и т. п. орудій, и вслѣдствіе этого можно съ полнымъ правомъ сказать, что въ Резьѣ нѣтъ полей, а есть только сады и огороды. Для плуга, сохи и пр. нѣтъ даже названій въ Резьянскихъ говорахъ, а есть только глаголь, выражающій дѣйствіе «паханія»,—откуда и плугъ описываютъ фразою «*tō, ka sa ōga*» (тѣ, чѣмъ папуть),—хотя, конечно, за неимѣніемъ подобныхъ земледѣльческихъ орудій, сами Резьяне никогда не папуть. Домашній рогатый скотъ содержится Резьянами вовсе не для хлѣбопашества, а только или для добыванія молока и производства молочнаго (масла, сыра и т. д.), или же для продажи мясникамъ. Сами же Резьяне почти никогда не ѣдятъ говядины, довольствуясь во время большихъ праздниковъ по преимуществу бараниной, курятиной и вообще мясомъ живности.

И такъ, мы видимъ, что сама природа не дозволила Резьянамъ сосредоточить свою дѣятельность на земледѣліи, но заставила ихъ

прибѣгнуть тоже къ двумъ другимъ отраслямъ народнаго производства, съ одной стороны къ скотоводству, съ другой же къ промышленности и торговлѣ.

Изъ хлѣбовъ и другихъ полевыхъ плодовъ Резьяне разводятъ по преимуществу кукурузу, картофель и бобы (фасоль). Пшеницу я встрѣчалъ не столь часто. Кромѣ того, сѣютъ они и другіе хлѣба, имѣющіеся вообще въ этихъ краяхъ, разводятъ разную зелень и т. д. Фрукты же въ Резьянской волости не удаются. Винная лоза, правда, растетъ, но виноградъ никогда не успѣваетъ созрѣвать. Это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что обѣ части Резьянской долины, какъ долина Резьи, такъ и котловина Учьи, закрыты съ юга горами, мѣшающими солнцу въ утренніе и болѣе поздніе послѣполуденные часы согрѣвать землю и производить надлежащее благотворное вліяніе на фрукты вообще, а на виноградъ въ особенности. Вслѣдствіе того, что горы почти со всѣхъ сторонъ окружаютъ Резью, здѣсь даже лѣтомъ, можно сказать, преобладаетъ тѣнь, солнце выходитъ изъ-за горъ относительно довольно поздно, и опять прячется за горами относительно довольно рано. Поэтому для Резьянина на его родинѣ нѣтъ восхода солнца въ нашемъ смыслѣ этого слова, и онъ говоритъ только, что «солнце выходитъ, показывается изъ-за горы» (*súnce viláža, sunce joe vyloèzlö, sunce má vyloèst*). Точно также вы никогда не услышите въ Резьѣ о «закатѣ солнца», о томъ, что оно «ложится», а только вамъ скажутъ, что «солнце идетъ за гору» (*sunce gré za göro*), «солнце спрячется» (*sunce se skryoe*), «солнце входитъ» (*sunce wláža*).

Выше я замѣтилъ, что Резьяне и Резьянки должны весьма много трудиться для того, чтобы получить отъ своихъ полей все возможное. Не меньшій, и даже гораздо болѣшій трудъ сопряженъ съ доставкою корма для скота. Трава растетъ главнымъ образомъ на полонинахъ, на полонинахъ же ее косятъ, сушатъ и обращаютъ въ сѣно. Между тѣмъ полонины эти отдалены отъ мѣстожителства большинства Резьянъ на 4—5 часовъ ходьбы. За неимѣніемъ возовъ и даже просто за невозможностью, доставлять сѣно съ полонинъ въ долину на возахъ, вся эта процедура должна совершаться на собственной спинѣ, и для нея посвящается 8—10 часовъ, то-есть, почти цѣлый день. Резьяне, и въ особенности Резьянки отправляются утромъ на полонину, къ полуденнымъ часамъ прибываютъ туда, наваливаютъ на свои плечи и спину такое количество сѣна, что его хватило бы для лошади съ средними силами, и отправляются обратно внизъ, домой. Во время этихъ прогулокъ

туда и сюда отдыхаютъ обыкновенно только одинъ разъ. Когда же Резьянскія женщины не носятъ сѣна, тогда у нихъ на спинѣ почти постоянно большая корзина (kõrba, по-Итальянски gerlo) съ разнаго рода тяжестями. Само собою разумѣется, что подобный чрезмѣрный и постоянно повторяющійся трудъ не остается безъ слѣда на здоровьѣ и на общемъ сложеніи тружениковъ, не особенно сильныхъ. Женщины, выходящія рано замужъ, — и все-же таки обязанныя исполнять подобные тяжелые труды, не смотря даже на беременность и на кормленіе грудью младенца, обыкновенно очень рано хирѣютъ и старѣются. Точно также, этимъ чрезмѣрнымъ напряженіемъ мускуловъ спины и общимъ истощеніемъ верхней части туловища я объясняю себѣ тотъ замѣчательный фактъ, что у громаднаго большинства Резьяновъ грудь совершенно плоска. Только нѣкоторыя Резьянскія красавицы, преимущественно въ деревнѣ Нивѣ, могутъ похвастаться относительно полнотою и округленностью этихъ признаковъ ихъ женственности.

Уваженіе къ собственности въ высокой степени развито въ Резьянахъ. Кражи или же поврежденія посѣвовъ и вообще полей случаются здѣсь очень рѣдко. Тѣмъ не менѣе, для береженія полей отъ воровъ, въ большихъ Резьянскихъ деревняхъ существуетъ особая выборная почетная должность полевого сторожа (tjaštál), которую поручаютъ, конечно, человѣку, пользующемуся общимъ довѣріемъ. Въ деревнѣ Осоянахъ въ 1873 г. исполнялъ эту должность мой пріятель, Петръ Деленарди Голянда, состоявшій вмѣстѣ съ тѣмъ церковникомъ (münuh) мѣстной церкви. Обязанность подобнаго «сторожа» состоитъ въ присмотрѣ не только за полями, но тоже и за лѣсами. Кромѣ того, для всей Резьи существуетъ особый правительственный лѣсничій, какъ, между прочимъ, видно и изъ сообщенной мною выше статистической таблицы.

По отношенію къ пищѣ, Резьяне весьма невыскательны. Вообще они питаются точно тѣмъ же, чѣмъ и ихъ сосѣди. Утромъ кофе, который (накрошивъ въ него прежде бѣлаго хлѣба) ѣдятъ ложкою изъ мисочки. У кого же нѣтъ кофе, тотъ довольствуется молокомъ (mlíko), или же кипяткомъ, въ которомъ разбавлено немножко муки (турьба). Это послѣднее кушанье называютъ просто кипяткомъ (ктор); если же въ немъ муки побольше, тогда оно величается уже именемъ «мучнаго супа» (múčnik). Обѣдъ и ужинъ, по мѣрѣ возможности, составляется почти всегда изъ салата, по преимуществу цикорнаго (цикорій — lidrèk, по-Итальянски radicchio), одного или двухъ яицъ и мамалыги. У тѣхъ же, кто побогаче,

бываетъ, кромѣ того, густой супъ (*minéstra*), преимущественно приготовляемый изъ риса, а иногда, напримѣръ, по праздникамъ, варятъ курицу или же что нибудь въ этомъ родѣ. Хлѣбомъ (*krùh*) могутъ запастись далеко не всѣ. Онъ замѣняется приготовляемою изъ кукурузы мамалыгою (полентою, *jid*, *joest*, по-Итальянски *polenta*), которая составляетъ необходимую принадлежность всякаго кушанья жителей сѣверной Италіи. Хлѣбъ пекутъ здѣсь только пшеничный; ржаной же вовсе не въ употребленіи. Пастухи и пастушки, пребывающіе лѣтомъ со скотомъ на «полонинахъ», питаются почти исключительно мамалыгою и сывороткою; поэтому отъ всѣхъ нихъ, особенно же отъ дѣвушекъ, сильно отдаетъ сывороткой.

Самое любимое блюдо Резьянъ есть сыръ, праженый (жареный) въ маслѣ въ сковородѣ или кострюлкѣ (*soèr tùu rëndvoè*, Итал. *formaggio fritto*). Особенно въ бѣдныхъ Резьянскихъ семьяхъ это блюдо считается лучшимъ блюдомъ на свѣтѣ.

Во время моего пребыванія въ Резьѣ, въ августѣ мѣсяцѣ 1873 года, во многихъ мѣстностяхъ Италіи и Австріи появилась холера. Въ Резьѣ ея не было. Тѣмъ не менѣе настоятель Резьянскаго прихода получилъ отъ папы изъ Рима приказъ, поручить своей паствѣ, во избѣжаніе холеры, ѣсть мясо по пятницамъ и субботамъ. Конечно, подобный приказъ «непогрѣшимаго» былъ не только неисполнимъ, но просто смѣшенъ тамъ, гдѣ мясо можетъ проявляться только въ праздничные дни, и то на столѣ далеко не всѣхъ жителей прихода. Впрочемъ, какъ мнѣ кажется, почти исключительно растительная пища Резьянъ, разнообразная только сыромъ и яйцами, не приносить ни малѣйшаго вреда ихъ здоровью, а напротивъ того весьма для него полезна.

Въ заключеніе отдѣла объ яствахъ и вообще питаніи Резьянъ, считаю нелишнимъ замѣтить, что почти всѣ Резьяне, мужчины, женщины и дѣти, нюхаютъ табакъ, слѣдуя въ этомъ примѣру другихъ жителей сѣверной (а можетъ быть и всей вообще) Италіи. Вслѣдствіе громаднхъ пошлинъ, которыми Итальянское правительство сочло нужнымъ обложить не только табакъ, но даже соль, хлѣбъ и прочіе предметы первой необходимости, ввозимые въ Италію изъ-за границы, какъ табакъ, такъ и сигары проникаютъ въ Резью почти исключительно путемъ контрабанды. Куращихъ въ Резьѣ очень мало. Курятъ же они весьма плохія сигары или же трубки.

Главные періоды занятій Резьянъ по части сельскаго хозяйства были мнѣ описаны одною молодою Резьянкой въ слѣдующихъ сло-

вахъ: «Весною (tñulažej) мы начинаемъ копать (kopàt), сѣять (wsijàt) картофель (krapír), жито (žýtö). Потомъ мы косимъ (sa šiče). Потомъ, когда мы окончимъ работу съ сѣномъ, мы должны косить отаву (otáwo). Потомъ мы собираемъ фрукты (sàd). Затѣмъ собираются колосья кукурузы (rapúle ut sirka), картофель, гречиха (éjda), рожь (raž), рѣпа (goëpa). Собирается тоже по огородамъ (tñu wärtih) сѣмя дикорія (soëmoe üd lydryka), салата (ot saláte)».

Преобладающій же торговый оттѣнокъ занятій Резьянъ видѣнъ изъ слѣдующихъ разсказовъ, которые мнѣ удалось слышать отъ двухъ жителей деревни Осоянъ: а) «въ Осоянахъ мы ходимъ къ Петрину, у котораго есть гостинница. Кто хочетъ, велить дать себѣ что нибудь пить (подать себѣ какое-нибудь питье). Тогда онъ долженъ пить и отдохнуть. Послѣ же, когда онъ уже кончилъ, онъ идетъ домой. Затѣмъ онъ отправляется по своимъ дѣламъ. Онъ идетъ совершать свои работы. Затѣмъ, вставши утромъ, онъ идетъ на полонину. Пришедши на полонину, онъ устроиваетъ тамъ свои дѣла. Потомъ идетъ на горъ для того, чтобы приготовить себѣ кое-какую связку сѣна, если успѣетъ это сдѣлать до наступленія ночи. И затѣмъ онъ опять возвращается домой къ своему хлѣву (táh naha hliwu), туда, гдѣ у него есть своя полонина. И затѣмъ, устроивъ всѣ свои дѣла, онъ уходитъ (удаляется изъ Резьи) и старается что нибудь себѣ заработать. Заработавъ же себѣ что нибудь, и считая это достаточнымъ, возвращается на родину. Послѣ этого онъ опять нѣкоторое время живетъ на родинѣ, до тѣхъ поръ, пока опять не устроитъ своихъ дѣлъ. Потомъ онъ опять удаляется посмотрѣть, можетъ-ли онъ что нибудь себѣ заработать. Онъ пробуетъ всѣ ремесла (am prawáwa wsë mištírje), и которое ремесло ему лучше всего удастся, того онъ и держится. Когда же онъ замѣтитъ, что дѣла его идутъ какъ слѣдуетъ, тогда онъ старается беречь. А затѣмъ, когда у него есть капиталъ, онъ зарабатываетъ хорошія деньги (dap lípí křaucer), если все идетъ надлежащимъ образомъ. И такой человѣкъ есть человѣкъ (múž) въ полномъ смыслѣ этого слова. Такого человѣка всѣ уважаютъ». б) «Когда я былъ молодъ, я всегда любилъ товаръ и деньги (ä si moëu rüdy amör tñu rübo áno tñu béče). И я постоянно думалъ только о томъ, что я долженъ заработать (wudiñat) много денегъ, и что я долженъ сдѣлаться вслѣдствіе этого человѣкомъ, всѣми уважаемымъ. Я всегда слышалъ, что тѣ люди, у которыхъ много денегъ и много товара, вездѣ уважаются. У голяка (lupr) же и пьяницы нѣтъ нигдѣ кредита, и вездѣ надъ нимъ смѣются. Куда бы ни пошелъ

человѣкъ съ такою дурною репутаціей, нигдѣ не найдетъ кредита. Чего ни потребуетъ, ничего ни отъ кого не получитъ, такъ какъ подобнаго голая и пьяницу знаютъ повсюду, куда бы онъ ни пошелъ ».

Какъ намъ уже извѣстно, сама природа родной почвы заставляетъ Резьянъ скитаться по бѣлу свѣту и искать заработка тѣмъ или другимъ способомъ. Какой громадный процентъ Резьянскаго населенія отсутствовалъ 31 декабря 1871 года (зимой), показали намъ сообщенныя выше статистическія таблицы. Тѣ же статистическія таблицы представили подробный перечень ремеслъ и промысловъ, которыми занимаются Резьяне обоого пола. Здѣсь же я позволю себѣ сказать на этотъ счетъ еще нѣсколько словъ.

Многіе Резьяне зарабатываютъ на свое существованіе въ качествѣ тряпичниковъ; при этомъ чинятъ разбитыя горшки (связывая ихъ проволокой), лудятъ костюлы, котлы и т. п., однимъ словомъ исполняютъ всѣ тѣ же работы, что странствующие Венгерскіе Словаки. Жители Учейской котловины, отличающіеся между всѣми Резьянами самымъ низкимъ умственнымъ развитіемъ и обладающіе духомъ предприимчивости въ гораздо низшей степени, нежели обитатели самой Резьянской долины, являются въ чужихъ краяхъ почти исключительно только дровосѣкамъ; ремесла же и торговля, хотя бы даже самая мелочная, какъ-то имъ не даются. Въ дровосѣки нанимаются тоже и нѣкоторые жители самой же долины рѣки Резы. Многіе изъ этихъ послѣднихъ отправляются въ чужіе края въ качествѣ ремесленниковъ, по преимуществу же каменщиковъ. Такъ, напримѣръ, каменщиковъ изъ Резьянъ можно встрѣтить въ Грацѣ, Марбургѣ и другихъ Австрійскихъ городахъ. Кромѣ мелочныхъ торговцевъ, есть между Резьянами и купцы, ведущіе оптовую торговлю, напримѣръ, фруктами, и переписывающіеся съ торговыми домами въ Триестѣ, въ Германштадтѣ, Грацѣ, Пенсѣ и т. д. Вести подобную переписку, и даже не на одномъ, а на нѣсколькихъ, по крайней мѣрѣ, двухъ языкахъ, Итальянскомъ и Нѣмецкомъ, Резьяне выучиваются какъ-то сами, безъ помощи школъ и учителей. Ибо замѣчателенъ тотъ фактъ, что Резьяне обыкновенно среднихъ школъ не посѣщаютъ и довольствуются или тѣмъ, что Богъ далъ, или же, въ лучшемъ случаѣ, своею домашнею школою. Резьянъ, посѣщавшихъ хотя бы только гимназій или же духовныхъ семинарій, можно сосчитать по пальцамъ. Мнѣ сообщали о слѣдующихъ лицахъ, получившихъ высшее или же среднее обра-

зование: гимназическій учитель (professore) въ Тревизо и трое священниковъ: двое въ Резьѣ и въ качествѣ капеллановъ, одинъ лѣтъ около 60-ти, другой около 30-ти, оба родомъ изъ Столбицы; наконецъ, уже нѣсколько разъ упомянутый мною Стефанъ Валенте Бобонъ, родомъ изъ Бѣлы, въ 1873 г. викарій или же капелланъ въ Платицахъ Тарчентскаго уѣзда.

Прежде существовалъ еще какой-то гимназическій учитель въ Штирійскомъ Марбургѣ (Мариборѣ), но онъ, кажется, уже умеръ, или же переселился въ Тревизо и есть одно и то же лицо, что вышеупомянутый «professore».

Въ настоящее время ни одинъ молодой Резьянинъ не учится ни въ гимназій, ни въ семинаріи, не говоря уже объ университетѣ.

Въ обращеніи съ людьми, какъ своими, такъ и чужими, Резьяне являются полнѣйшими демократами. Коротко знакомые, друзья и т. п. говорятъ другъ другу «ты»; для всѣхъ же прочихъ существуетъ одно неизмѣнное «вы». Это признаніе полного равенства между всѣми людьми не позволяетъ Резьянину различить «господъ» и «не господъ».

Ко мнѣ, напримѣръ, нѣкоторые обращались съ «šjur Džwáp» (господинъ Иванъ), другіе просто съ «Džwáp» (Иванъ), иные опять съ «pröfoesür» (профессоръ); но затѣмъ всѣ строили свою рѣчь во 2-мъ лицѣ множ. числа (вы). Спрашивая меня, сколько часовъ, одинъ изъ болѣе образованныхъ Резьянъ сказалъ: «kylykô so ör, Džwáp?» (сколько часовъ, Иванъ?). Только нѣкоторые, желая быть особенно вѣжливыми, вставляли въ свою рѣчь Итальянское «signor professore», и извинялись передъ мною, что ихъ языкъ не позволяетъ имъ дѣлать такого различія, какое, между прочимъ, возможно въ Итальянскомъ, гдѣ ella или lei (она) (замѣнившее мѣстоименнымъ образомъ древнее сочетание: signoria vostra, то есть «ваша милость», «ваше благородіе») служатъ выраженіемъ утонченной вѣжливости и изящества въ обращеніи, voi (вы) же означаетъ обыкновенное, простое обращеніе, хотя и вѣжливое, но безъ всякаго изящества. Подобное же различіе, и даже гораздо болѣе прочное, представляютъ Нѣмецкое sie (они) и ihr (вы), и затѣмъ, развившееся по Нѣмецкому образцу Словенское (Крайнское) «oni» (они) (изгоняемое теперешними образованными Словенцами) и «vi» (вы). Только-что упомянутые Резьяне, желающіе быть особенно вѣжливыми, признавали въ этомъ отношеніи «превосходство»

языковъ Итальянскаго, Нѣмецкаго и Крайнскаго надъ ихъ роднымъ, Резьянскимъ.

Взрослыя Резьянскія дѣвушки и молодые люди, если нѣтъ между ними особенно короткаго знакомства или же дружбы, говорятъ другъ другу не «ты», но «вы», соблюдая при этомъ полное равенство, то-есть, не обращая вниманія ни на богатство или бѣдность, ни на зависимость одного отъ другаго, ни на какое бы то ни было постороннее обстоятельство. Это, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуешь о высокой степени общественнаго развитія Резьянъ.

Итальянскимъ вліяніемъ слѣдуетъ объяснять обращеніе даже къ Богу, Спасителю, Богородицѣ и всѣмъ вообще святымъ и ангеламъ не съ «ты», но съ «вы». Примѣры подобнаго обращенія къ сверхъ-естественнымъ существамъ можно читать въ обнародованномъ мною «Резьянскомъ катихизисѣ» ¹⁾.

Резьяне (конечно, обоюго пола) вообще очень гостепріимны. Если зайдешь къ которому нибудь изъ нихъ, и если онъ не имѣетъ ничего противъ тебя по какимъ-либо причинамъ, онъ сейчасъ же старается угостить чѣмъ можетъ, и не хочетъ принять за это никакого вознагражденія. Такъ, какъ мнѣ совѣстно было пользоваться гостепріимствомъ людей, которые едва сводятъ концы съ концами, то я старался, по мѣрѣ возможности, дарить соотвѣтственную сумму дѣтямъ хозяина или хозяйки. Само собою разумѣется, что все это не относится къ содержателямъ гостинницъ или трактировъ, цѣль которыхъ и состоитъ именно въ томъ, чтобы по возможности больше получить отъ своихъ гостей.

Если многіе частныя Резьяне и Резьянки старались угощать меня, чѣмъ могли, то опять нѣкоторые жертвовали мнѣ своимъ временемъ, и не хотѣли принять за это никакого вознагражденія. Такъ, напримѣръ, церковникъ (münih) въ Бѣлой (S. Giorgio), Григорій Бортолотти Лукижъ втеченіе нѣсколькихъ часовъ показывалъ мнѣ особенности своей церкви, содержащіяся въ ней грамоты и рукописи, затѣмъ былъ неотступнымъ моимъ собесѣдникомъ и, наконецъ, провожалъ меня домой, то-есть на Раванцу, и за все это, кромѣ двухъ-трехъ стакановъ вина въ мѣстной (Бѣльской) гостинницѣ и моей благодарности, не хотѣлъ даже слышать о какомъ бы то ни было вознагражденіи. Точно также мой давнишній пріятель,

¹⁾ «Резьянскій Катихизисъ, какъ приложение къ «Опыту «онетикки Резьянскихъ говоровъ», съ примѣчаніями и словаремъ издавъ И. Бодуэнь-де-Куртенъ (J. Baudouin de Courtenay). Варшава. Петербургъ 1875. Стр. 4, 5 и т. д.

Петръ Деленарди Голянда, церковникъ и полевой сторожъ въ Осоянахъ, посвятилъ мнѣ нѣсколько дней, и даже обидѣлся, когда я предложилъ ему вознагражденіе; онъ только просилъ меня подарить ему мою фотографическую карточку съ подписью. Весьма тоже любезны были для меня секретарь Резьянской волости, Антонъ Бутоло, Францискъ Копетти Кундія, сообщившій мнѣ рукописи «Резьянскаго Катихизиса», и многіе другіе. За то нанятые мною провожатые старались эксплуатировать мой карманъ безъ всякаго стѣсненія, хотя все же таки нельзя сказать, чтобы брали съ меня слишкомъ дорого.

Конечно, будучи лицомъ, прежде совершенно незнакомымъ въ Резьѣ, и занимаясь дѣломъ, для громаднаго большинства вполне непонятнымъ, я долженъ былъ подвергаться иногда грубостямъ, хотя, спѣшу прибавить, подобные случаи были со мною въ Резьѣ чрезвычайно рѣдки. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые изъ болѣе развитыхъ жителей Столбицы, узнавъ, что я, между прочимъ, желаю слышать и записать по возможности болѣе народныхъ разсказовъ, посоветовали мнѣ обратиться къ одной женщинѣ нхъ же деревни, слышущей за отличную разсказчицу. Я къ ней и отправился, но, къ сожалѣнію, одинъ, такъ-что единственною рекомендаціей мнѣ могло служить мое собственное далеко неубѣдительное краснорѣчіе. Исходъ моего предпріятія былъ самый плачевный. Не смотря на всѣ мои доводы, названная женщина, никогда обо мнѣ прежде неслышавшая, сначала очень испугалась, затѣмъ выругала меня и въ заключеніе сказала: «tastoe, tastoe po wási póti, mu na známō nikár grávit, já ni tjón moēt ninaha šáhti z wámi» (ступайте, ступайте своею дорогой, мы не умѣемъ ничего разсказывать, я не хочу имѣть никакого дѣла съ вами). Такимъ образомъ, мнѣ не оставалось ничего другаго, какъ волей-неволей послушаться ея совѣта. Какой-то молодой Резьянинъ въ черномъ сертукѣ и съ эспаньолкой, прибывшій на родину только временно къ празднеству Успенской Богородицы, отнесся ко мнѣ крайне недружелюбно и, называя меня презрительно «muĵ človoek!» (мой человекъ! любезный!), публично въ весьма не деликатныхъ выраженіяхъ высказалъ мнѣ свои подозрѣнія на счетъ моей личности и моихъ занятій.

Хотя я и рѣдко подвергался подобнымъ для меня вѣстнымъ и не особенно пріятнымъ подозрѣніямъ, но тѣмъ не менѣе подозрѣнія эти существовали, и ихъ можно свести къ двумъ главнымъ категоріямъ: 1) что я шпионъ, 2) что слѣдствіемъ моей экскурсіи въ Резью будутъ новыя подати. Если же я старался разсѣять по-

добныя сомнѣнія и объяснял настоящую цѣль моихъ путешествій, то нѣкоторые, кажется, и повѣрили, но за то большинство оставалось при своемъ первоначальномъ мнѣніи. Сомнѣніе этихъ послѣднихъ въ истинѣ того, что я имъ рассказывалъ, выражалось краткимъ, но многозначающимъ восклицаніемъ: «komédja!» (вздоръ! шутки!).

Съ другой стороны дѣлались тоже весьма лестныя предположенія о цѣли моихъ странствованій. Такъ, напримѣръ, Францискъ Копетти Кундія сравнивалъ меня съ апостолами: какъ-де апостолы ходили по свѣту, провозглашая новую вѣру, точно также и люди, мнѣ подобные, ходятъ съ цѣлію распространять истинный свѣтъ и истинную науку; какъ дѣянія апостоловъ остались въ памяти у всѣхъ народовъ всѣхъ временъ, точно также память людей, мнѣ подобныхъ, будетъ благословляться во всѣ времена всѣми народами. Понятно, что я молча принималъ все это на свой счетъ и вовсе не старался разувѣрять моего добраго заступника.

Я привожу всѣ эти сужденія обо мнѣ только потому, что, по моему, они не лишены интереса и съ болѣе общей точки зрѣнія, и во всякомъ случаѣ характеризуютъ степень и качество умственного развитія, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ лицъ, принадлежащихъ въ Резьянскому племени. Съ тою точно же цѣлію я позволю себѣ въ заключеніе этой главы указать на мнѣ, составившійся въ Резьѣ о моемъ происхожденіи. Хотя для одного только надлежащаго пониманія Резьянской рѣчи мнѣ нужно было посвятить цѣлую первую недѣлю моего пребыванія между Резьянами, втеченіе которой я только и дѣлалъ что вслушивался въ живой Резьянскій говоръ, но тѣмъ не менѣе по истеченіи двухъ недѣль я усвоилъ себѣ этотъ говоръ въ такой степени, что нѣкоторые Резьяне, и по преимуществу Резьяне, никакъ не хотѣли вѣрить въ мое иноплеменное происхожденіе, и утверждали, что я природный Резьянинъ, и именно «dan nívaški» (родившійся въ деревнѣ Нивѣ). Мое же внезапное появленіе въ Резьѣ они объясняли себѣ слѣдующимъ образомъ: У упомянутаго мною выше Франциска Копетти Кундіи былъ сынъ, будто-бы очень на меня похожій. Этотъ сынъ до 1866 года служилъ въ Австрійской арміи, и именно въ Видемскомъ или Удинскомъ полку, который въ 1866 г. долженъ былъ драться противъ Пруссавъ. Въ одномъ изъ сраженій сынъ Франциска Кундіи, тоже Францискъ, былъ, по всей вѣроятности, убитъ. Между тѣмъ вѣрующіе въ мое Резьянское происхожденіе Резьяне утверждали, что онъ живъ, и что онъ и я—одно и тоже лицо, что я только отвыкъ отъ Резьянской рѣчи вслѣдствіе долгаго пребыванія въ чужихъ

краяхъ, что я только вру, что я Džwán (Иванъ), и что, по-настоящему, я никто иной, какъ Францискъ Копетти Кундіа, сынъ Франциска же Копетти Кундіа. Считаю нелишнимъ замѣтить, что самъ Францискъ Копетти Кундіа нисколько не подозрѣвалъ меня въ столь близкихъ къ нему родственныхъ отношеніяхъ, и вмѣстѣ со мною смѣялся надъ сочинителями этого мифа.

Въ своихъ отношеніяхъ, къ женщинамъ Резьяне являются точно такими же, какъ и всѣ жители тамошнихъ краевъ и, можно сказать, всѣ Европейскіе народы. Хотя женщины пользуются у нихъ извѣстною долею уваженія, но тѣмъ не менѣе онѣ, напримѣръ, устранены отъ разговоровъ мужчинъ между собою. Если во время мужскаго разговора присутствующая при немъ женщина дерзнетъ высказать свое мнѣніе или вообще только отозваться, почти всегда найдется въ числѣ этихъ мужчинъ какой нибудь блюститель порядка, считающій своимъ долгомъ въ довольно безцеремонныхъ выраженіяхъ напомнить женщинѣ о разстояніи, раздѣляющемъ ее отъ тѣхъ, кто имѣетъ право и думать, и разсуждать, и высказывать свое мнѣніе. Это презрительное отношеніе къ женщинамъ основано на томъ предубѣжденіи, что женщина, по своей природѣ, глупа и неспособна къ умственному развитію.

Резьяне, конечно, тутъ ни причеиъ. Мнѣ случилось однажды обѣдать въ домѣ весьма образованнаго Итальянца въ одномъ изъ сѣверно-Итальянскихъ городовъ, и тутъ-то я имѣлъ случай наблюдать нравственную и общественную подчиненность женщины въ лицѣ хозяйки, жены и матери, насмѣшливое и даже презрительное отношеніе къ женщинамъ вообще и, стало-быть, и къ ней въ особенности, ея же сыновей, ея зависимость отъ этихъ послѣднихъ (т. е. сыновей) (такъ, напримѣръ, въ отсутствіе отца главою семейства считается въ Италіи не мать, но старшій сынъ, хотя-бы ему было только 10 лѣтъ). Видѣнное мною не составляло вовсе никакого исключенія; это общее устройство Итальянскихъ семействъ, какъ остатокъ древне-Римскихъ нравовъ, древне-Римскихъ добродѣтелей и древне-Римскихъ правъ и законовъ (*jus Romanum*).

Конечно, у народа «простаго», то-есть, у народа трудящагося и собственными руками воздѣлывающаго землю, эта подчиненность женщины проявляется въ болѣе грубыхъ формахъ. Такъ и Резьянинъ старается, если возможно, облегчить себѣ тяжесть своего труда тѣмъ, что значительную часть его вваливаетъ на женщину, ставя ее въ подобныхъ случаяхъ не многимъ выше домашняго скота.

Тѣмъ не менѣе молодые холостые Резьяне проявляютъ, по отношенію къ своимъ дѣвушкамъ, извѣстнаго рода учтивость, вѣжливость, любезность и предупредительность. Разговариваютъ они съ ними въ выраженіяхъ относительно весьма деликатныхъ, избѣгая всякаго неприличія. Во время же большихъ праздниковъ, сопровождаемыхъ ярмарками, или богомолій, считается обязанностью Резьянскихъ кавалеровъ подчивать своихъ дамъ пряниками и пирошками (ед. *kolačičj*, мн. *kolačičjavi*, вин. мн. *kolacītje*), покупаемыми у навѣщающихъ въ это время Резью торговцевъ и торговекъ.

Кромѣ упомянутыхъ мною выше разговорныхъ формъ, демократизмъ Резьянъ выражается еще и въ томъ, что ни одинъ Резьянинъ не служитъ внѣ предѣловъ своей родины. По статистическимъ даннымъ, 31 декабря 1871 г. было въ Резьѣ на лицо служащихъ 1 мужчина (некончившій еще 15 лѣтъ) и 11 женщинъ (разныхъ возрастовъ): это Резьянскій батракъ и дѣвушки, находящіяся въ услуженіи у другихъ же Резьянъ. Но нигдѣ нельзя найти прислуги изъ Резьянъ. Резьянинъ зарабатываетъ на свое содержаніе одними только свободными ремеслами или хотя бы даже самымъ ничтожнымъ промысломъ, но служить не умѣетъ. Между тѣмъ Крайно-Словинцы, равно какъ и св.-Петровцы и Сербо-Хорваты уѣздовъ Тарчентскаго, Джемонскаго и Чивидальскаго или Чидадскаго, служатъ весьма охотно, и напримѣръ въ Удине св.-Петровцы славятся, какъ поставщики лучшей прислуги, точно также какъ Лужичане въ Дрезденѣ и даже Берлинѣ, или же Альтенбуржане (Altenburg) въ Лейпцигѣ. А такъ какъ и Фурлане и ближайшіе Нѣмцы (въ Каринтіи или Хорутаніи) тоже не отказываются принимать на себя обязанности слугъ, то это отвращеніе къ подобнаго рода потерѣ личной свободы является въ тѣхъ краяхъ характеристическою чертою исключительно однихъ только Резьянъ, развившеюся, можетъ быть, вслѣдствіе того, что у Резьянъ никогда не было барщины. По крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ, ни словесныхъ, ни письменныхъ преданій о существованіи здѣсь этой демократизирующей и унижающей человѣческое достоинство институціи. Можетъ быть, однакожь, что отвращеніе къ служенію другимъ кроется глубже, а именно—въ племенномъ происхожденіи Резьянъ.

Не смотря на всю бѣдность Резьянъ, только очень рѣдко можно встрѣтить между ними нищаго или же нищую, и собирающій милостыню въ чужихъ краяхъ Резьянинъ или же Резьянка состав-

ляютъ совершенную рѣдкость. Въ самой же Резьѣ эту роль исполняютъ или бездомные горемыки, или же калѣки; но ихъ почти вовсе незамѣтно.

Такъ какъ иногда самый, повидимому, ничтожный и пустячный обычай можетъ бросить особый свѣтъ на характеръ народа и, вмѣстѣ съ другими обычаями, послужить основаніемъ для точнаго его опредѣленія, то я считаю нелишнимъ указать здѣсь на фактъ, что за обѣдомъ и за ужиномъ каждый Резьянинъ получаетъ особую тарелку и вообще особый приборъ, въ чемъ, такъ сказать, проявляется сильно-развитое чутье индивидуальности и чисто личной собственности. Между тѣмъ у Словенцевъ и св.-Петровцевъ всѣ ѣдятъ изъ одного блюда или же изъ одной миски. Во время моихъ путешествій мнѣ самому приходилось нерѣдко участвовать въ подобнаго рода трапезахъ: мнѣ давали только особую деревянную ложку, и я вмѣстѣ со всѣми собесѣдниками черпалъ этою ложкою изъ общей миски какую-нибудь смѣсь, состоявшую изъ воды, молока, крупъ, бобовъ, картофеля, рѣзанныхъ грушъ, крошеннаго хлѣба и т. д., или же что нибудь другое въ томъ же родѣ.

Не смотря на свойственный имъ духъ равенства, Резьяне имѣютъ только весьма смутное понятіе о разныхъ формахъ правленія и, напримѣръ, почти всѣ смѣшиваютъ республику съ революціей и даже съ анархіею.

Хотя всѣ Резьяне римско-католическаго исповѣданія, тѣмъ не менѣе, по отношенію къ другимъ, они отличаются вообще полною вѣротерпимостью. Мнѣ довольно часто приходилось слышать отъ Резьянъ мнѣнія о религіозныхъ вопросахъ, чуждыя всякаго фанатизма. Между прочимъ, уже нѣсколько разъ упомянутый мною Петръ Голянда, церковникъ въ деревнѣ Осоянахъ, думая, что я православный, въ присутствіи многихъ изъ своихъ сосѣдей сказалъ: «какъ христіанская (т.-е. католическая) религія, точно также религія Еврейская, или Лютеранская, или Кальвинская, или старо-вѣрческая (т.-е. православная), или Греческая, или же вообще какая бы то ни была религія имѣть свои законы и достойна уваженія». Нѣкоторые изъ Резьянъ идутъ дальше обыкновенной вѣротерпимости и высказываютъ убѣжденія съ точки зрѣнія господствующей у нихъ религіи, далеко неодобрительныя, и вообще весьма враждебныя для духовенства. Помню, что однажды нѣсколько Резьянъ завели въ моемъ присутствіи рѣчь о гражданскомъ бракѣ, при чемъ я объяснилъ имъ различіе гражданского брака въ Италіи

(обязательность) и въ Австріи (только въ случаѣ невозможности или же нежеланія заключить церковный бракъ). Всѣ присутствовавшіе вполне одобряли Итальянскій законъ относительно этого установленія (обязательность гражданскаго брака). Между Резьянами, впрочемъ, нѣтъ официально признанных *liberi pensatori*. Въ св.-Петровскомъ же уѣздѣ на 14051 человѣка всего населенія статистическая таблица показываетъ 13 мужчинъ и 2 женщины, подведенныхъ подъ категорію *di altre religioni*, т.-е., по настоящему, *liberi pensatori*. Какъ меня увѣрили, большинство этихъ *liberi pensatori* св.-Петровскаго уѣзда состоитъ изъ волостныхъ писарей. Подобное «свободомысліе» я встрѣчалъ не только у сѣверо-Итальянскихъ, но также и у Австрійскихъ Славянъ, и въ особенности у Крайно-Словенцевъ Горицкаго графства ¹⁾. Мнѣніе же о томъ, что есендзы не должны имѣть вліянія на общественныя дѣла волости и что, послѣдовательно, и папа въ свѣтскія дѣла государства вмѣшиваться не долженъ, можно слышать всего чаще между Горицкими Крайно-Словенцами. Не всѣ также Резьяне исполняютъ внѣшнія обрядности, которыя каждый истинный католикъ долженъ совершать по нѣскольку разъ въ день. Такъ, всѣ Австрійскіе Крайно-Словенцы (конечно, живущіе по деревнямъ) и почти всѣ св.-Петровцы во время того, когда звонятъ на Ave Maria, снимаютъ шляпы, крестятся и шепчутъ (или даже громко произносятъ) предписанныя молитвы; напротивъ того, многіе изъ Резьянъ продолжаютъ сидѣть или же стоять, какъ будто ничего не бывало. А такъ какъ я, для того, чтобы не оскорблять религіозныхъ чувствъ народа, между которыми мнѣ приходилось вращаться въ данное время, старался исполнять всѣ его религіозныя обряды и, напримѣръ въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ снималъ шляпу, то «либеральничающіе» Резьяне смотрѣли на меня глазами, выражающими удивленіе, какъ это «un professore» можетъ еще до такой степени быть «отсталымъ» и соблюдать формальности, которыя въ лицу развѣ какому нибудь старику или же женщинѣ, но никакъ не современному образованному челоѣку.

Отсутствіе школьнаго образованія у Резьянъ вознаграждается главнымъ образомъ умственною, равно какъ и практическою изворотливостью. Резьяне и Резьянки вообще—народъ очень способный.

¹⁾ Считаю необходимымъ заявить, что мои замѣчанія относятся къ такъ называемому народу, то-есть, къ классу людей, соотвѣствующихъ болѣе или менѣе нашимъ крестьянамъ. О такъ называемой интеллигенціи, въ особенности же о жителяхъ городовъ, я здѣсь вовсе не говорю.

Удивительна легкость, съ которою они усваиваютъ себѣ чужіе языки. Резьянинъ, говорящій на четырехъ или же пяти иностранныхъ языкахъ, вовсе не диковинка. Впрочемъ, эту практически-лингвистическую способность Резьяне раздѣляютъ съ Крайно-Словенцами и св. Петровцами (Špiétagci), и даже эти послѣдніе успѣваютъ лучше, чѣмъ Резьяне, ибо произносятъ слова иностранныхъ языковъ совершенно правильно, тогда какъ въ выговорѣ Резьянина почти всегда слышится довольно сильный специфически-Резьянскій отгѣнокъ. Въ нѣкоторыхъ св.-Петровскихъ поселеніяхъ я встрѣчалъ людей, которые, странствуя по бѣлу свѣту въ качествѣ продавцевъ картинъ или т. п., выучились по-Фурлански, по-Италянски, по-Нѣмецки, по Крайно-Словенски, по-Польски и даже по-Русски. Одинъ же изъ моихъ св.-Петровскихъ знакомыхъ, Иванъ Пагонъ, говоритъ хорошо почти на всѣхъ языкахъ Австрійской имперіи, т. е., на Нѣмецкомъ, Итальянскомъ, Фурланскомъ, Крайно-Словенскомъ, Сербско-Хорватскомъ, Чешскомъ, Польскомъ и Венгерскомъ. Простая Крайно-Словенская дѣвушка, пробывъ въ Триестѣ какихъ нибудь три мѣсяца въ качествѣ служанки, выучивается отлично по-Италянски; попавъ же въ одинъ изъ Нѣмецкихъ городовъ или, по крайней мѣрѣ, въ Нѣмецкую семью, та же дѣвушка втеченіе шести мѣсяцевъ преодоливаетъ гораздо болѣе трудный Нѣмецкій языкъ. Какъ бы то ни было, Резьяне не уступаютъ въ этомъ отношеніи другимъ южнымъ Славянамъ, и даже, по числу лицъ, знающихъ иностранные языки, превосходятъ этихъ послѣднихъ; это потому, что больше всѣхъ прочихъ путешествуютъ, и находятся въ болѣе обширныхъ торговыхъ сношеніяхъ. Они не ограничиваются одною только живою рѣчью, и, когда нужно, въ скоромъ времени, можно сказать, сами, безъ помощи учителя, выучиваются читать и писать на разныхъ языкахъ. Благодаря этимъ неоцѣненнымъ способностямъ, нѣкоторые изъ нихъ, занимающіеся оптовою торговлею, ведутъ довольно обширную торговую переписку съ разными фирмами въ Италіи и въ Австріи на Итальянскомъ и на Нѣмецкомъ языкахъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ теперешній писарь Резьянской волости, Антонъ Буттоло. Вотъ его исторія, рассказанная мнѣ нѣкоторыми изъ его соотечественниковъ. Въ молодости онъ занимался тѣмъ же, чѣмъ и многіе другіе Резьяне, вязалъ горшки, лудилъ котлы и кострюли, и при всемъ этомъ бѣдствовалъ. Находясь одно время въ Штиріи, онъ былъ нанятъ землемѣрами, какъ обыкновенный подѣнщикъ. Работы, производимыя землемѣрами,

возбудили его любопытство до такой степени, что, имѣя тогда уже около 30 лѣтъ и будучи совершенно безграмотнымъ, онъ взялся за книгу и въ скоромъ времени выучился читать и писать. Въ настоящее время онъ говорить и писать по-Итальянски, по-Нѣмецки и по-Крайно-Словенски; кромѣ того говорить, конечно, по-Резьянски и по-Фурлански. Но что самое удивительное, такъ это то, что онъ безъ помощи учителя выучился по-Французски и довольно правильно объясняется на этомъ языкѣ. Кромѣ знанія языковъ, онъ обладаетъ значительною массой свѣдѣній по исторіи, географіи, этнографіи, естественной исторіи и т. д., и вообще является вполне образованнымъ человекомъ, съ которымъ можно весьма пріятно побесѣдовать о разныхъ предметахъ. Ему теперь около 60 лѣтъ, и, уже довольно давно состоя въ своей должности, онъ считается лучшимъ волостнымъ писаремъ во всемъ Музацкомъ уѣздѣ.

Благодаря смѣтливости Резьянскаго народа, мнѣ почти не случалось, при записываніи Резьянскихъ словъ и выраженій, наткаться на такого рода недоразумѣнія, которыя столь часты, на примѣръ, въ матеріалахъ для характеристики по-Лабскихъ говоровъ, и которыя состоятъ въ томъ, что спрашиваемый серьезно относится къ вопросу и, на примѣръ, на вопросъ «какъ говорится по вашему: вы ѣли?» отвѣчаетъ на своемъ языкѣ: «я ѣлъ» ¹⁾. Въ Резьѣ мнѣ случилось нѣчто подобное всего только одинъ разъ. Дѣвушка никакъ не могла понять вопроса, какъ нужно сказать по-Резьянски «voi mangiate» (вы ѣдите, вы кушаете), не смотря на то, что смыслъ Итальянскихъ словъ былъ для нея понятенъ. Сначала я спросилъ ее: «káko se dí: voi mangiate?». Она же отвѣтила: «tji sta joedly baj vŷ?» (ѣли ли вы?). Я повторилъ вопросъ. Отвѣтъ: «nen mi hrémö jist» (теперь мы идемъ ѣсть). Наконецъ, я измѣнилъ форму вопроса, но, къ сожалѣнію, неудачно: «káko maŷá wán ritjit, ko vŷ jíta?» (какъ должно вамъ сказать, когда вы кушаете?), неудачно потому, что получилъ въ отвѣтъ, и, по правдѣ сказать, совершенно справедливо: «büh wap žéhnaŷ» (Богъ васъ благослови) (обыкновенная формула, замѣняющая собою пожеланіе хорошаго аппетита).

Резья принадлежитъ Италіи. Съ другой стороны, самая обширная часть Резьянской волости, т. е. долина рѣки Резья, отдѣ-

¹⁾ См. «Laut und Formenlehre der Polabischen Sprache von August Schleicher». St.-Petersburg, 1871, стр. 12 слѣд., и мой разборъ той книги, напечатанный въ «Журналѣ мин. народн. просв.» за августъ 1873 г.

ленная, можно сказать, непроходимыми горами отъ ближайшихъ по сосѣдству Славянъ (Словенцевъ Австріи и Сербо-Хорватовъ сѣверной Италіи) открыта только съ запада, въ сторону Романскаго племени Фурланъ. Такимъ образомъ, какъ политическія, такъ и географико-этнографическія условія вовсе не благоприятствуютъ сохраненію и процвѣтанію Славянской національности Резьянъ. Правда, Учейская котловина открыта главнымъ образомъ въ сторону Австрійскихъ Краино-Словенцевъ, но, во-первыхъ, она въ политическомъ отношеніи все-же принадлежитъ къ Италіи и, во-вторыхъ, населена не больше какъ шестою частью всей массы Резьянскаго населенія, и притомъ частью самою необразованною и невліятельною. Какъ бы то ни было, сильный напоръ Романскаго элемента въ лицѣ Фурланскаго народа и Итальянскаго правительства, на Резьянскихъ Славянъ ясенъ и не требуетъ ни какихъ особенныхъ доказательствъ. Этому напору подвержены не только всѣ Славяне сѣверной Италіи, но тоже и Славяне пограничной полосы Австрійскихъ провинцій, по преимуществу же Горичкаго графства. Что касается сѣверо-Итальянскихъ Славянъ, то только-что упомянутое Романское вліяніе проявляется не на всѣхъ ихъ съ одинаковою силою. Больше всѣхъ «фурланятся» Сербо-Хорваты уѣздовъ Джемонскаго и Тарчентскаго, во-первыхъ, подъ вліяніемъ презирающихъ ихъ Славянскую національность ксендзовъ Фурланскаго происхожденія и вообще всего Римско-католическаго церковнаго механизма, во-вторыхъ, вслѣдствіе принадлежности къ однимъ общимъ, даже самымъ мелкимъ, административнымъ цѣлымъ съ сосѣдними Фурланами, имѣющими и въ другихъ отношеніяхъ значительный и рѣшительный перевѣсъ, въ-третьихъ, наконецъ, вслѣдствіе всѣхъ вообще мѣстныхъ, географическихъ и культурно-историческихъ условій. Составляющіе особый цѣльный уѣздъ св.-Петровцы находятся, въ этомъ отношеніи, въ гораздо лучшихъ условіяхъ, и они, можно сказать, до сихъ поръ сохранили свою этнографическую національность въ неприкосновенномъ видѣ. Точно также въ лучшемъ, нежели жители Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ, положеніи оказываются Резьяне, не смотря на то, что ихъ главная родина, т. е., долина рѣки Резьи открыта только въ сторону Фурланъ.

Этому упорному сохраненію Резьянами ихъ этнографической индивидуальности способствуютъ: 1) ихъ географическая замкнутость и обособленность, 2) ихъ административное единство, т. е., то, что они составляютъ особую, исключительно Резьянскую во-
лость, 3) относительная церковная независимость и частная под-

чиненность имъ ихъ настоятеля (приходскаго священника), 4) довольно сильно развитое чутье особой народной индивидуальности, въ противоположность, какъ Романскимъ, такъ же точно и Славянскимъ, непосредственно съ ними соприкасающимся племенамъ. Если же они чувствуютъ себя принадлежащими въ этомъ отношеніи къ болѣе обширному цѣлому, то, конечно, этимъ цѣлымъ являются не Романцы, но Славяне. Резьяне чувствуютъ себя и считаютъ себя Славянами.

Многіе изъ болѣе развитыхъ Резьянъ выказываютъ горячее и непритворное сочувствіе къ Австрійскимъ Словенцамъ (Крайно-Словенцамъ), къ устроиваемымъ ими «таборамъ» (митингамъ), къ ихъ народно-литературному движенію и ко всѣмъ вообще проявленіямъ ихъ народно-политической жизни. У нѣкоторыхъ Резьянъ я встрѣчалъ даже извѣстнаго рода шовинизмъ Резьянско-Славянской. Довольно же часты здѣсь жалобы на полное исключеніе Резьянскаго языка изъ школы, при чемъ жалующіеся ссылаются на положеніе Австрійскихъ Славянъ, прежде всего Крайно-Словенцевъ. Въ Австріи, какъ извѣстно, южно-Славянскіе языки, между прочимъ и Крайно-Словенскій, пользуются извѣстною долей officialнаго и общественнаго уваженія: какъ бы то ни было, ихъ не могутъ игнорировать теперь ни въ школѣ, ни въ администраціи. Резьянскіе патріоты завидуютъ Крайно-Словенцамъ, и выражаютъ желаніе, чтобы и въ ихъ школѣ учили не только по-Итальянски, но и по-Резьянски, или, если ужъ преимущественно по-Итальянски, то, по крайней мѣрѣ, съ помощью Резьянскаго. Какъ я уже замѣтилъ, этотъ методъ практикуется отчасти теперешнимъ Резьянскимъ учителемъ и теперешнею Резьянскою учительницею, но онъ не только не одобряется officialными органами Итальянскаго правительства, но даже просто осуждается, какъ ведущій къ сепаратизму и вообще неблагонамѣренный.

Въ связи съ только-что названными проявленіями Резьянскаго патріотизма находится языковый пуризмъ, заставляющій, по-крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ Резьянъ, заботиться о чистотѣ отечественнаго языка, избѣгать по возможности Фурланскихъ и другихъ иностранныхъ словъ, и, наконецъ, сожалѣть о многихъ Славянско-Резьянскихъ словахъ, украшавшихъ языкъ еще дѣдовъ и даже ихъ отцевъ, но затѣмъ совершенно вышедшихъ изъ употребленія. Не смотря, однакожь, на всѣ старанія нѣкоторыхъ пуристовъ, Резьянскіе говоры такъ и кишатъ заимствованными изъ говоровъ Фурланскихъ словами, выраженіями, оборотами и даже формами склоненія

и сираженія. Кромѣ этого главнаго Фурланскаго вліянія, можно замѣтить въ Резьянскихъ говорахъ вліяніе Нѣмецкое, Итальянское и даже, по-крайней-мѣрѣ въ молитвахъ и вообще въ произведеніяхъ церковнаго характера, Латинское.

Конечно, и симпатіи для другихъ Славянъ, и извѣстнаго рода шовинизмъ, и пуризмъ по отношенію къ отечественному языку встрѣчаются далеко не у всѣхъ Резьянъ. Многіе изъ нихъ совершенно равнодушны въ этомъ отношеніи; и даже нѣкоторые, руководствуясь практическими соображеніями, высказываютъ желаніе, чтобы поскорѣе совершилась ихъ полная фурланизация. Но тѣмъ не менѣе фактъ Резьянскаго патріотизма, сознательно и безсознательно противодѣйствующаго напору чужаго элемента, существуетъ и заслуживаетъ нашего вниманія.

Трудность окончательнаго слитія Резьянъ и другихъ Итальянскихъ Славянъ съ Фурланами въ пользу этихъ послѣднихъ обуславливается еще и тѣмъ, что до сихъ поръ не изгладилась старинная племенная ненависть, развившаяся когда-то въ этихъ странахъ, вслѣдствіе кровавыхъ столкновеній и другихъ проявленій борьбы за существованіе между южными Славянами, съ одной стороны, и между Фурланами и, хотя въ меньшей степени, Итальянцами, съ другой. Между св.-Петровцами и нѣкоторыми Крайно-Словенцами Горичаго графства до сихъ поръ живетъ преданіе, что Фурлане родились изъ ослинаго кала ¹⁾. У тѣхъ же Славянъ Фурланинъ считается олицетвореніемъ тупоум'я, преимущественно за свою неспособность къ изученію чужихъ языковъ. (Въ остальномъ же это мнѣніе основано на народномъ предубѣжденіи и ненависти, такъ какъ Фурлане, не смотря на низкую степень практически-лингвистическихъ способностей, принадлежатъ къ народамъ весьма способнымъ и даровитымъ). Зато и Фурлане, сообразно съ пословицею «долгъ платежемъ красенъ», не щадятъ Славянъ и, между прочимъ, однимъ изъ самыхъ обидныхъ ругательствъ считаютъ ругательство: «tu ses un Slav!» (ты Славянинъ).

¹⁾ Вотъ главные подробности этого преданія: Іисусъ Христосъ ходилъ по свѣту со своими учениками. Однажды онъ сказалъ имъ: «я все уже сотворилъ, не достаетъ только Фурлана». Говоря это, онъ толкнулъ ногою лежавшій на дорогѣ ослиный калъ. Вдругъ изъ этого кала выскакиваетъ паренъ и, махая ножемъ, злобно восклицаетъ: «son cà, sacra di vangeli!» (я здѣсь, чортъ меня побери!) (Проклятіе «sacra di vangeli!» дословно переводится: «святости евангелія!» или т. п.). Этимъ характеризуется вспыльчивость Фурланъ и ихъ наклонность—проклинать и ссориться. И въ самомъ дѣлѣ: между Фурланами довольно часты убійства, совершаемыя во время ссоръ, въ особенности же изъ-за женщинъ.

Весьма поучительно примѣненіе этнографическаго названія Славянъ для обозначенія рабовъ: по-Итальянски *schia vo* по-Фурлански *slav*. Подобнаго рода переходъ собственныхъ именъ племень и народовъ въ разрядъ именъ нарицательныхъ не представляетъ ничего особеннаго. Такимъ образомъ произошло Польское *szwajcar* и затѣмъ Русское швейцаръ (равносильное собственному имени Швейцарецъ, въ значеніи привратника), Польское *włoch* (собств. Итальянецъ) въ значеніи продавца картинъ, Польское *węgier* (то-есть, Венгерецъ) въ значеніи скопителя и мелкаго странствующаго торговца, слово *Karál* или *Karáléu* (собств. Карніецъ, Карнелъ, житель Фурланской Карніи), упрочившееся въ говорахъ сѣверо-Итальянскихъ Славянъ въ значеніи ткача и т. д. Лстиваго и хитраго попрошайку Поляки зовутъ *cygan*, Русскіе тоже цыганъ. Точно также слову еврей или жидъ не чуждо нарицательное значеніе. Весьма вѣроятно, что Русское исполнъ, польское *olbrzym* (тоже исполниль, — будтобы отъ *Obz*, Обръ), нѣмецкое *Held* (герой, — будтобы отъ *Kelt*, Кельтъ) и т. п. обязаны своимъ происхожденіемъ названіямъ того или же другаго народа. Виновникомъ подобнаго примѣненія собственного этнографическаго названія является всегда или какое-нибудь выдающееся свойство или качество даннаго народа, какъ съ физической, такъ и съ нравственной стороны, или же извѣстное занятіе, которому въ особенности предаются, по-видимому, отдѣльные члены этого народа. Стало-быть, и обозначеніе рабовъ этнографическимъ названіемъ Славянъ могло произойти только отъ того, что самый большій контингентъ рабовъ въ ближайшія Романскія земли поставляли именно Славяне.

Что касается спеціально Резьянъ, то, можно сказать, взаимная племенная ненависть между ними и Фурланами, сглаживаясь постепенно подъ вліяніемъ разныхъ цивилизующихъ факторовъ, въ настоящее время почти не существуетъ, то-есть, по крайней мѣрѣ, почти незамѣтна. Тѣмъ не менѣе, отъ поры до времени она сказывается. Вотъ одинъ случай, который можетъ быть объясненъ только невыгасшимъ до сихъ поръ племеннымъ антагонизмомъ.

Въ день Успенской Богородицы, 15 августа 1873 г., вечеромъ передъ Раванскою гостинницей старика Липы собралось нѣсколько человекъ, какъ домашнихъ, такъ и прибывшихъ на ярмарку изъ другихъ мѣстностей. Въ ихъ числѣ были Фурланскіе мелкіе торговцы, и Резьяне изъ Учейской котловины. Эти послѣдніе, будучи въ веселомъ расположеніи духа, начали пѣть свои родныя пѣсни.

Вдругъ съ одной телѣги, на которой улеглось двое или трое Фурланъ, послышались свистки и передразниванія. Это взбѣсило поющихъ Резьянъ, которые, переставъ пѣть, начали бранить Фурланъ и доказывать, что они имѣютъ полное право пѣть на своей родинѣ свои же родныя пѣсни. Завязалась ссора, суть которой состояла въ томъ, что Резьяне исчисляли обиды, причиняемыя имъ Фурланами, Фурлане же, ничуть не оправдываясь, старались убѣдить всѣхъ въ своемъ превосходствѣ и въ правѣ хозяйничать, не только у себя дома, но и вездѣ; а такъ какъ Резьянскія пѣсни не нравятся имъ и мѣшаютъ имъ отдыхать, то они, молъ, своими свистками и передразниваніями и позаботились объ ихъ прекращеніи. Обиженные Резьяне не нашли защитника даже въ хозяинѣ гостиницы, который, хотя самъ Резьянинъ, впрочемъ, вовсе не особенно горячій, не хотѣлъ оскорбить Фурланскихъ торговцевъ, живущихъ въ его домѣ и, слѣдовательно, доставляющихъ ему довольно значительный заработокъ.

Гораздо чаще этихъ проявленій старинной международной ненависти, раздаются жалобы и сѣтованія Резьянъ на Италію и на итальянцевъ, какъ на то политическое цѣлое, къ которому они принадлежатъ съ 1866 года. Громадное большинство Резьянъ повторяетъ: «съ тѣхъ поръ, какъ ушли Нѣмцы (то-есть, Австрійцы), у насъ нѣтъ ничего хорошаго». Это недовольство Резьянъ теперешнимъ (Итальянскимъ) ихъ правительствомъ совершенно понятно. Во-первыхъ, подати и пошлыны въ Австріи несравненно меньше, нежели въ Италіи, гдѣ, сверхъ того, обложены высокою пошлыною самые необходимые для жизни предметы. Затѣмъ, Резьяне живутъ на самой Австро-Итальянской границѣ, а этого достаточно для возбужденія неудовольствія въ (пограничныхъ) жителяхъ государства, всѣми силами стѣсняющаго свободу торговли и введшаго у себя строжайшій таможенный контроль.

Какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, главными дѣятелями по части фурланизациі и вообще романизациі сѣверо-Итальянскихъ Славянъ являлись и являются Римско-католическіе священники или ксендзы. У южныхъ сосѣдей Резьянъ, то-есть, у Сербо-Хорватовъ Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ, большинство священниковъ Фурланскаго происхожденія, и только нѣкоторые изъ нихъ—Славяне. Но такъ какъ все-таки и у cadaго изъ этихъ послѣднихъ были Фурланскіе предшественники, проповѣдывавшіе и учившіе только по-Фурлански, то, даже при Славянскихъ ксендзахъ, многіе крестьяне предпочитаютъ Фурланскую проповѣдь и вообще

Фурланское ученіе. Такимъ образомъ, Славянскіе жители названныхъ уѣздовъ, хотя и сохранили до сихъ поръ свои Славянскіе говоры, не смотря на то легче понимаютъ Фурланскія церковныя бесѣды, молятся же по-Латыни, или же по-Фурлански. Мнѣ самому случалось видѣть маленькихъ дѣвочекъ, читавшихъ почти безъ всякаго коверканья *Pater noster, qui es in coelis*, или т. п., но, разумѣется, непонимавшихъ ни одного слова этихъ молитвъ, Подобное процвѣтаніе классицизма самымъ вреднымъ образомъ отзывается на умственномъ развитіи молодаго поколѣнія.

Резьяне молятся по-Резьянски, но поютъ въ церкви и во время крестныхъ ходовъ по-Латыни, конечно, тоже не понимая ни слова. Какъ меня увѣряли нѣкоторые, закону Божію (катихизису) обучаютъ дѣтей тоже по-Резьянски.

Проповѣди въ Резьѣ произносятся обыкновенно по-Резьянски. Но въ большіе праздники, когда въ Резью приходятъ люди изъ Фріула, Резьянскій языкъ замѣняется Фурланскимъ или же Итальянскимъ. Такъ, напримѣръ, бываетъ 15-го августа, въ праздникъ Успенской Богородицы (на *Smârno mišo*).

Изъ трехъ священниковъ, состоявшихъ въ Резьѣ въ 1873 г., могли проповѣдовать по-Резьянски, какъ слѣдуетъ, только двое капеляновъ, родомъ изъ Резьи же. Самъ же приходскій священникъ (настоятель), Славянинъ изъ св.-Петровскаго уѣзда, не смотря на то, что прожилъ въ своемъ приходѣ уже два года, говорилъ проповѣди на такомъ Резьянскомъ нарѣчьи, что его никто изъ Резьянъ не былъ въ состояніи понимать. Это тѣмъ болѣе удивительно, что до этого невыучившагося по-Резьянски Славянина настоятелемъ Резьянскаго прихода былъ покойный Францискъ Галиція (Francesco Galizia), Фурланецъ изъ Мужаца, который, не смотря на свое не-Славянское происхожденіе, усвоилъ себѣ въ совершенствѣ Резьянскую рѣчь, обучалъ Резьянъ на ихъ родномъ языкѣ и даже самъ переводилъ съ Итальянскаго на Резьянскій.

Относительно постепенной утраты Резьянами чистоты и неприкосновенности отечественнаго языка, считаю нелишнимъ указать на призваніе самихъ же Резьянъ, что, такъ какъ они живутъ на границѣ, то иногда, даже разговаривая между собою, употребляютъ не только Резьянскія или же обрезаившіяся иностранныя слова, но тоже слова чисто Фурланскія; тѣ же, кто ходитъ по Германіи, мѣшаютъ въ свою рѣчь и Нѣмецкія слова. Это происходитъ, молъ, отъ того, что они знаютъ названія нѣкоторыхъ предметовъ только по-Нѣмецки и не знаютъ соответственныхъ Резьян-

скихъ выраженій. Поэтому-то прежніе старики, то-есть, старики тѣхъ временъ, когда теперешніе взрослые были дѣтьми, говорили, дескать, на гораздо болѣе чистомъ Резьянскомъ языкѣ.

Чистотѣ Резьянскаго нарѣчія наносятъ значительный вредъ тоже мелкіе Фурланскіе торговцы, посѣщающіе Резью во время ярмарокъ и почти всегда оставляющіе послѣ себя нѣсколько Фурланскихъ или же Итальянскихъ словъ, проклятій и т. п. Не лишено вліянія въ этомъ направленіи 23-хъ-лѣтнее пребываніе въ Резьѣ упомянутой уже мною Фурланки, которая, правда, понимаетъ по-Резьянски, но, отчасти вслѣдствіе презрѣнія для Резьянъ, отчасти же вслѣдствіе своей неспособности, говорить исключительно только по-Резьянски, такъ-что разговоръ между нею и Резьянами въ особенности же Резьянками, ведется обыкновенно на двухъ языкахъ, конечно, въ ущербъ чистотѣ Резьянскаго.

Результатомъ постоянного Фурланско-Итальянскаго вліянія на Резьянскіе говоры является, между прочимъ, тотъ фактъ, что даже молодыя дѣвушки при всякомъ болѣе или менѣе подходящемъ случаѣ сыплютъ словами въ родѣ *sazzo, mona, far si fotter* и т. п., по Итальянскому обычаю.

Единственные извѣстные мнѣ письменные памятники Резьянской рѣчи, то-есть, двѣ рукописи съ отрывками катихизиса и молитвами, обнародованы мною въ книжкѣ, «Резьянскій Катихизисъ», какъ приложение къ «Опыту фонетики Резьянскихъ говоровъ», съ примѣчаніями и словаремъ издалъ И. Бодуэнъ-де-Куртенэ (I. Baudouin de Courtenay). Варшава. Петербургъ. 1875». Желających узнать подробности объ этихъ памятникахъ я отсылаю къ предисловію только-что названнаго сочиненія. Другіе письменные памятники Резьянскихъ говоровъ мнѣ совершенно неизвѣстны, если, конечно, не считать памятниками какія-нибудь отдѣльныя Резьянскія фразы въ Итальянскихъ письмахъ Резьянъ къ ихъ женамъ и родственникамъ. Такъ, напримѣръ, письмо нѣкоего Пушки къ его женѣ, на которое я отвѣчалъ отъ ея имени, оканчивалось слѣдующею Резьянскою фразой, не совсѣмъ приличнаго свойства: «to baitelu te clin na to ne more bit igna». Если, вмѣсто Итальянскаго правописанія, примѣнить транскрипціонное, то получится: «tō ba jī toēlō te klīn, ma tō noe mōroe bit jīnā» (хотѣлось бы..., но теперь нельзя). Характеристично при этомъ то обстоятельство,

что все письмо, трактующее о семейныхъ и другихъ т. п. дѣлахъ написано по-Итальянски въ весьма приличномъ тонѣ; для выраженія же своего супружескаго желанія и невозможности удовлетворить его, молодой Резьянинъ прибѣгаетъ къ отечественному языку.

Если письменныхъ памятниковъ у Резьянъ, можно сказать, почти нѣтъ, зато, само собою разумѣется, есть памятники народной словесности, сказки, пѣсни и т. п., хотя, впрочемъ, относительно весьма немногочисленные.

Резьянскія сказки не представляютъ ничего особеннаго. Самыми любимыми являются сказки о разныхъ животныхъ. Если сказки съ другимъ содержаніемъ дѣлаютъ по большей части впечатлѣніе заимствованныхъ, или изъ книгъ, или же отъ другихъ народовъ, зато сказки, героями которыхъ лисица, волкъ, медвѣдь и т. д., кажутся какъ будто-бы родившимися у самихъ Резьянъ и рассказываются ими, какъ говорится, со п а м о г е. Не берусь рѣшать, на сколько въ этихъ Резьянскихъ сказкахъ отражается обще-Аріо-Европейскій, въ особенности же Германскій, животный эпосъ (Thier-epos), то-есть, на сколько они составляютъ продуктъ самостоятельнаго творчества Резьянъ, и насколько заимствованы, и ограничусь приведеніемъ содержанія, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ вариантовъ.

1) Лисица (lisica) служила въ дѣвкахъ у приходскаго священника (ксендза) (plavàn). Однажды, подметая комнату, она нашла два сантима (dwá centézima, по-Итальянски due centesimi), и рѣшила отправиться въ Римъ. На пути ей попался заяцъ (zec), который спросилъ ее: «куда вы идете, кума?» Лисица отвѣтила, что идти въ Римъ и пригласила зайца отправиться вмѣстѣ съ нею. Затѣмъ, они встрѣтили волка (ùk), и тоже его уговорили отправиться вмѣстѣ въ Римъ. Наконецъ, встрѣтившись съ котомъ (máčak), порѣшили, что онъ долженъ жениться на лисицѣ. Для того, чтобы устроить приличную свадьбу, лисица отправилась ловить куриць-кôkuš). Свадьба должна была совершиться за Полудникомъ (tá za Pulúdnikon) (такъ называютъ одну мѣстность въ Резьѣ). Ожидая возвращенія лисицы, заяцъ спрятался въ можжевельникъ (zmulíka), боровъ (prásac) между листьевъ (tù u lýstjoe), медвѣдь же на дерево (wùn na hrâst). Вдругъ-прибѣжала мышь (míš), и всѣ они испугались: вотъ скочилъ между листьевъ, и выпарапалъ волку глаза; медвѣдь отъ испуга упалъ съ дерева, заяцъ же съ испуга обоср..ся (ioè se òsral zá strahon). Потомъ они уже не женились, такъ какъ

всѣ боялись и разбѣжались всякій во свояси. (Очевидно дѣйствующія лица этой сказки перепутаны, и самъ разсказъ является только блѣднымъ и валымъ отраженіемъ чего-то цѣльнаго и толковаго).

2) За Лединою (tá za Lydyño) (мѣстность въ деревнѣ Нивѣ) былъ хлѣвъ, въ которомъ держали свиней. Въ чуланчикѣ же клали шпекъ (свиное сало) (špěh) съ тѣмъ, чтобы его сушить. Лисица и волкъ ходили вмѣстѣ. Лисица влѣзла туда сквозь окно, чтобы ѣсть шпекъ. Наѣвшись до сыта, она убѣжала. Затѣмъ, волкъ вошелъ тоже въ чуланчикъ и, наѣвшись, не могъ уйти. Люди услышали, что онъ тамъ, отправились съ палками и почти до смерти прибили (на половину умертвили) волка. Въ это время лисица, видя несчастье, случившееся съ волкомъ, убѣжала и прибѣжала къ Типинымъ (hogoë h Tjirinin (прозвище), убившимъ волъ. Лисица окунулась въ кровь этого волъ и пошла искать волка, который, весь изломанный, еле волочилъ ноги. Увидѣвъ лисицу всю въ крови, волкъ сказалъ: «о, кумушка! вы разбиты, вы совсѣмъ разстроены!» Затѣмъ онъ прибавилъ: «кумушка! вы не можете идти, я васъ понесу». Тогда она сѣла волку на спину. По пути же она вдобавокъ подсмѣивалась надъ бѣднымъ волкомъ, восклицая: «о! больной несетъ здороваго». Волкъ же постоянно несъ ее вблизи нивъ (полей). Лисица сказала: «что же мы теперь должны сдѣлать? мы голодны». «Знаете, что?» прибавила она, показывая волку пряжу (волокну) (lákno), «смотрите, вотъ тамъ есть курицы; ступайте и принесите ихъ сюда». Глупый волкъ отправился туда и захватилъ пряжу, считаемую имъ за курицу. Лисица же въ то же самое время сбѣгала къ настоящимъ курицамъ и задавила нѣсколькихъ изъ нихъ. Затѣмъ они развели огонь. У волка хвостъ былъ переломанъ, и поэтому они вдвоемъ сплели ему другой хвостъ изъ пряжи. Тогда лисица сказала: «будемъ-те перескочивать черезъ огонь». Поднявши вверхъ свой настоящій хвостъ, лисица перепрыгнула черезъ огонь благополучно, не причинивъ себѣ ни малѣйшаго вреда. Сдѣланный же изъ пряжи хвостъ волка попалъ въ огонь и загорѣлся. Тогда лисица сказала: «ступай въ Барманъ (Barman, одинъ изъ Резьянскихъ потоковъ) и обмочи тамъ хвостъ». Но это было зимою и волковъ хвостъ примерзъ ко льду, такъ-что волкъ остался безъ всего. Затѣмъ они опять проходили мимо нивъ (полей) и были грустны. Лисица сказала волку: «я стара; посмотрите туда, я стану тамъ, вы же съ размаху ударите на меня и, столкнувъ въ пропасть, убьете». Лисица стала на краю обрыва, волкъ разбѣжался,

хотѣлъ попасть въ нее, но она посторонилась, и самъ волкъ, упавъ въ пропасть, убился. Вѣроны же, почуявъ волково мясо, каркали въ воздухъ: «кракъ! кракъ! дай мнѣ мяса». Одинъ изъ вѣроновъ обратился къ лисицѣ: «дай мнѣ мяса, а я выучу тебя летать». Она согласилась, и вороны понесли ее на воздухъ. Спустя нѣсколько времени, лисица, думая, что уже умѣетъ летать, сказала вѣронамъ: «пустите меня, я уже съумѣю сама летать». Когда они выпустили ее, она стремглавъ слетѣла внизъ. Завидѣвъ подъ собою пенъ, она крикнула ему: «бѣги, проклятый!» Пенъ, конечно, не тронулся съ мѣста, и лисица, ударившись объ него, убила, и тоже была съѣдена вѣронами.

3) За Лединою (ta dōloè за Lydýno, мѣстность) у Малышко-выхъ (Malýškuví, прозвище) былъ чуланчикъ. Люди ушли къ обѣдѣ. Пришли волкъ и лисица, залѣзли въ чуланчикъ и наѣлись шпека. Ехидная лисица ушла прежде, чѣмъ волкъ, который слишкомъ обѣлся. Люди вышли изъ церкви и побѣжали за Лединою съ вилами, большими деревянными молотами, съ лопатами, мотыгами. Сытый же волкъ не могъ выбраться изъ чуланчика. Люди пришли и «убили его на половину». Но не здѣсь конецъ ехидствамъ лисицы. Типины (Tjirini, прозвище) убили волъ. Лисица помазала себя его кровью, такъ что была вся въ крови. Потомъ она отправилась къ Маринымъ (hōgoè h Mágjenen), и встрѣтила волка совершенно разбитаго. Она же, здоровая, хотя и въ крови, сказала: «куда вы идете, куманекъ?» Волкъ ей пожаловался, что его коло-тили. Лисица сказала: «я вся поколочена». Волкъ сказалъ: «пойдите, кумушка». Лисица отвѣтила: «не могу, куманекъ! не могу идти! несите меня!» Волкъ, закинувъ ее, несъ ее на спинѣ. Ехидная же лисица повторяла: «смотрите, смотрите! больной несетъ здороваго». Волкъ спросилъ: «что вы говорите, кумушка?» Лисица отвѣтила: «несите меня потихоньку, ибо каждая косточка во мнѣ трясется». Такимъ образомъ они пришли за Колкъ (wòp за Kòlk, мѣстность), и тамъ, гдѣ находится большая лавина (te vylýku pláz), лисица сказала волку: «вотъ здѣсь поставьте меня, куманекъ, бѣгите вотъ туда на малый Колкъ и спуститесь внизъ; когда же сюда дойдете, толкните меня съ лавины долой; я убьюсь, а вы меня съѣдите, куманекъ». Волкъ пошелъ на малый Колкъ и спустился внизъ; но, когда приближался уже къ лисицѣ, она посторонилась; волкъ упалъ съ лавины долѣй, и лисица съѣла его.

4) Лисица и волкъ шли въ Барманъ (Barmàn), и видѣли отраженіе луны въ водѣ. Хитрая лисица скочила на камень и сказала:

«пойдите сюда, куманекъ». Хитрая лисица подняла хвостъ вверхъ; глухой же волкъ оставилъ хвостъ въ водѣ. Указывая на отраженіе луны въ водѣ, лисица сказала: «смотрите, какой большой сыръ, куманекъ». Опушенный въ воду волковъ хвостъ зацѣпился за скалу. Лисица же сказала: «тащите сыръ, куманекъ». И волкъ, хвостъ котораго зацѣпился за скалу, ткнулъ его до тѣхъ поръ, пока онъ наконецъ не оторвался. Лисица сказала: «ступайте, куманекъ, въ деревню, а я сплету вамъ новый хвостъ». Потомъ она прибавила: «Я пойду за Ледину ловить курицъ; вы же ступайте туда, гдѣ бабы мнутъ коноплю за Пековою стѣною (tá za tí miron Рокѣвун). Когда бабы пойдутъ смотрѣть курицъ, украдите у нихъ пряжу (lákno), изъ которой я вамъ сплету хвостъ». Волкъ пошелъ. Когда бабы ушли смотрѣть курицъ, онъ хотѣлъ украсть пряжу. Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ это сдѣлать, бабы вернулись и поколотили волка.

5) Была лисица, и она шла по старому пути. Она встрѣтила кума-волка, кума-медвѣдя и кума-кабана (duják). Она сказала имъ: «пойдите со мною на работу, куманьки». На Долиницѣ (ta na Dö-lúnusoe) люди перекладывали кукурузу (sígak). Лисица закричала. «Что такое?» спросили ее товарищи. «Кумовья, куманьки! меня зовутъ крестить». Знала же она, гдѣ держать масло (mast) на Долѣ (мѣстность). Поэтому она пошла на Долъ (tá na Dòu) и наѣлась масла. Затѣмъ она вернулась на Долиницу, гдѣ ее ждали куманьки. Они спросили ее, какъ зовутъ ребенка, котораго она крестила. Она отвѣтила, что «начать» (pačnèt), такъ какъ она начала ѣсть масло и насытилась имъ. Потомъ она опять ушла туда кушать масло и скушала половину всего. Товарищи спросили ее: «какъ зовутъ ребенка, котораго вы сегодня крестили»? Она сказала: на половину (na rúu). На слѣдующій день, когда она съѣла уже все, на такой же вопросъ она отвѣтила: «его зовутъ, схватить, сожрать, сломать» (postrhât, polokât, polomât).

6) Однажды лисица служила въ дѣвкахъ у Кауцовыхъ (ta p'г Kaucovih, прозвище) три мѣсяца. Три мѣсяца она подметала горницу. Вдругъ что-то зазвенѣло на полу, и оказался крайцаръ (k'гаусак, Австрійская мѣдная монета). Такъ какъ это было ночью, она побѣжала на Смирѣчинъ (hõgoè u Smrîčîn, названіе одного потока), и нашла тамъ лиса (lesjâk). Она сказала: «я иду въ Римъ, хочешь ли ты отправиться туда вмѣстѣ со мною». Лисъ же возразилъ: «у меня нѣтъ денегъ». На это лисица ему отвѣтила: «Но у меня онъ есть». Тогда они (лисъ и лисица) пошли въ Осояны.

Это было въ воскресенье, когда люди шли къ обѣднѣ. Въ одномъ хлѣвкѣ былъ убитъ боровъ. Лисица сказала: «ступай въ хлѣвокъ и подай мнѣ масо». Лисъ залѣзъ въ хлѣвъ и началъ ѣсть, ибо онъ былъ голоденъ. Поэтому тоже онъ легко пролѣзъ сквозь окно. Наѣвши, онъ выбросилъ лисицѣ одну ногу (убитаго борова). Когда онъ былъ уже сытъ, спросилъ лисицу, идутъ ли люди. Лисица сказала, что нѣтъ. Однакожь, люди были уже на Ожгишѣ (dō pa Ōžyštjoe, одна изъ улицъ). Затѣмъ, когда люди были уже во Вси (toŭ Wasè, одна часть деревни Осоянѣ), лисица сказала: «теперь уходи скорѣе, потому что люди уже здѣсь». Лисъ скочилъ въ окно, но, такъ какъ онъ былъ черезъ-чуръ сытъ (полонъ), то онъ не могъ пролѣзть сквозь окно. Люди начали колотить его, лисица же убѣжала. Лиса связали и выгнали его на дворъ, не переставая колотить. Тогда онъ притворился мертвымъ, такъ-что люди заключили, что онъ въ самомъ дѣлѣ околѣлъ. Когда люди ушли, онъ тоже убѣжалъ. У Голяндиныхъ (ta p'g Holándinih, прозвище) убили корову. Лисица прибѣжала и запачкалась въ крови. Затѣмъ она отправилась на Лугъ (hōgoè pa Lóh, мѣстность), и опять нашла тамъ лиса. Она сказала: «куманецъ мой! несите меня на Моронцанъ» (wūn па Могонсан, большая гора). И такъ лисъ, не смотря на то, что былъ поколоченъ, лисица же была здорова, закинулъ ее на спину. Лисица говоритъ: «вумъ мой, несите меня потихоньку, ибо каждая косточка болитъ у меня, и я не гожусь болѣе для сего міра». Затѣмъ онъ принесъ ее на гору, на большую скалу. Она сказала: «я теперь не гожусь болѣе для сего міра; поэтому вы ступайте сто сажень вверхъ, закройте глаза, чтобы вамъ не сдѣлалось дурно, разбѣжитесь и столкните меня внизъ». Этотъ бѣдный дуракъ послушался; пошелъ туда, и разбѣжался; когда же онъ поровнялся съ лисицей, она толкнула его, такъ-что онъ упалъ внизъ и околѣлъ. Тогда она сказала: «я, бѣдная вдова!» и опять отправилась въ Осояны служить въ дѣвкахъ (за dŭklo). Ночью пришелъ къ ней лисъ волокита, чтобы любезничать съ нею (ухоживать за нею) (u wás). Она сказала: «теперь мы должны идти въ Римъ» (u Rím). Онъ сказалъ: «нужно намъ сдѣлать телѣгу». Тогда они ушли въ Дрикварцову долину (hōgoè u Drīkarcowo dōŭno, мѣстность), и сдѣлали телѣгу (wuz) изъ рѣпъ (wōn z rīp). Затѣмъ они отправились въ лѣсъ (wūn u hōzd) за прутьями (moedlykŭvysa), нужными для постройки телѣги. Когда же они кончили телѣгу, лисица сказала: «мы должны пойти и украсть овцу». Лисъ пошелъ, укралъ овцу и принесъ. Лисица сказала: «ступай за водою». Онъ

ушелъ, лисица же выѣла мясо изъ овцы и наклала въ нее соломы. Затѣмъ она сказала: «разведемъ-те огонь и попробуемъ-те перепрыгивать черезъ него». Такъ и сдѣлали. Лисица подняла вверхъ хвостъ, лисъ этого не сдѣлалъ, и его хвостъ загорѣлся. Лисица сказала: «въ Барманъ, въ Барманъ, въ эту глубокую воду»! Лисъ ушелъ, но, прежде чѣмъ успѣлъ дойти, сгорѣлъ и околѣлъ на дорогѣ. Лисица прибѣжала къ нему и сказала: «кумъ мой, вы смѣтаетесь»? Затѣмъ она начала созывать вѣроновъ и сказала имъ: «вѣроны, несите меня, а я дамъ вамъ за это мяса». Вѣроны, прилетѣли и съѣли лиса. Затѣмъ они схватили ее за ухо и понесли на воздухъ. Когда она была въ воздухѣ, она сказала: «пустите меня, потому что мнѣ это больно». Они пустили ее прямо на пни, и она околѣла. И теперь конецъ.

Довольно часто можно здѣсь слышать тоже охотничьи рассказы, преимущественно передающіе разныя приключенія Резьянскихъ охотниковъ съ медвѣдами, которые заходили въ Резью еще болѣе или менѣе тридцать лѣтъ назадъ, но теперь уже вовсе не появляются. У меня записано нѣсколько подобныхъ рассказовъ (одинъ даже съ точнымъ обозначеніемъ года — 1833), но они не представляютъ ничего интереснаго, и поэтому я не стану сообщать ихъ содержанія.

Существуетъ въ Резѣ глухое преданіе о карликахъ (*didaci, pi maji mužje*), но я не могъ добиться о нихъ никакихъ подробностей.

Изъ обыкновенныхъ сказокъ, составляющихъ общее достояніе болѣе или менѣе всѣхъ не только Европейскихъ, но и Азіатскихъ народовъ, я приведу въ самомъ сжатомъ видѣ содержаніе слѣдующихъ:

1) У одного царя (короля *kráj*) было три сына: двухъ старшихъ онъ любилъ, младшаго же не могъ терпѣть. Царь заболѣлъ, и во снѣ ему кто-то сказалъ, что его можетъ вылѣчить (*oštjarat*) только вода, находящаяся въ другомъ государствѣ (*čopárka*). Сперва онъ послалъ за водою старшаго сына. По пути онъ зашелъ къ вѣдьмѣ (*štrija*), которая заманила его въ свою лачужку и прикосновеніемъ палочки превратила его въ деревянный столбъ. Такъ какъ онъ долго не являлся домой, то отецъ послалъ за водою средняго сына, съ которымъ повторилось то же, что и съ первымъ. Тогда третій сынъ, нетерпимый отцомъ, просилъ позволенія отправиться за водою. Но отецъ не позволилъ, сказавъ, что если не вернутся до сихъ поръ умные братья, то тѣмъ паче не удастся

сдѣлать это ему, дураку. Тогда сынъ пошелъ къ мельнику (mulinar), пожаловался ему и просилъ ссудить его деньгами, такъ какъ у него самого ничего не было. Мельникъ далъ ему денегъ и хлѣба на дорогу, и царевъ сынъ отправился въ путь безъ вѣдома отца. Вѣдьма тоже приглашала его зайти къ ней; но, замѣтивъ два деревянныхъ столба, онъ отказался и только обѣщалъ зайти къ ней съ поклономъ на возвратномъ пути. Затѣмъ онъ зашелъ къ одному отшельнику (rimít) и, съ его позволенія, остался ночевать у него. Узнавъ, куда и зачѣмъ онъ собрался въ путь, отшельникъ объяснилъ ему обо всемъ и далъ надлежащія указанія. Ворота города, въ которомъ находилась желаемая вода, были охраняемы двумя львами; такъ-что никакъ нельзя было туда пробраться. Но съ 11-ти до 12-ти часовъ все въ городѣ засыпало, и тогда можно было войти и выйти изъ него совершенно безнаказанно. Царевъ сынъ повиновался вполне указаніямъ отшельника. Ждалъ до 11-ти часовъ, и тогда сейчасъ же вошелъ въ городъ. Прежде всего, онъ отправился въ царскій дворецъ (rezidénca) и осматрѣлъ колодезь (trúmba) съ цѣлебною водою. Затѣмъ, такъ какъ у него оставалось еще много времени, онъ пошелъ осматривать царскіе покои. Въ одной комнатѣ сидѣлъ неподвижно самъ царь (kráj). Въ другой комнатѣ онъ увидѣлъ царицу (krájica), будто бы шьющую, но немогущую шить. Наконецъ, ему захотѣлось видѣть царевну (princípésa). Онъ нашелъ ее въ слѣдующей комнатѣ лежащею на кровати (toù kóve). Воспользовавшись ея волшебнымъ сномъ и неподвижностью, онъ сдѣлалъ съ нею, что хотѣлъ. Насладившись, написалъ и оставилъ письмо, сообщивъ только, чей онъ сынъ, но не назвавъ себя по имени. Взявъ въ кухнѣ бутылку, онъ наполнилъ ее цѣлебною водою и торопливо удалился. Какъ только онъ успѣлъ выйти за городскія ворота, все проснулось и ожило. На возвратномъ пути онъ потребовалъ у вѣдьмы выдачи его братьевъ. Вѣдьма сначала притворилась, что ничего не знаетъ, но, наконецъ, дала ему палочку, съ помощью которой онъ вернулъ имъ жизнь. Послѣ чего они изрубили ее, какъ зелень.—Такимъ образомъ эти три брата шли вмѣстѣ и пришли въ одну гостинницу (трактиръ). Двое старшихъ говорили между собою: «Теперь у нашего брата есть вода, у брата, котораго нашъ отецъ терпѣть (видѣть) не можетъ, у насъ же нѣтъ ничего. Что намъ дѣлать? Напоймъ-те его и перемѣнимъ ему воду». Такъ и сдѣлали: напоили брата, подмѣнили ему воду, наливъ въ его бутылку другой, заплатили трактирщику и ушли; брата же оставили. Когда этотъ послѣдній про-

снулся, ничуть не подозрѣвая продѣлки своихъ братьевъ, отправился въ путь. Прибывъ домой, онъ нашелъ отца уже здоровымъ, такъ какъ онъ уже выпилъ принесенной старшими сыновьями цѣлебной воды. Когда отецъ увидѣлъ своего младшаго сына, крикнулъ на него: «чего ты хочешь? болванъ! развѣ ты не видишь, что твои братья принесли воду, и что я уже здоровъ? ступай вонъ, потому что я не могу смотрѣть на тебя». Бѣдняжка пошелъ жаловаться мельнику, который, однакожъ, никакъ не могъ пособить его горю. На слѣдующій день прислалъ царь мельнику приказъ, утопить его младшаго сына, чтобы онъ его больше не видѣлъ. Мельникъ огорчился, но тѣмъ не менѣе сказалъ: «я долженъ утопить тебя; а то я самъ буду наказанъ смертью». Тогда младшій царскій сынъ предложилъ ему сдѣлать куклу (bābac), одѣть ее въ его (сына) платье и утопить ее въ глубокой водѣ, такъ чтобы смотрящій изъ окна отецъ думалъ, что въ самомъ дѣлѣ утопили его сына. Между тѣмъ дѣвушка, съ которою онъ имѣлъ свое удовольствіе, была беременна (jè bīpa pōšajotj) и родила (na pōvila). Но она не знала, отъ кого этотъ ребенокъ (utručitj). Изъ письма узнала только, чей онъ сынъ, но не узнала его имени. Тогда она сказала своему отцу: «вы должны написать этому царю (королю), чтобы онъ послалъ сюда того сына, который былъ здѣсь въ тотъ и тотъ день и сдѣлалъ со мною то, что хотѣлъ, потому что я хочу его видѣть». Царь сію же минуту написалъ тому другому царю, чтобы онъ послалъ своего сына, ходившаго туда за водою; если нѣтъ, въ такомъ случаѣ онъ будетъ воевать съ нимъ. Тотъ отецъ послалъ старшаго сына. Онъ отправился. И когда онъ уже приближался къ тому городу (terg), гдѣ была вода, они ожидали его, чтобы почтить его, какъ слѣдуетъ. Но, когда они замѣтили, что онъ ѣдетъ верхомъ (gájtina) по краю дороги, они сейчасъ узнали, что это не тотъ настоящій, и онъ долженъ былъ вернуться домой.—Царь получилъ еще болѣе грозное письмо, что онъ долженъ послать настоящего сына. Тогда онъ послалъ втораго, но и съ этимъ случилось точно такъ же, какъ и съ первымъ. — Затѣмъ пришло еще болѣе грозное письмо, что если онъ не пошлетъ настоящего сына, въ такомъ случаѣ тотъ царь немедленно пойдетъ на него войною. Получивъ подобное письмо, царь испугался, думая, что навѣрно тотъ сынъ, котораго онъ велѣлъ утопить, былъ настоящій; и теперь онъ уже мертвъ. «Что мнѣ дѣлать? Тотъ царь сильнѣе меня; я лишусь своего царства, а сына нѣтъ какъ нѣтъ»! Затѣмъ онъ пошелъ жаловаться къ мельнику (mulīnar). Спрятанный сынъ, услышавъ, что

отецъ жалуется, вышелъ изъ своей лазейки и сказалъ: «смотри на меня, отецъ, я живъ; это я принесъ воду». Тогда отецъ велѣлъ приготовить ему лучшую карету, лучшихъ лошадей и лучшее княжеское платье (*want za principa*). Затѣмъ сынъ поѣхалъ верхомъ (*je žal na kônoe*), а его невѣста (*puvica*) ждала его у городскихъ воротъ съ гвардією, съ солдатами. И, когда они видѣли, что онъ ѣдетъ посреди дороги ¹⁾, «вотъ» сказала она, «вотъ это есть настоящій». Когда же онъ доѣхалъ, самъ царь принялъ его съ большими почестями (*žaz nin vilikin gūšton*). Затѣмъ онъ обнялъ свою невѣсту, и они поцѣловались. Потомъ они отправились въ городъ во дворецъ, и устроили свадьбу (*žinitke*). Обоихъ же старшихъ братьевъ убили. Такимъ образомъ это кончилось, а Доминикъ Лончино Тялябасъ (*Domine Longino Tjalabás*) изъ Бѣлы (Сан-Джорча) (*toù San Džórče*) рассказывалъ эту сказку.

2) У одной вдовы (*wodŏvŭca*) было трое сыновей. Они сказали ей: «матушка (*máti*), мы хотимъ уйти». Она сказала старшему: «идите, а ты, какъ старшій, наблюдай (*d'rži kónt*) за двумя твоими братьями». Итакъ они ушли. Пришли въ большій лѣсъ. Была ночь. Они влѣзли на ель (*smroeka*): старшій братъ понесъ младшаго брата на верхушку (*w'ršetj*) ели, средняго помѣстилъ на серединѣ, а самъ помѣстился внизу (*doù na kopàs*), на послѣднихъ вѣтвяхъ, чтобы, въ случаѣ, если который нибудь изъ младшихъ упадетъ, схватить его. Поздно ночью пришли три дѣвушки (*htjoere*) подъ ель. Это были три сестры (*sastré*), и вмѣстѣ съ тѣмъ три вѣдьмы (волшебницы) (*štrije*). Затѣмъ старшая сказала: «теперь у насъ всего довольно; недостаетъ только парня (мужчины) (*sŭn*)». Тогда старшій братъ слѣзъ внизъ и сказалъ старшей: «я здѣсь». Средняя сказала: «еслибъ у меня былъ тоже одинъ». Слѣзъ средній братъ говоря: «я здѣсь». «Хорошо», сказала младшая, «у васъ обѣихъ есть уже; еслибъ у меня былъ тоже одинъ». Слѣзъ тоже младшій и сказалъ: «я здѣсь». И такъ они остались подъ елью до разсвѣта. Рано утромъ сказала старшая: «Теперь мы должны

¹⁾ Эта примѣта (звѣда по краю дороги или же по ея серединѣ) въ нашей Рязанской сказкѣ совершенно непонятна. Но мы находимъ объясненіе ея въ подобныхъ же сказкахъ другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, въ Литовской сказкѣ «О царѣ и его трехъ сыновьяхъ», съ такимъ же болѣе или менѣе содержаніемъ, семилѣтній сынъ царевны, замѣтивъ, средняго брата, вѣдущаго по краю дороги, говоритъ своей матери: «это не мой отецъ; онъ падитъ дорогу, стало-быть, и тебя пошадилъ бы». Когда же приближался младшій братъ, настоящій отецъ ребенка, этотъ послѣдній обратился къ своей матери со словами: «Матушка, вотъ ѣдетъ мой отецъ: онъ дороги не падитъ, онъ и тебя не пошадилъ» (см. «Handbuch der Litauischen Sprache von August Schleicher. II. Losebuch und Glossar. Prag, 1857», стр. 143, 144).

идти каждый своею дорогою. Я подарю моему милому (sɣn) шкатулку (štjátula). Когда онъ откроетъ эту шкатулку, его никто не увидитъ; онъ можетъ дѣлать, что захочетъ». Средняя говоритъ: «Моему я подарю кошелекъ (táška, móbšnica); чѣмъ больше онъ будетъ вынимать денегъ, тѣмъ больше ихъ будетъ въ кошелѣкѣ». Младшая сказала: «Я подарю моему трубочку (trumbéta); когда онъ затрубитъ, появится столько конницы (kavaloeɣa) и пѣхоты (fantoerɣa), сколько онъ захочетъ. Чѣмъ дольше будетъ трубить (bó trombatáu), тѣмъ больше ихъ будутъ появляться, такъ-что онъ выиграетъ всякое сраженіе». Затѣмъ они разстались, какъ братья, такъ и сестры. Братья шли сначала сквозь этотъ лѣсъ, вышли изъ него и увидѣли большій городъ. Старшій сказалъ двумъ остальнымъ: «вы идите по этой дорогѣ, а я пойду въ городъ посмотрѣть, что тамъ новаго». Потомъ онъ сказалъ среднему брату: «дай мнѣ кошелекъ». Получивъ кошелекъ старшій братъ отправился въ городъ. Пришедши, спросилъ: «что имѣется новаго здѣсь у васъ?» Ему отвѣтили: «здѣсь нѣтъ ничего новаго, какъ только то, что дочь нашего царя со всякимъ, кто ни прійдетъ, охотно играетъ, и, хотя привозятъ деньги (béce) на возахъ, она всё выигрываетъ». Онъ сказалъ: «если это возможно, я хотѣлъ бы пойти играть съ нею». Ему сказали: «ступай и спроси ея слугу, пуститъ ли онъ и тебя во дворецъ». Онъ пошелъ и спросилъ. Слуга отвѣтилъ: «да» (djô). Онъ вошелъ въ ея (царевны) комнату и заявилъ, что хотѣлъ бы играть съ нею. Она немедленно согласилась, и они начали играть (jihràt). Кошелекъ онъ положилъ на столъ (táwula). Чѣмъ дольше игралъ, тѣмъ больше у него было денегъ, хотя она постоянно (rúdi) выигрывала (wodañáwala). «Какъ это (говорить) возможно? другіе привозили деньги на возахъ, и все-таки имъ въ концѣ не доставало; у тебя же одинъ только кошелекъ, и онъ никогда не исчерпывается. Объясни мнѣ, что у тебя въ этомъ кошелѣкѣ, а я выйду за тебя, и ты будешь моимъ мужемъ». Онъ показалъ ей кошелекъ и объяснилъ ей, въ чемъ дѣло. Она взяла у него кошелекъ и крикнула лакею (fapoéj), что онъ хочетъ убить ее. Лакеи пришли, схватили его и вытолкали вонъ за двери. Послѣ онъ пошелъ искать своихъ братьевъ и нашелъ обоихъ. Онъ сказалъ младшему: «ты долженъ дать мнѣ эту трубочку, потому что я хочу силою получить обратно кошелекъ». Взявъ трубочку, онъ началъ трубить. Выходили всё солдаты, конница и пѣхота. Царь, увидѣвъ изъ окна, что идетъ столько солдатъ, вывѣсилъ бѣлый платокъ. «Пардонъ! это бы ты ни былъ, перестань, ибо я хочу

дать тебѣ свою дочь, и ты будешь царемъ». Старшій братъ отправился во дворецъ, и царева дочь пришла къ нему, говоря: «покажи мнѣ эту трубочку». Онъ показалъ ей и объяснилъ, что когда онъ трубить, выходятъ солдаты изъ этой трубы. Кромѣ того, онъ показалъ ей шваутлку. Она отняла у него все вмѣстѣ. — Онъ ушелъ и пришелъ къ одному лѣсу, голодный (láčen) и утомленный (trúden). Ложился спать (отдохнуть) подъ деревомъ. Проснувшись, онъ посмотрѣлъ на дерево: оно было усыпано фигами (винными ягодами) (fŷha), бѣлыми и черными. Онъ сказалъ: «я пойду поѣсть, пусть будетъ, что будетъ, такъ какъ я голоденъ». Началъ ѣсть бѣлыя фиги. Вдругъ почувствовалъ что-то сзади. Посмотрѣлъ. У него выросъ хвостъ отъ бѣлыхъ фигъ. Онъ сказалъ: «пусть растутъ столько, сколько хочетъ, я буду ѣсть тоже черныя». Когда началъ ѣсть черныя, хвостъ у него отпалъ. Тогда онъ сказалъ: «я долженъ нарвать ихъ немножко и понести въ городъ, бѣлыя я буду продавать дорого, такъ-что ихъ никто не купитъ кромѣ царевой дочери». Пришедши въ городъ, онъ закричалъ, что у него есть фиги для продажи. Царева дочь быстро прибѣжала и спросила, сколько онъ стоитъ. Купивши фигъ, вернулась домой и начала ихъ ѣсть. Вдругъ у ней выросъ хвостъ. Царь, видя это, созвалъ изъ своего государства всѣхъ врачей; но ни одинъ изъ нихъ не рѣшался отрѣзать ей хвостъ. Между тѣмъ, продавшій фиги нарядился врачомъ, и закричалъ передъ дворцомъ, что онъ и есть настоящій врачъ, что онъ въ состояніи вылѣчить (oštjaràt) отъ всякой болѣзни (bul, buu). Его и позвали въ комнату царевны и общали, въ случаѣ, если онъ ее вылѣчитъ, выдать ее за него замужъ, такъ-что онъ будетъ царемъ. Онъ согласился, но подъ условіемъ, что они, прежде всего, обвѣнчаются. Отецъ и дочь согласились, и ихъ оглашали въ церкви (stá se upŷla). Когда пришло время вѣнчаться, она требовала, чтобы онъ ее, прежде всего, вылѣчилъ, потому что она стыдится людей идти съ хвостомъ въ церковь (církuu). Онъ сказалъ: «надѣнь хвостъ и пусть два лакея (dwa selvitõrja) держатъ его; когда же мы обвѣнчаемся передъ олтаремъ, хвостъ отпадетъ у тебя». Когда они были уже передъ олтаремъ и должны были вѣнчаться, она опять сказала: «вылѣчи меня, или же я не выйду за тебя». Онъ сказалъ: «молчи, молчи, ибо я вылѣчу тебя сейчасъ». Въ ту минуту, когда они должны были обвѣнчаться, онъ далъ ей съѣсть черную фигу. Хвостъ отпалъ. Они обвѣнчались, и онъ сдѣлался царемъ. Пьетръ Голянда (разсказчикъ) же былъ у нихъ лакеемъ (zá selvitõrja).

3) Однажды были двѣ дѣвушки, и совершали всевозможныя скандальныя дѣла (*škandalōūs gečī*). Одна изъ нихъ умерла, и пришла сказать своей подругѣ: «я мучусь (*á se plántan*) у Мужацкаго моста (*tó p'g Múžaskomo mostò*), и вода безпрестанно течетъ черезъ меня. Я прошу тебя, обратись (исправься) (*obrátī se*), и не дѣлай болѣе такъ, какъ до сихъ поръ: это будетъ гораздо лучше для тебя. Прощай (*z búham*)». Черезъ четыре дня умерла тоже и другая. Она превратилась въ большую змѣю. Это продолжалось 200 лѣтъ (*dwā čantanárja līt*). Въ Бѣлѣ въ одномъ дошѣ была старая женщина. Въ день Успенской Богородицы (*te dín na šmárno mīšo*) эта старая женщина гнала свою дочку пасти корову. Дочка не хотѣла ради праздника. Тогда баба взяла палку и хотѣла ее колотить. Дочь ушла въ хлѣвъ и начала плакать; затѣмъ она погнала пасти эту корову на лужокъ. Вдругъ на одной скалѣ она увидѣла большую змѣю, величиною въ сосну. Дѣвушка побѣжала домой и рассказала. Пришелъ священникъ (*oègò*) и двадцать четыре челоуѣка съ ружьями. Змѣя сказала: «зачѣмъ вы пришли?». Они спросили: «кто ты?». «Я была дѣвушкою и много нагрѣшила на моемъ вѣку; я мучусь уже 260 лѣтъ (*dwā čantanárja áno trikradwújste līt*), моя же подруга мучится уже 300 лѣтъ у Мужацкаго моста; черезъ три года мы будемъ обѣ освобождены (пойдемъ въ рай). Пусть никто не дѣлаетъ такихъ шалостей, какъ мы двѣ ихъ дѣлали».

Есть тоже отрывочныя сказанія о колдунахъ и колдуньяхъ (*вѣдьмахъ*), въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ.

На склонѣ горы (*klápac*), называемомъ Муцово (*tá na Múcovin*, *wò na Múcowo*) танцуютъ (*pléšeu*) колдуньи (*štríjè*), и въ это время дѣлаютъ градъ (*pagéau tóčo*), а бѣдный Голянда (разсказчикъ, церковникъ въ Осоянахъ) долженъ отзвонивать бурю (*zwonèt hú do ūgo*), чтобы градъ не истребилъ посѣвовъ.—Съ Муцова дорога идетъ на Котяца (*wòna Kótjasa*), и затѣмъ на Бриковый (то-есть, таможенныхъ стражниковъ или вообще канцелярскихъ служителей) Путь (*tá na Brýkowo pòt*). Внѣ этихъ предѣловъ не могутъ уже появляться колдуньи и колдуны (*štríjónuvi*), потому что слѣдуетъ скала, съ которой они могли бы упасть.

На одной колдунѣ былъ кожухъ (*тулупъ, шуба, kožòf, kužuf*) лѣтомъ, и въ такомъ видѣ нашла ее въ Гозду (т. е. въ «лѣсу») (*tá wupoè u Hòzdoè*) Минка (т. е. Марія) Тюнкина (*Mínka Tjúnkina*). Онѣ пришли вмѣстѣ въ хлѣвъ. Колдунья спросила Минку, сварилъ-ли она сыворотку (*zwága*). Минка Тюнкина отвѣтила, что нѣтъ.

Тогда колдунья, та съ кожухомъ, сказала, что у нея въ лохани (въ ковшѣ, *tùu súju*) сыворотка.

Впрочемъ, подобные рассказы о колдунахъ и колдуньяхъ можно слышать въ Резьѣ весьма рѣдко.

У меня записаны два обширныхъ разсказа о какихъ-то двухъ святыхъ, Иванѣ (*Djovanin*) и Далезѣ (*Sán Dalézjo*), бросившихъ все свое богатство и родной домъ, отправившихся въ отдаленный монастырь и даже ко гробу Господню (*sepúlkri di Djézu Krísto*) въ Иерусалимъ (*Djorožolèm*), возвратившихся затѣмъ въ качествѣ нищихъ на родину, наконецъ, умершихъ въ хлѣбѣ или же подъ лѣстницей родительскаго дома и узанныхъ только послѣ смерти. Но всѣ подобные рассказы заимствованы изъ ходячихъ печатныхъ жизнеописаній святыхъ; и такъ какъ они не представляютъ ничего оригинальнаго, то достаточно будетъ о нихъ и этой общей краткой замѣтки.

Историческія преданія Резьянъ я сообщу въ концѣ статьи.

Загадки не въ большомъ ходу у Резьянъ. Изъ нихъ я приведу слѣдующія:

1) Одна баба (*na bába*) тащитъ (*poejoè*) внутренности (кишки) (*múlice*) за собою.—Игла.

2) Волковъ хвостъ (*wúkou rép*) связанный.—Цѣпь (*kétina*).

3) Четыре пистолета (*štíri pistóle*) стрѣляютъ (*stríjajo*) въ одну поперечную доску (*pažadána*).—Коровьи сосцы (*kràuje puše*).

4) Одинъ человѣкъ (*da múž*) тащитъ (*poesoè*) домъ (*hýša*) за собою.—Улитка (*rúhač*).

5) Одинъ человѣкъ (мужчина) несетъ огонь (*ohòñ*) на головѣ (*tá na hláve*).—Пѣтухъ (*pitilín, petelèn*).

6) Двое большихъ мужчинъ (*dwa múža vylýka*) и двѣ дѣвушки (*dví htjirice*) идутъ скоро (*hréjo najvijáne*), и мужчины не въ состояніи (*ní so koràc*) поймать (*jét*) дѣвушекъ.—Колеса (возъ) (*kúle*).

7) Плащъ, подбитый пуговицами (*dàn tobár batúnou*)? Звѣзды на сводѣ небесномъ (*zvýzde tòu poèboe*).

8) Лоханъ (*sój*) безъ дна (*žánča nínaħa dná*). Перстень (*pàr-sten*).

9) У одной женщины (*žanà*) свѣча (*lúč*) въ животѣ (*tùu tribúse*). Фонарь (*lümýn*).

10) Идетъ, летитъ, безъ задницы (*to nýma ríte*) сидитъ.—Снѣгъ (*snh*).

11) Двѣ насѣстки курицы (*dví míte kukuší*), и только одинъ пѣтухъ? Зубы (*zóbe*) и языкъ (*jazík, jazèk*).

12) Двѣ дѣвушки, съ каждой стороны (*tá na wsákin kráju*) холма (*kòlka*) одна: чѣмъ больше онѣ хотятъ видѣть другъ друга, тѣмъ больше онѣ не могутъ этого сдѣлать.—Глаза (*òči*).

13) Вотъ въ овчарнѣ (*ta nùtru ní štáli, ta nùtri u ninhlíve*) полно овецъ (*rúnčako urcí*), и только одна изъ нихъ блеетъ.—Въ церкви (*tòr soerkvoè*), когда священникъ (*oèrò*) служитъ обѣдню (*gòeòe míšo*), или же говорить проповѣдь (*préditja*).

14) Горшокъ масла (*dàn lonàc,—lončètj máste*) падаетъ внизъ и все-таки никогда не можетъ разбиться (*se scípet*).—Лещинный орѣхъ.

Поговорка, относящаяся къ обычаямъ:

Šmárna míša, santa ròk (san Rocco),

wsáka bába kúha nòk (gnocchi).

(Къ празднику Успенія и святаго Роха каждая баба готовить «выѣки» (родъ галушекъ, клѣцекъ).

Кромѣ того, можно слышать, въ особенности отъ дѣтей, римо-ваннныя изреченія о разныхъ мѣстностяхъ, въ родѣ, на-примѣръ, слѣдующихъ: *Swa šlà dō na Bilo po no' zibilo, kùpit no kubilo. Swa šlà táu Múžac, só mi dáli dàn nabúžac.....* и т. д. (Мы пошли вдвоемъ въ Бѣлу за люлькою (колыбелью) (и за тѣмъ, чтобы, купить кобылу. Мы пошли въ Мужацъ, намъ дали буравъ).

Пѣсни (*wíža, wíjža, wújža, úža*, множ. *wíže, úže*) Резьянъ по большей части бессодержательны и, точно такъ же какъ и ихъ сказки, не представляютъ ничего особеннаго.

Между прочимъ, они поютъ про свои горы, и про разные мѣстности Резьянской долины. Сюда принадлежатъ пѣсни про гору Килу:

göra Kilina mojà!

ná ma trísti počuwál

da, kój se príde nútñ dnö,

ná ma trísti anu dnöl

(гора Килина моя! на ней тридцать мѣстъ для отдохновенія, такъ что, когда прійди на одно, у нея оказывается тридцать одно) (пѣсня довольно бессмысленная) и т. п.

Пѣсня про гору Канинъ или Гянинъ:

da, hōra ma Tjanýnawal

ž daloččínaha jo výduwa;

nu, kój mi sè parblýžywa,

to mi parjá jo šes taknòt

(да, гора моя Канинова! издали ее видимъ; и, когда мы приближимся, мнѣ кажется, что я до нея точно дотрогиваюсь).

Пѣсня про деревню Осоине:

na líra mà Osôjska wás,
ka tò joe tákoj nà cità,
dá na kuncè da lípi hrád,
koj roétjy zóbe kázejo.....и т. д.

(она хороша, моя Осойская деревня, похожая на городъ; въ концѣ ея красивый замокъ, гдѣ скалы зубы показываютъ.....)

Въ нѣкоторыхъ Резьянскихъ пѣсняхъ сказывается характеръ Резьянъ, какъ еуццевъ и торговцевъ. Всё тамъ говорится о платкахъ и о разныхъ другихъ товарахъ, о подаркахъ дѣвушкамъ и т. п., подробно перечисляются товары разныхъ сортовъ, разнаго качества и разнаго достоинства. Вотъ отрывокъ одной пѣсни въ этомъ родѣ:

.....ánu te lípe kótule,
ti lípi facölòè tuvi,
nu tí inglěški pétuvi,
té moronájске (?) kó'ule,
di groèè saúne zá se umèt.
na lípo britwo zá se ubrèt
Da tíj na tjoè sè umužèt.....

(.....и красивы юбки, и красивые платки, и англійскія корсеты, «моронайскія» (?) юбки, нзъ жира мыла для мытья, хорошую бритву для бритья. Хочетъ ли она выйти за мужъ.....)

Но, не смотря на всѣ прочіе второстепенные элементы, въ Резьянскихъ пѣсняхъ все-таки преобладаетъ любовный оттѣнокъ. Юноша поетъ про свою дѣвушку (htjí, htjý, собственно «дочь»: подобное примѣненіе этого слова произошло подъ вліяніемъ Итальянскаго и вообще Романскаго filia дочь и дѣвушка), про свою дорогую, милую, зазнобушку (líra mojà rókica, собственно «хорошенькая моя ручка», или же líra ma rókica=«хорошенькая моя роза», «хорошенькій мой цвѣтокъ») и т. п., дѣвушка же обращается къ своему парню (sin, syn, собственно сынъ=filius. Итал. figlio), къ своему милому, къ своему душевѣ, къ своему другу (lípi mój junák, собственно «хорошенькій мой молодецъ») и т. п.

Конечно, есть въ Резѣ пѣсни шутивыя, насмѣшливыя, задѣвающія или отдѣльныхъ лицъ (по преимуществу вымышленныхъ), или же цѣлую категорію людей. Такъ, напримѣръ, неразвитость грудей Резьянскихъ женщинъ осмѣивается въ слѣдующей пѣснѣ:

lípa moe htjoéry nívaške!
tô škôda taħa jímana,
ke ni so čépča výmana

(хороши мои дѣвушки Нивскія (то-есть, изъ деревни Нивы)! жалко для нихъ этого имени, такъ какъ онѣ безъ вымени).

Иронически описывается красота дѣвушекъ:

da htjoéry mi te nívaške!
da né so lípe ž dolata;
kóji sa prýdœe blízu h noěj,
na ma dan zmútjani kôlôr.

(да дѣвушки мои Нивскія! да, онѣ хороши издали: если же прійти близко къ ней, она имѣетъ мутный цвѣтъ (то-есть, цвѣтъ лица).

Хотя я прожилъ въ Резьѣ почти цѣлый мѣсяцъ, но тѣмъ не менѣе мнѣ ни разу не случилось здѣсь слышать похабныхъ пѣсень, и я почти готовъ утверждать, что ихъ здѣсь вовсе не существуетъ.

Религіозно-народныхъ пѣсень, можно сказать, теперь тоже нѣтъ. Мнѣ сообщали, правда, начало одной пѣсни въ этомъ родѣ:

te dín na só dni dín,
ké hōrý svít anò wsl júdi.....

(въ день страшнаго суда, когда горитъ свѣтъ и всѣ люди), но больше мнѣ ничего не могли сказать и только утверждали, что пѣсня эта известна нѣкоторымъ старикамъ, въ особенности же старухамъ.

Что касается пѣсенныхъ напѣвовъ, то ихъ въ Резьѣ только два: 1) одинъ веселый, похожій на тѣ простыя мотивы, которые наигрываются Карпатскими горцами на волынкахъ, или же Савоярдами на ихъ оригинальныхъ инструментахъ; 2) грустный, меланхолическій, который я знаю только по сообщеніямъ нѣкоторыхъ Резьянъ, такъ какъ мнѣ самому не удалось его слышать. Подъ веселый напѣвъ Резьяне танцуютъ, и такимъ образомъ, танецъ ихъ, какъ совокупность напѣва и пляски, является, по моему, родственнымъ Хорватскому кóлу (kolo), Чешской бесѣды (beseda), Венгерскаго чардаша (csárdas), Польскаго краковяка (krakowiak), Галицкой коломыи или коломыйки, Малорусскаго козачка, Русскаго трепака, бычка и т. д.

Въ заключеніе этого отдѣла о народной словесности Резьянъ вообще, и о пѣсняхъ въ особенности, считаю нелишнимъ указать на замѣчательную способность нѣкоторыхъ Резьянъ—разсказывать и вообще говорить въ стихахъ. Постройка такихъ стиховъ осно-

вана не на созвучіи конечныхъ слоговъ или риѣмъ, но на опредѣленномъ и всегда одинаковомъ количествѣ слоговъ. Это тотъ же размѣръ, который служить основаніемъ постройки всѣхъ Резьянскихъ пѣсень, по-крайней-мѣрѣ, всѣхъ слышанныхъ мною, то-есть, всѣхъ съ веселымъ напѣвомъ. Примѣняя, конечно, только условно, къ подобнаго рода стихамъ—техническіе термины Латинско-Греческой метрики, Резьянскій стихъ, какъ стихъ пѣсни, такъ и простаго разсказа, можно считать составленнымъ изъ 4-хъ ямбовъ:

u / u / u / u /

Конечно, въ стихообразныхъ разсказахъ подобнаго рода попадаетъ иногда и риѣма, но весьма рѣдко и непредназначенно, такъ что, главнымъ образомъ, они состоятъ изъ такъ-называемыхъ бѣлыхъ стиховъ строгаго 8-ми слоговаго размѣра.

Вотъ примѣръ подобнаго разсказа въ стихахъ:

Jinàn wodó tjowà pritèt,
da, ràuno tá par Támoro,
da, wòdo tú ta ná Uèjí,
ka já si fájfal dàn cigar,—
káku un loèrö mí fajfál!
ka mi ji dála lípa htjú,
ta htjú ot sakrutáriha..... и т. д.

(Теперь пройдемъ воду (рѣчку, потокъ), возлѣ самаго Тамора, да, воду эту въ Учѣѣ, тамъ гдѣ я курилъ сигару, какъ хорошо она курится!—вторую дала мнѣ хорошенькая дѣвушка, дочь секретаря.....)

Точно такимъ же образомъ построено слѣдующее обращеніе къ скрипачу:

da citirávac múj te líp!
loepö zacitirájte m!,
ki tjón döbrö wa zaplatit:
ku náše öpre zdílažo,
wsáka dvi čarne jáňate,
ja tjó wan dát no jáňace.

(Скрипачъ мой хорошенькій! хорошо мнѣ сыграйте, а я хорошо вамъ заплачу: когда наши овцы обьегнутся, каждая двумя черными ягненокми, я вамъ дамъ одного ягненка).

Если ускорить произношеніе подобнаго рода стиховъ и при этомъ обыкновенную, немзыкальную рѣчь замѣнить самымъ простымъ речитативомъ или напѣвомъ, то самъ собою получается переходъ къ общегосподствующему веселому напѣву Резьянскихъ пѣсень и Резьянской пляски. Поэтому можно бы приблизительно

сказать, что Резьяне танцуютъ, поютъ и говорятъ стихи подѣ осьмислоговый ямбическій размѣръ:

^ / ^ / ^ / ^ /

Трудно рѣшить, каковаго происхожденія названіе Резья (Resia) (рѣва и долина), и затѣмъ производныя отъ него Резьяне, Резьянскій и т. д. Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти слова не могутъ быть объяснены съ помощью Славянскихъ языковъ, и этимъ отрицательнымъ замѣчаніемъ мы должны пока довольствоваться.

Въ названіяхъ мѣстностей сѣвернаго и сѣверо-восточнаго побережья Адриатическаго моря можно отличать три главныхъ наслѣдствъ: 1) названія, упроченныя еще въ древнія времена Римскаго господства до прибытія въ эти края Славянъ: сюда принадлежатъ по преимуществу названія самыхъ значительныхъ горъ, рѣкъ, городовъ и т. д.; 2) народныя Славянскія названія, отчасти вытѣснившія прежнія названія древняго (Кельтскаго, Романскаго и т. п.) происхожденія, отчасти употребляющіяся одновременно съ ними, отчасти же, наконецъ, присвоенныя или мѣстностямъ, прежде неимѣвшимъ названія, или же вновь построеннымъ селеціямъ, деревнямъ и городамъ; 3) названія, обязанныя своимъ происхожденіемъ Нѣмецко-Австрійскому господству. Названіе Резья принадлежитъ, какъ мнѣ кажется, къ 1-ой категоріи, то-есть оно является только позднѣйшимъ фонетическимъ видоизмѣненіемъ какого-нибудь древняго названія, присвоеннаго Резьянской долиной Карнами, Кельтами или др. т. п. древними жителями тѣхъ краевъ. Само собою навязывается сравненіе съ древними названіями Rhaetia (Raetia, Rhetia), Rhaeti, Rhaeticum и т. п.

Какъ бы то ни было, кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что не Резьяне дали названіе странѣ, ими обитаемой, но, наоборотъ, имя Резьянскаго народа заимствовано отъ мѣстности, или, другими словами, оно является не этнографическимъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, но чисто географическимъ.

Южные сосѣди Резьянъ, то-есть, Сербо-Хорваты Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ, называютъ ихъ не Резьянами, но Бѣлянами (Biéjaŋe), отъ Славянскаго имени потока Резья, Бѣлая (Biéla Резьян. Bíla). Св. Петровцы же заимствовали названіе Резьянъ отъ Фурланъ и говорятъ Rezjáni и т. п.

На Резьянскомъ языкѣ выраженіе (фраза) «говорить по-Резьянски» замѣняется выраженіемъ «говорить по нашему» (gumunìt po nàs и

т. п.). Но вмѣстѣ съ тѣмъ употребляются тоже выраженія («gumunit po nās и т. п.). Но вмѣстѣ съ тѣмъ употребляются тоже выраженія gumunit po Rozoánskin» или т. п.

Какъ у самихъ Резьянъ, такъ и у ихъ сосѣдей, очень распространено мнѣніе, что родоначальники теперешнихъ Резьянъ были изъ Россіи (táz Rúšje), и что, стало-быть, Резьяне суть Русскіе, а Резьянскій языкъ есть Русскій языкъ. Съ этимъ убѣжденіемъ о Русскомъ происхожденіи связано въ Резьянахъ сочувствіе къ Россіи и къ Русскимъ. Когда на вопросъ одной женщины: откуда я пріѣхалъ? я отвѣтилъ, что изъ Россіи, у нея, считавшей меня, конечно, чистокровнымъ Русскимъ, вырвалось мимовольное восклицаніе, въ которомъ сказывалось тоже пріятное изумленіе: «а, рѣрѣо нāше кгі!» (а, именно нашей крови!). Иногда же разговаривавшими со мною высказывалось предположеніе, что они потому только меня понимаютъ, что я изъ Россіи, или, что я, стараясь говорить по-Резьянски, говорю собственно по-Русски. Конечно, высказывавшіе подобное предположеніе, уже не думали, что я сынъ Франциска Колетти Кундіи, свитавшійся гдѣ-то съ 1866 года.

Сказаніе о Русскомъ происхожденіи Резьянъ и о началѣ теперешней Резьи передается въ различныхъ вариантахъ. Я сообщаю здѣсь тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ удалось слышать или въ самой Резьѣ, или же внѣ ея.

1) «Какъ мы слышали отъ нашихъ отцевъ, первые люди, бывшіе сюда, были бѣглые солдаты (дезертиры) (dižoertōrje), которые укрылись въ нашихъ краяхъ, когда здѣсь были только пущи (dižértove) и лѣсы (hōzdōvove). Первый пришелъ на Бѣлу, другіи сюда на Столбицу, и затѣмъ произошли четыре деревни, Санъ-Джочтъ или Вѣла, Столбица, Осояне, Нива».

2) «Въ войнахъ, бывшихъ въ древнія времена (prít týmryh) были два бѣглыхъ солдата (dwa dižoertōrja), въ Резьѣ же были одни только лѣсы (wsōe hozdūwje). И оба эти солдата бѣжали сюда. Это были Русскіе. И они начали строить дома и женились. И отъ нихъ произошли мы, Резьяне (Rōzojānove). Первый же домъ, какъ говорятъ люди, былъ выстроенъ подъ Робидою (tá pōd Rūbýdo). Потомками этихъ двухъ населились четыре деревни. И теперь нашъ край зовутъ Резьею» (nā se pýšoe Rēzja).

3) «Здѣсь сказываютъ, что мы населились (остались) (mý sōmō ostále) въ Фурланскомъ краѣ (túp tin láškin pajízu), и что нашъ народъ есть Русскій (nāša nacjún oe rušjānska). Этимъ наши ста-

рики (náši ti stáři) хотять сказать, что около осьмисотъ лѣтъ назадъ (to bó ōsan čantanárju lít) была война (wéga) между Франціей и Россіей (tra Fránča ánu Rúšja). И Россія должна была отступить, такъ какъ она проиграла. И эти Русскіе (jse Rušjánove) остались здѣсь въ этомъ краѣ. Въ то время здѣсь было всё дико (wsé duvjí), всё лѣсы. Отъ этихъ же людей, отъ этихъ Русскихъ осталось какихъ нибудь десять или двѣнадцать человѣкъ (so ostále doěsa dwánejest murzou и т. п.). И они размножили этотъ народъ (ni só multiplikáli jsí ròpol). У нихъ были Фурланскія жены (ní so moěly te láske žené). Такъ рассказываютъ, но мы не можемъ знать, правда (rísan) ли это, или же нѣтъ. Мы слышали тоже, что здѣсь было озеро, которое, прорвавшись (se e bílo prédirlo), уничтожило значительную часть населенія. И въ самомъ дѣлѣ: встрѣчаются (se trofiwao) слѣды старыхъ зданій (te stáre fábrike, híše), построенныхъ въ древнія времена (pří po týmpyh), болѣе или менѣе шестьсотъ лѣтъ назадъ (ne šéjs čantanárju lít). Прежде у насъ былъ приходъ въ Бѣлой (ta dŏloe u Bíle). Послѣ же, когда населеніе увеличилось (j krěšinou ròpul), наши предки (náše ti stáre) устроили приходъ на Раванцѣ. И теперь у насъ полагается одна волость (dén komún) и четыре общины» (štíři fracjúne).

4) «Однажды были большія войны (na voelýke wére). Въ нихъ принимали участіе Русскіе (Rošjáni), часть которыхъ бѣжала. Затѣмъ они пришли въ Резью, гдѣ были одни только лѣсы. Пришедшихъ же было семь человѣкъ. И они отправились въ одинъ лѣсъ (hōzd), начали копать (kopát) и сѣяли картофель (ní so sjáli krampír). И они начали строить домъ. Затѣмъ двое изъ нихъ женились. Затѣмъ, мало-по-малу (počásu po počásu) населеніе возросло до ста человѣкъ (stú judí). Тогда они отправились на открытыя мѣста (nútu u ráune) и начали строить дѣды. Прежде всѣхъ начали строить деревню Столицу, и именно ту часть ея, которую зовутъ Весью» («деревней») (tòu Wasè) и т. д.

5) Этотъ вариантъ я слышалъ внѣ Резьи, отъ одного портнаго въ селѣ Толиминѣ или Тминѣ (Tolmin, Tolmein, Tolmino) Горицкой земли. Вотъ его суть: «Когда-то давнымъ-давно нѣсколько Русскихъ генераловъ составили заговоръ противъ государя, съ цѣлью убить его и завладѣть властью. Одинъ изъ этихъ генераловъ, чувствуя угрызения совѣсти, сообщилъ куда слѣдуетъ объ этомъ заговорѣ. Тогда, чтобы поймать остальныхъ, отправили царскую карету на мѣсто, гдѣ ея поджидали заговорщики, но, вмѣсто самого государя, посадили изображавшую его куклу. Заговорщики

выстрѣлили по ней, но сейчасъ же спохватились и, замѣтивъ свою неудачу, спаслись бѣгствомъ. Долго они бѣжали и, наконецъ, добрались до Резы, покрытой въ оное время непроходимыми лѣсами. Здѣсь и поселились бѣжавшіе Русскіе генералы, и отъ нихъ-то и происходитъ весь Резьянскій народъ.

Это наивное преданіе или же сказаніе (легенда) очень напоминаетъ шутовское, анекдотическое сказаніе о томъ, что прародитель (праотець) рода человѣческаго, Адамъ, былъ бѣглый солдатъ Китайской имперіи. Для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что, не смотря на свой, повидимому, чисто народный характеръ, преданіе о Русскомъ происхожденіи Резьянъ выдуманно какимъ нибудь мѣстнымъ ученымъ, и, кромѣ того, относительно въ весьма недавнее время. Всего вѣроятнѣе, эта мысль могла зародиться въ головѣ того или другого ученаго въ концѣ прошлаго столѣтія, и именно въ то время, когда Русскія войска, подъ предводительствомъ Суворова, навѣщали Италію. Конечно, Резьянамъ не трудно было понимать Русскихъ солдатъ, хотя, съ другой стороны, едвали, эти послѣдніе могли понимать Резьянъ. Внѣшнее же сходство названій Russia (Россія) и Resia (Резья) было убѣдительнымъ аргументомъ для любого изъ ярыхъ историковъ-этимологовъ ¹⁾.

¹⁾ Предположеніе о столь недавнемъ происхожденіи упомянутаго сказанія (о ближайшемъ родствѣ Резьянъ съ Русскими) подтверждается еще и тѣмъ что, напримѣръ, графу Потоцкому, посѣщавшему Резью, кажется, въ началѣ девятнадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, оно было совершенно неизвѣстно. Вотъ что говорится о Резьянскихъ преданіяхъ въ запискѣ Потоцкаго:

«Я не буду продолжать этого извлеченія (изъ Резьянскаго рукописнаго катихизиса) и перехожу къ преданіямъ Резьянъ. Я уже сказалъ, что, по ихъ мнѣнію, они другаго происхожденія, нежели Хорутанскіе Славяне (Slaves de Carinthie). Одинъ изъ нихъ разсказывалъ мнѣ, что покойный Петръ Дзимолю (Zimolo), докторъ правъ и адвокатъ въ Джемонѣ, заѣзжалъ одинъ разъ въ ихъ долину и сказалъ, что весь ихъ народецъ происходитъ отъ одного человека изъ свиты Атиллы. Онъ поселился въ этой долинѣ и его мѣстопробываніе называлось Господицей (Hospodizza). Но докторъ Дзимолю не сказалъ, откуда онъ почерпнулъ исторію этого человека изъ свиты Атиллы, и свою тайну унесъ съ собою въ могилу. Во времена Атиллы склоны Карпатъ и берега Тисы (Teiss) были уже населены Славянами, которые на Пеутингеріанской картѣ (tabula Peutingeriana) носятъ названіе Венадовъ-Сарматовъ (Venadi Sarmatae). Эти Славяне повиновались Атиллѣ, и какой нибудь Славянинъ могъ весьма легко находиться въ его свитѣ, когда онъ осаждалъ Аквилею. Но Резьяне говорятъ несомнѣнно на одномъ изъ поднарчій Хорутанскаго діалекта (dialecte Carinthien). («Die Slaven im Thale Rhesia») въ Barth. Kopitars, Kleinere Schriften etc., herausg. v. Fr. Miklosich, I, Viena, 1857, стр. 327).

«Pietro Zimolo, docteur en droit à Gemona et avocat, disoit avoir des preuves historiques ou documents, qui prouvoient que les (Résianiens) venient d'une seule famille, arrivée vert avec Attila. Il demanda où étoit un lieu appelé Hospodizza; on lui montra une mesure, qui portoit effectivement ce nom» (Тамъ же, стр. 328).

Интересно, что многіе Резьянскіе руссофилы, отождествлявшіе Резьянъ съ Русскими, смѣшивали однакожь Россію съ Пруссіей (Prūsja) и, стало быть, Русскихъ съ Пруссаками. Между прочимъ, считая меня своимъ Русскимъ родственникомъ, въ одно и тоже время видѣли во мнѣ Пруссака. Русскій языкъ они называли попеременно то Прусскимъ (pruśjanski langàč), то Русскимъ (rúsouski). Впрочемъ, мы не должны особенно удивляться подобному географическому смѣшенію со стороны людей, не получившихъ почти никакого систематическаго образованія, если примемъ въ соображеніе, что, напримѣръ, настоятель Резьянской церкви (приходскій священникъ), не былъ въ состояніи отличать «христіанъ» отъ «католиковъ», такъ-что, по его мнѣнію, только католики есть христіане, а другихъ христіанъ вовсе не полагается.

Упомянутое мною преданіе о ближайшемъ родствѣ Резьянскаго языка съ Русскимъ, или Резьянскихъ говоровъ съ говорами Русскими, вполне противорѣчитъ истинному положенію вещей. Еслибъ Резьянскіе говоры принадлежали къ Русской семьѣ говоровъ Славянскихъ, въ такомъ случаѣ имъ должно бы быть свойственно, между прочимъ, исключительно русское полногласіе то-есть, словъ въ родѣ borodà, golowà или kolowà, koròj, moròz, wògòna, koròwa, gòlos или hòlos, kòlos, wòlos, berèza, se-redà, bèreg и т. п., а не bràda (борода), glàwa или hlàwa (голова), kraj (король), mraz (морозъ), wràna (ворона), kràwa (корова), glas или hlas (голосъ), klas (колосъ), wlas (волосъ), broèza (береза), srída (середа), brih и т. п. Затѣмъ первичныя Славянскія или основно-Славянскія сочетанія согласныхъ *tj* и *dj*, въ случаѣ Русскаго происхожденія Резьянъ, должны бы измѣниться въ Резьянскихъ говорахъ въ *č* и *ž* (или *dž*), какъ это имѣетъ мѣсто въ Русскихъ говорахъ, а не, какъ на самомъ дѣлѣ въ Резьянскихъ,

Стало быть, ни слова о Русскомъ происхожденіи Резьянъ, а скорѣе намеки на ихъ происхожденіе отъ Гунновъ или же отъ чего нибудь подобнаго.

И Шафарикъ былъ того мнѣнія, что легенда о Русскомъ происхожденіи Резьянъ была пущена въ ходъ только послѣ того, какъ Русскія войска посѣщали Италію. Вотъ слова Шафарика: «О происхожденіи Резьяновъ и Фурлянскихъ Словинцовъ, равно какъ и о времени, когда они поселились на теперешнихъ своихъ мѣстахъ жительства, ничего съ достовѣрностію утверждать нельзя. Недавно, именно послѣ того, какъ Русское войско, во время войнъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, было въ ихъ странѣ, появилось у нихъ мнѣніе, что они выходцы изъ Россіи и должны правильнѣе называться Резьянами или Россіянами; но это не подтверждено никакими доказательствами». («О Резьянахъ и Фурлянскихъ Словинахъ», статья П. I. Шафарика въ двухъ-язычномъ журналѣ «Денница, литературная газета, посвященная Славянскимъ предметамъ и издаваемая Петромъ Дубровскимъ. Часть I. Варшава. 1842. Годъ первый», стр. 113).

въ *ŕj* и *j*, то есть: Резвяне должны бы говорить *puč*, *sviča*, *oča*, *mołož* или т. п., а не *putj* (ночь), *svítja* (свѣча), *otjà* (отецъ), *młaj* (новолюбіе) и т. д. Уже эти двѣ особенности являются рѣшающими и ни коимъ образомъ не позволяютъ подгонять Резвянскіе говоры подъ категорію говоромъ Русскихъ. И всѣ остальные, какъ фонетическія, такъ и морфологическія свойства Резвянскихъ говоромъ, въ своей совокупности ставятъ ихъ въ самое близкое генетическое родство съ Сербо-Словенскою группою Славянскихъ говоромъ, въ противоположность всѣмъ остальнымъ группамъ между прочимъ, тоже въ противоположность группѣ Русской.—Трудно окончательно рѣшить, ближе ли Резвянскіе говоры къ говорамъ Сербо-Хорватскимъ, или же къ говорамъ Словинскимъ. Желаящихъ ближе ознакомиться съ относящимися сюда частными вопросами я отсылаю къ §§ 291—293 моего «Опыта фонетики Резвянскихъ говоромъ». Кажется, однакожь, что, если уже поставить вопросъ о томъ, кого считать самыми близкими этнографическими родственниками Резвянъ, Крайно-Словенцевъ ли, или же Сербо-Хорватомъ, нужно будетъ отдать предпочтеніе этимъ послѣднимъ.

Всѣ эти и имъ подобные вопросы вращаются въ кругу специальностей чисто-Славянскихъ, и притомъ такихъ, что онѣ повторяются порознь и въ другихъ группахъ южно-Славянскихъ говоромъ. Между тѣмъ, главную характеристическую особенность Резвянскихъ говоромъ составляетъ нѣчто такое, чего никакъ нельзя считать непосредственнымъ продолженіемъ фонетическихъ особенностей основно-Славянскаго періода развитія Славянскихъ языкомъ, и что, вслѣдствіе этого, дѣлаетъ эти говоры совершенно особомъ, самостоятельную группою, которая гораздо болѣе отличается даже отъ говоромъ южныхъ сосѣдей Резвянъ, нежели эти послѣдніе отъ всѣхъ отдѣльно взятыхъ частей всей Сербо-Хорватской и даже всей Сербо-(Хорвато)-Словенской языковой области.

Эта чрезвычайно важная особенность, между всѣми языками Славянскими встрѣчаемая, сколь мнѣ извѣстно, въ однихъ только Резвянскихъ говоромъ, состоитъ въ такъ-называемой гармоніи (созвучіи) гласныхъ. Гармонія (созвучіе) гласныхъ основывается на противоположности, съ одной стороны, темныхъ и ясныхъ гласныхъ, съ другой же стороны—на противоположности гласныхъ широкихъ и узкихъ. Ясными гласными являются *e*, *i*, *o*, *u*, соответствующими же имъ темными *oe*, *y*, *ö*, *ü*. Къ узкимъ гласнымъ принадлежатъ *i*, *u*, *y*, *ü*, *e*, къ соответствующимъ имъ широкимъ *e*, *o*, *oe*, *ö*, *a*. Проявляется же этотъ законъ гармоніи гласныхъ

слѣдующимъ образомъ: Если въ слогѣ господствующемъ есть согласный темный, то и подверженные вліянію гармоніи гласныхъ гласные слоговъ подчиненныхъ должны быть темными; напротивъ того, гласный ясный въ слогѣ господствующемъ является виновникомъ ясности согласныхъ въ слогахъ подчиненныхъ. Узкій гласный господствующаго слога суживаетъ гласные слоговъ подчиненныхъ; отъ широты же гласнаго въ слогѣ господствующемъ зависитъ тоже широта гласныхъ въ подчиненныхъ слогахъ. Господствующимъ или руководящимъ является обыкновенно гласный въ слогѣ ударенномъ (произпосимомъ съ удареніемъ), все равно, предшествуетъ ли онъ другимъ слогамъ, или же слѣдуетъ за ними. И такъ, мы имѣемъ въ Резьянскомъ *žapà* (жена) рядомъ съ дат. пад. ед. ч. *žопоѡ*, родит. множ. *žiní* и т. п. Въ этихъ различныхъ формахъ одного и того же слова первичный Славянской гласный *e* перваго неудареннаго и, стало быть, по отношенію къ гармоніи гласныхъ подчиненнаго слога измѣняется или въ ясное и широкое *a*, или въ темное и широкое *oe*, или же, наконецъ, въ ясное и узкое *i*, смотря по тому, какой гласный является въ слѣдующемъ ударенномъ и, вслѣдствіе этого, господствующемъ или преобладающемъ слогѣ. Въ словѣ *otjà* (отецъ) съ ясностью и широтою гласнаго *a* удареннаго и, слѣдовательно, господствующаго слога связана ясность и широта гласнаго *o* слога подчиненнаго; въ дательномъ же падежѣ того же слова, *utjì*, мы видимъ въ первомъ слогѣ ясный и узкій гласный *u* потому, что такимъ же является гласный *i* слѣдующаго удареннаго, преобладающаго слога. Точно такую же зависимость гласныхъ слоговъ подчиненныхъ отъ гласныхъ въ слогахъ господствующихъ слѣдуетъ объяснять: рядомъ съ имен. ед. *rič* (вещь) творит. ед. *gačjò*, творит. мн. *gačjámì*, родит. мн. *ričì* и т. д., затѣмъ, неокончательныя наклоненія *nistit* (нести), *ritjìt* (сказать) и т. п., рядомъ съ причастіями прошедш. врем. муж. р. *poèsal* (нёсъ), *roèkal* (сказалъ) и т. п., жен. р. *naslà* (несла), *raklà* (сказала) и т. п., повелит. накл. *nisi* (неси), *ricì* (скажи) и т. д., настоящ. (будущ.) вр. *pоеsoè* (несетъ), *roєsoè* (скажетъ) и т. д. Вліяніе гласнаго предшествующаго удареннаго слога на гласный слѣдующаго слога неудареннаго сказывается, напримѣръ, въ словахъ *žоeloèzò* (желѣзо) (темное широкое *ò*, обусловленное темнымъ же широкимъ *oe*), *poèstò* (мѣсто), *bòhòwò* или т. п. (божье) и т. д. (съ темными гласными во всѣхъ слогахъ), рядомъ съ *málo* (мало), *jábalko* (яблово) и т. д. (ясные гласные во всѣхъ слогахъ). Это влія-

нiе гласныхъ удáренныхъ на неудáренные такъ сильно, что оно дѣйствуетъ не только на гласные въ непосредственно соприкасающихся слогахъ, но и на гласные слоговъ самыхъ отдаленныхъ, даже черезъ слогъ, которымъ свойственъ гласный нейтральный, то есть, неподдающийся уподобляющему влiянiю гласнаго въ слогѣ господствующемъ, на примѣръ: bôhōwo (божье), ôpartô и т. п. (отперто) (гдѣ темный гласный перваго слога, не производя ни какого влiянiя на гласный втораго слога, является виновникомъ темноты гласнаго въ третьемъ слогѣ) и т. д. и т. д.

Кромѣ этого главнаго направленiя гармонiи гласныхъ, выражающагося влiянiемъ удáреннаго гласнаго на гласные неударенные, можно отмѣтить въ Резьянскихъ говорахъ еще другое направление, основывающееся на влiянiи даже неударенныхъ конечныхъ гласныхъ (если они принадлежатъ къ такъ называемому грамматическому окончанiю) на гласные предшествующихъ слоговъ. Такъ, на примѣръ, рядомъ съ родит. пад. ед. ч. муж. и средн. р. прилагательныхъ křiwaga или křiwaha (криваго), stáraga или stáraha (стараго) и т. д. (гдѣ *e* предпоследняго слога перешло въ *a* подъ влiянiемъ конечнаго *a*), имѣется дател. пад. ед. ч. křívimu (кривому), stárimu (старому) и т. д. (гдѣ то же *e* предпоследняго слога перешло въ узкое *i* подъ влiянiемъ узкаго же конечнаго *u*). Точно такъ же рядомъ съ именит. пад. ед. ч. mátì (мать) мы встрѣчаемъ родит. ед. mátere, дат. ед. mátiri, творит. ед. mátarjo и т. д., рядомъ съ именит. пад. ед. ч. жен. р. púštjana (пущенная, оставленная)—именит. мн. муж. púštjini (пущенные, оставленные) и т. д.

Этихъ нѣсколькихъ общихъ замѣчанiй о Резьянской гармонiи гласныхъ будетъ болѣе, чѣмъ достаточно въ настоящей популярной статьѣ; подробныя же указанiя можно найти въ §§ 212—248, 294, 295 и въ дополненiи къ §§ 232, 233, 243, 244, 255 (стр. 128) моего «Опыта фонетики Резьянскихъ говоровъ».

Подобное построение звуковаго механизма на полной зависимости гласныхъ подчиненныхъ слоговъ отъ гласнаго въ слогѣ господствующемъ чуждо всѣмъ языкамъ Аrio-Европейскимъ (Индоевропейскимъ), въ этомъ числѣ и Славянскимъ, но зато оно составляетъ главную фонетическую особенность Туранскихъ (Финскихъ и Тюркскихъ) языковъ. Гармонiя гласныхъ въ Туранскихъ языкахъ служить, такъ сказать, цементомъ, соединяющимъ или связывающимъ слогъ въ слова. Въ Аrio-Европейскихъ языкахъ эту роль соединенiя слоговъ въ слова играетъ (по крайней мѣрѣ,

въ основной, синтетическій періодъ развитія этихъ языковъ), прежде всего удареніе. Въ многосложныхъ словахъ Аріо-Европейскихъ языковъ одинъ слогъ выдается, усиливается свойственнымъ ему удареніемъ, остальные же слоги, хотя и лишены той силы, что слогъ съ удареніемъ, все-таки сохраняютъ свои индивидуальныя особенности и не мѣняютъ ихъ, въ угоду слогу господствующему. Напротивъ того, въ Туранскихъ языкахъ подчиненные слоги уподобляются слогу господствующему, то есть, подчиняются ему въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ Аріо-Европейскихъ языкахъ до тѣхъ поръ нельзя говорить о цѣльныхъ словахъ, пока отдѣльные слоги и сочетаніе звуковъ, корни, суффиксы и вообще приставки, окончанія и т. д. не соединены въ одно цѣлое свойственнымъ одному изъ нихъ удареніемъ. Точно такъ же и сложеніе двухъ словъ (основъ, темъ) въ одно слово совершается здѣсь черезъ лишеніе одного изъ нихъ свойственнаго ему ударенія и черезъ подчиненіе его, такимъ образомъ, одному общему ударенію, сопровождающему одинъ изъ слоговъ другого слова. Въ Туранскихъ языкахъ отдѣльные слоги и комплексы (сочетанія) звуковъ нужно считать самостоятельными словечками, если они въ извѣстномъ выраженіи сохраняютъ свойственные имъ гласные, вопреки закону гармоніи гласныхъ. Если же они слѣены цементомъ гармоніи (созвучія) гласныхъ, въ такомъ случаѣ, вмѣсто нѣсколькихъ односложныхъ словъ, образуютъ одно многосложное слово. Точно тѣмъ же путемъ подчиненія гласныхъ въ отдѣльныхъ слогахъ втораго слога гласному въ первомъ слогѣ слова предшествующаго совершается сложеніе двухъ Туранскихъ словъ въ одно сложное слово. Въ поясненіе этого закона Туранскихъ языковъ, я приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ:

Въ Тюркскихъ нарѣчіяхъ южной Сибири и Дзунгарской степи (въ Алтайскомъ, Телеутскомъ, въ нарѣчій Черныхъ Киргизовъ и т. д.) одно и то же окончаніе является въ четырехъ видахъ, смотря по тому, какій гласный господствуетъ въ первомъ, коренномъ слогѣ. И такъ—

окончаніе множественнаго числа принимаетъ, по отношенію ко входящему въ его составъ гласному, четыре различныхъ вида, тар или лар, тѣр или лѣр, тор или лор, тѣр или лѣр, напримѣръ: ат-тар (лошади), іт-тѣр (собаки), от-тор (травы), ёк-тѣр (кукушки) и т. п.;

окончаніе дательнаго падежа ка, кѣ, ко, кѣ, напримѣръ, ат-ка (лошади), іт-кѣ (собакѣ), от-ко (травѣ), ёк-кѣ (кукушкѣ) и т. д.

Приведемъ теперь примѣры сочетанія нѣсколькихъ суффиксовъ (аффиксовъ, приставокъ) съ отдѣльными корнями въ значеніи глагола (то-есть, съ корнями, выражающими известное дѣйствіе). Пусть будутъ глагольные корни ал (съ основнымъ значеніемъ брать, взять, а еще точнѣе хватъ, цапъ), тол (наполнять, наполнить), кѣл (приноровить, приноровливать), ѓл (убивать, убить), тур (стоять, стать) и т. п. Съ другой стороны, возьмемъ суффиксы (аффиксы, приставки):

1) со значеніемъ «заставлять (или заставить) дѣлать то, что выражается корнемъ», суффиксъ заставительный (*factitivum*), тождественный этимологически съ только-что приведеннымъ глагольнымъ корнемъ тур, значащимъ стать, стоять, ставить, но, какъ суффиксъ (аффиксъ, приставка), являющійся въ различныхъ видоизмѣненіяхъ: тыр, дыр, тір, дір, тур, дур, тұр, дур и т. п.;

2) приставка (суффиксъ аффиксъ), выражающая взаимное дѣйствіе въ совокупности (*reciprocum*): ыш, іш, уш, ус, и т. п.

3) приставка прошедшаго времени (*praeteritum*): ты, ды ті, ді, ту, ду и т. п.;

4) приставка 1-го лица множественнаго числа быс, (пыс), біс, (піс) и т. п.;

5) приставка 3-го лица множ. числа лар и т. п.

Сочетанія этихъ приставокъ съ выше-названными глагольными корнями даютъ, между прочимъ слѣдующія слова:

ал-дыр-ыш-ты-быс (мы вмѣстѣ заставили взять),

тол-дыр-ыш-ты-быс (мы вмѣстѣ наполнили),

кѣл-іш-тір-ді-біс (мы приноровили),

ѓл-дур-уш-тү-біс, или, ѓл-дур-уш-ті-біс (мы вмѣстѣ убили),

түр-уш-ты-лар (они вмѣстѣ убили) и т. п. ¹⁾

¹⁾ Вышеприведенные примѣры взяты изъ рукописнаго, еще ненапечатаннаго сочиненія В. В. Радлова о Тюркскихъ нарѣчіяхъ южной Сибири и Даунгарской степи. Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, для обозначенія Тюркскихъ звуковъ примѣненъ В. В. Радловымъ Русскій алфавитъ съ нѣкоторыми необходимыми видоизмѣненіями и дополненіями. Такъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ здѣсь буквы *ä, ö, ü*, для выраженія гласныхъ, сходныхъ болѣе болѣе или менѣе съ Нѣмецкими *ä, ö, ü* (или французскими *e, o, u*). Рядомъ съ Русскимъ *к* употреблено тоже Латинское *k*, а рядомъ съ Русскимъ *л* — латинское *l*; *к* и *л* обозначаютъ согласные твердые, болѣе глубокіе, сочетающіеся съ широкими или твердыми гласными *a, o, u, m*; напротивъ того, *k* и *l* сочетаются съ узкими, небными или мягкими гласными, *ä, ö, ü, i, n*. сообразно съ этимъ, проносятся тоже болѣе мягко или болѣе впереди *нба*. Гласный, обозначаемый буквою *ы* (еры), имѣетъ особый, своеобразный звукъ, но все-таки онъ весьма сходенъ съ велико-Русскимъ *ы* въ большинствѣ случаевъ. — Относительно одного только Алтайскаго языка, ср. тоже

То же самое имѣть мѣсто въ Якутскомъ ²⁾, въ Татарскомъ ³⁾, въ Чувашскомъ ⁴⁾, въ Венгерскомъ или Мадьярскомъ ⁵⁾, въ Мокша-Мордвинскомъ ⁶⁾ и т. д. и т. д.

Эта зависимость качества гласныхъ подчиненныхъ слоговъ отъ качества гласнаго господствующаго слога, или, это уподобленіе гласныхъ въ слогахъ, подчиненныхъ гласному слогу господствующаго, встрѣчаемое въ языкахъ Туранскихъ, очень сходно, по своему общему характеру, съ такимъ же уподобленіемъ или гармонією (созвучіемъ) гласныхъ въ Резьянскихъ говорахъ. А такъ какъ въ этихъ послѣднихъ гармонія гласныхъ не могла, по-моему, развиться ни изъ чисто-Славянскихъ, ни вообще изъ чисто-Аріо-Европейскихъ особенностей, то я считаю себя въ правѣ эту не-Славянскую и не-Аріо-Европейскую особенность Резьянскихъ говоровъ приписать Туранскому или же какому нибудь другому подобному же инородческому вліянію.

Высказывая эту мысль въ моемъ «Опытѣ фонетики Резьянскихъ говоровъ» я смущался, однакожь, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Туранскихъ языкахъ господствующимъ бываетъ всегда первый слогъ слова, являющійся въѣстъ съ тѣмъ почти всегда корнемъ или кореннымъ комплексомъ (сочетаніемъ) звуковъ, тогда какъ слѣдующіе за нимъ и подчиненные ему слоги играютъ роль суффиксовъ (аффиксовъ, приставокъ), и это преобладающее значеніе свойственно тамъ первому, коренному слогу, не смотря на то, сопровождается ли онъ удареніемъ, или же нѣтъ. Но уже тогда я старался устроить отчасти это возраженіе замѣчаніемъ, 1) что въ нѣкоторыхъ языкахъ Туранскаго племени, между прочимъ, въ Венгерскомъ удареніе (то-есть, возвышеніе или усиленіе голоса) свойственно

«Грамматику Алтайскаго языка, составленную членами Алтайской миссіи. Казань 1869», §§ 2, 5, 6, 7 (стр. 2, 6—8). Эта грамматика составлена главнымъ образомъ Н. И. Ильминскимъ.

²⁾ «О языкѣ Якутовъ», О. Вѣтлингъ («Ученая записка императорской академіи наукъ по первому и третьему Отдѣленіямъ», I. С. II. В. 1853, стр. 377—446). «Ueber die Sprache der Jakuten. Grammatik, Text und Wörterbuch. Von Otto Boehtlingk. Besonderer Abdruck des dritten Bandes von Dr. A. Th. von Middendorff's «Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens. St. Petersburg. 1851».

³⁾ См., между прочимъ, (Николай Остроумовъ). «Первый опытъ Словаря народно-Татарскаго языка по выговору крещеныхъ Татаръ Казанской губерніи. Казань. 1876» стр. 18—19.

⁴⁾ «Замѣтки для ознакомленія съ Чувашскимъ нарѣчіемъ Н. Золотницкаго». Выпускъ I. Отдѣлъ звуковъ. Казань. 1871», §§ 2—7 (стр. 1—3).

⁵⁾ «Magyarische Grammatik von Anselm Mansuet Riedl. Wien. 1858».

⁶⁾ «Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik nebst Texten und Wörterverzeichnis von Dr. August Ahlquist, etc. St. Petersburg 1861, §§ 13—18 (стр. 2—4).

именно этому первому, коренному слогу, и 2) что—въ случаѣ, если, какъ я полагаю, Резьянская гармонія гласныхъ обязана своимъ происхожденіемъ Туранскому вліянію,—эта Туранская фонетическая особенность привита здѣсь на Славянской почвѣ, гдѣ, во время совершенія предполагаемой мною фонетической смѣси, удареніе было подвижнымъ, и гдѣ, во всякомъ случаѣ, ударенный слогъ чувствовался слогомъ преобладающимъ, такъ какъ именно удареніе соединяетъ въ Аріо-Европейскихъ языкахъ извѣстный комплексъ слоговъ въ одно нераздѣльное цѣлое, чувствуемое единичнымъ словомъ. Такимъ образомъ, подвергнутое этому чужому вліянію Славянское племя усвоило себѣ внѣшнее проявленіе закона гармоніи гласныхъ, но безъ усвоенія его главнаго внутренняго смысла, состоящаго въ подчиненіи суффиксовъ (аффиксовъ, приставокъ) коренному комплексу (сочетанію) звуковъ. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что другая органическая цѣль, присущая гармоніи гласныхъ, достигается и въ Резьянскихъ говорахъ: эта цѣль состоитъ именно въ соединеніи отдѣльныхъ слоговъ въ живыя слова, которыя и являются цѣльными словами только на столько, на сколько ихъ составныя части, то-есть слоги, подчинены названному закону уподобленія (гармоніи гласныхъ). Слѣдовательно, въ Резьянскихъ говорахъ скрещиваются оба способа образованія цѣльныхъ словъ изъ простыхъ слоговъ, Аріо-Европейское удареніе и Туранская гармонія гласныхъ. Другими словами, въ Резьянскихъ говорахъ слоги, какъ части словъ, склеены двойнымъ цементомъ, состоящимъ изъ сочетанія Аріо-Европейскаго цемента, ударенія, съ Туранскимъ цементомъ, гармоніею гласныхъ.

Затѣмъ, уже здѣсь, въ Казани, я получилъ блестящее подтвержденіе моей гипотезы о Славяно-Туранскомъ происхожденіи Резьянъ. Знаменитый лингвистъ и одинъ изъ лучшихъ знатоковъ Туранскихъ языковъ, В. В. Радловъ, сообщилъ мнѣ весьма интересныя въ этомъ отношеніи данныя изъ изслѣдованныхъ имъ нарѣчій Тюркскихъ племенъ южной Сибири и Дзунгарской степи. Сообщенія В. В. Радлова я заимствую частью изъ его рукописи — грамматическаго очерка названныхъ нарѣчій, — частью же изъ разговоровъ съ нимъ. Вотъ главные пункты, на которые необходимо обратить вниманіе.

Во многихъ словахъ, заимствованныхъ изъ Арабскаго, господствующимъ по отношенію къ гармоніи гласныхъ, то-есть, по отношенію ко вліянію на сочетающіяся съ подобнымъ словомъ приставки (аффиксы), является не первый слогъ, какъ въ словахъ

чисто-Тюркскихъ, но слогъ послѣдній: гласный этого слога рѣшаетъ о природѣ гласныхъ во всѣхъ приставкахъ, служащихъ выраженіемъ извѣстныхъ словообразовательныхъ отношеній, въ которыхъ выступаетъ представленіе, обозначаемое кореннымъ слогомъ.

Русскія слова составлены по большей части изъ слоговъ, гласные которыхъ въ своей совокупности совершенно противорѣчатъ законамъ гармоніи гласныхъ Тюркскихъ нарѣчій. Поэтому при ихъ усвоиваніи этими послѣдними необходима ихъ передѣлка и приноровливаніе къ общегосподствующимъ законамъ. Это приноровливаніе совершается слѣдующимъ образомъ:

Одинъ изъ гласныхъ усвоиваемаго Русскаго слова, по обыкновенію ударенный (произносимый съ удареніемъ), считается главнымъ, господствующимъ, а всѣ остальные гласные приноровливаются къ нему или подчиняются ему. Такъ, напримѣръ, слово Аграфена (въ произношеніи) Сибирскихъ Русскихъ крестьянъ Аграфѣна усвоивается Тюркскими племенами въ видѣ Огрѣпѣнѣ, при чемъ перевѣсъ получаетъ ударенный гласный *о* (сопровожаемый смягченіемъ предшествующаго согласнаго) третьяго слога, переходящій въ Тюркскомъ въ *ѳ*, гласные же всѣхъ остальныхъ слоговъ ему уподобляются. Еслибъ это слово было усвоено сообразно съ законами гармоніи гласныхъ, свойственными природнымъ, незамысловатымъ Тюркскимъ словамъ, въ такомъ случаѣ господствующимъ долженъ бы быть гласный *а* перваго слога, и все слово должно бы принять видъ Аграпана или т. п. Точно такъ же изъ Русскаго Петрушка произошло Тюркское Пѣтушкѣ, а не Пѣтѣшкѣ, изъ Русскаго исправникъ произошло Тюркское испраиникъ вмѣсто испраиникъ или т. п., изъ здорово—тороба вмѣсто тароба или т. п., изъ повозка—пѣуѣскѣ вмѣсто пауаска или т. п., изъ котель—кѣтѣлъ вм. катал или т. п., изъ купецъ—кѣпѣс вм. купас или т. п. Въ тѣхъ усвоиваемыхъ изъ Русскаго словахъ, въ которыхъ дѣйствіе гармоніи гласныхъ въ только-что упомянутомъ направленіи совпадаетъ съ обыкновенною гармоніею гласныхъ незамысловатыхъ словъ, нельзя, конечно, отыскать настоящій источникъ измѣненія гласныхъ. Такъ, напримѣръ, гласные Тюркскихъ Пѣдѣр, кубырнатор (или кубыр) и т. д., развившихся изъ Русскихъ Ѳѣдоръ, губернаторъ и т. д., могли принять такой видъ или подъ вліяніемъ гармоніи гласныхъ выходящей отъ перваго слога, или же подъ вліяніемъ гармоніи гласныхъ, руководимой слогомъ удареннымъ (который, впрочемъ, напримѣръ, въ словѣ Ѳѣдоръ является вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ слогомъ).

Подобнымъ же видоизмѣненіямъ подвержены гласные Тюркскихъ словъ, заимствованныхъ изъ языковъ Арабскаго и Персидскаго.

Сверхъ того, даже въ нѣкоторыхъ чисто-Тюркскихъ сложеніяхъ (то-есть, въ словахъ, составленныхъ изъ двухъ словъ), по отношенію къ гармоніи гласныхъ, слово предшествующее приноровливается къ слѣдующему, а не наоборотъ, не слѣдующее къ предшествующему. Такъ, напримѣръ, изъ сложенія мѣстоименія *пу* (этотъ) и существительнаго *күн* (день) выходитъ нарѣчіе *пугун* (сегодня), а не *пугун*, изъ *ол* (онъ) и *күн* (день) — *огун* (послѣ завтра), а не *огун*, и т. п.

Самымъ важнымъ является при этомъ законъ усвоенія Тюркскими нарѣчіями Русскихъ и другихъ иноплеменныхъ словъ состоящій въ томъ, что гласные неударенныхъ слоговъ подчиняются гласному слога удареннаго, не смотря на его положеніе въ словѣ ¹⁾. Сопоставляя этотъ частный звуковой законъ Тюркскихъ нарѣчій съ общимъ закономъ гармоніи (созвучія) гласныхъ въ Резьянскихъ говорахъ, мы должны будемъ прійти къ заключенію, что въ сущности оба эти звуковые законы вполне тождественны, и все различіе между ними есть чисто количественное, то-есть, оно сводится къ относительному богатству словъ усвоенныхъ изъ чужихъ языковъ. Въ Тюркскихъ нарѣчіяхъ южной Сибири и Дзунгарской степи такихъ заимствованныхъ словъ весьма немного; въ Резьянскихъ же говорахъ, въ случаѣ, если мое предположеніе о происхожденіи Резьянъ изъ смѣси Славянъ съ Туранцами вѣрно, — заимствованными (съ Туранской точки зрѣнія) являются всѣ или, по крайней мѣрѣ, почти всѣ до настоящаго времени сохранившіяся слова. — Предположимъ, что какое нибудь Тюркское племя смѣшивается постепенно съ извѣстною частью какого либо Русскаго племени въ пользу этого послѣдняго, такъ-что, наконецъ, оно лишается мало-по-малу своего прежде роднаго языка и начинаетъ говорить исключительно по-Русски. Если при этомъ оно все-таки будетъ соблюдать законъ гармоніи гласныхъ, то усваиваемыя имъ Русскія слова, замѣняющія собою и постепенно вытѣсняющія Тюркскій запасъ словъ, будутъ принимать видъ, обусловленный именно этимъ звуковымъ закономъ (гармоніи гласныхъ), дѣйствующимъ по направленію, свойственному вообще словамъ, заимствованнымъ изъ Русскаго языка, то-есть, по направленію отъ ударенныхъ слоговъ, импонирующихъ непривычному къ

¹⁾ То же самое имѣетъ мѣсто и въ Чувашскомъ языкѣ, какъ мнѣ сообщалъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ и наследователей этого языка, Н. И. Золотницкій.

нимъ Тюрескому уху и чувству своею силою и выразительностью, къ слогамъ неудáреннымъ, а не, какъ это имѣетъ мѣсто въ чисто-Туранскихъ словахъ, отъ перваго слога къ слогамъ слѣдующимъ. Если мало-по-малу Тюрескія или Туранскія слова въ предполагаемомъ нами смѣшанномъ нарѣчій выйдутъ изъ употребленія, то это вновь образованное смѣшанное нарѣчіе будетъ состоять исключительнo изъ усвоенныхъ словъ, измѣнившихъ свои гласные по только-что названному направленію гармоніи гласныхъ. А — хотя бы даже и остались еще кое-какіе остатки отъ прежняго Тюрескаго или Туранскаго языковаго матеріала, то-есть, чисто Тюрескія слова, то они все-таки, очутившись въ значительномъ меньшинствѣ, должны бы, во-первыхъ, по аналогіи большинства словъ принять на одномъ изъ слоговъ выразительное Русское удареніе, и затѣмъ, тоже по аналогіи преобладающаго большинства, видоизмѣнить свои гласные по закону гармоніи гласныхъ, основанному на господствѣ удáренного слога. И тогда получится не болѣе, не менѣе, какъ такое точное же звуковое строеніе, какое мы встрѣчаемъ въ Резьянскихъ говорахъ.

Моя гипотеза о Славянско-Туранскомъ происхожденіи Резьянъ можетъ показаться многимъ читателямъ не только странною, но даже просто невѣроятною. Этихъ читателей я попрошу обратить вниманіе на происходившія въ началѣ среднихъ вѣковъ переселенія народовъ. Правда, нѣкоторые не вѣрятъ въ существованіе переселеній и, должно быть, думаютъ, что всѣ теперешніе Европейскіе народы живутъ въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя были отведены имъ Провидѣніемъ еще при сотвореніи міра. Но мало ли какіе историческіе факты не удостоиваются признанія со стороны подобнаго рода скептиковъ, которые въ иныхъ случаяхъ вовсе не прочь повѣрить самымъ неправдоподобнымъ рассказамъ о разныхъ событіяхъ, противорѣчащихъ какъ здравому смыслу, такъ и извѣстнымъ законамъ природы. Для насъ же частныя переселенія народовъ представляютъ несомнѣнный и неизбѣжный результатъ того броженія Европейскихъ и Азіатскихъ народовъ и племенъ, и того, съ одной стороны, разлагающагося стараго, съ другой-же стороны, еще неустановившагося новаго государственнаго и общественнаго строя, которыми ознаменовалось началo такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ. Въ числѣ этихъ переселяющихся, борющихся за свое существованіе и куда-то стремящихся народовъ и народцевъ, мы встрѣчаемъ тоже многіе народы и народцы Туранскаго или Тюрко-Финскаго племени, имена которыхъ сохранились въ историческомъ преданіи. Теперь спроши-

вается: куда дѣлись всѣ тѣ разные народы и народцы, непосредственныхъ потомковъ или продолжителей которыхъ мы не находимъ ни въ Азіи, ни въ Европѣ, ни въ Африкѣ? Неужели они таѣ и пропали безъ вѣсти? Неужели всѣ они «погыбоша аки Обре», не оставивъ послѣ себя ни малѣйшаго слѣда своего существованія? На эти и этимъ подобные вопросы слѣдуетъ ожидать приблизительно вѣрныхъ отвѣтовъ уже не отъ исторіи, но отъ языковѣднія или лингвистики (глоттологіи), и именно отъ тщательнаго, добросовѣстнаго и строгонаучнаго изслѣдованія разныхъ въ настоящее время живущихъ нарѣчій и говоровъ тѣхъ краевъ, черезъ которые проходили и въ которыхъ могли исчезнуть, то есть, лишиться своей этнографической національности куда-то затерявшіяся племена и народы. Діалектологія можетъ, хотя-бы только отчасти, оказать въ этомъ такую же услугу исторіи и этнологіи, какую изъ палеонтологіи извлекаетъ біологія, какъ совокупность генетической зоологіи и генетической ботаники.

Относительно участія Туранскаго элемента въ образованіи Резьянскаго народа, историческія соображенія, основанныя на преданіяхъ современниковъ, вовсе не отрицаютъ вѣроятности этой гипотезы, а, напротивъ того, подтверждаютъ возможность факта, ея предполагаемаго. На дняхъ я получилъ рецензію моего «Опыта фонетики Резьянскихъ говоровъ» и «Резьянскаго Катихизиса», написанную знаменитымъ Словенскимъ ученымъ археологомъ, міеологомъ и лингвистомъ, Мартыномъ (Давориномъ) Търстенякомъ, и напечатанную въ Мариборскомъ (Марбургскомъ) журналѣ «Zora» (štev. 7, dne 1 aprile 1876, то-есть, N 7, 1 апрѣля 1876) п. з.: «Ruskoslovansko slovstvo. Naznanja Davorin Trstenjak». Вотъ что сказано въ этой книгѣ по поводу моей гипотезы о Туранскомъ вліяніи на образованіе Резьянскаго народа:

«....Въ первой книгѣ (то-есть, въ «Опытѣ фонетики Резьянскихъ говоровъ») авторъ высказываетъ важную мысль, что Резьяне представляютъ смѣсь Славянъ, что на нихъ вліялъ Туранскій (Монгольско-Татарско-Алтайскій) элементъ, точнѣе говоря, что Резьяне суть ославянившіеся Туранцы. Это возможно доказать тоже исторически. Обры (Авары) были друзьями Лонгобардовъ и съ самаго начала, когда еще жили съ ними въ дружескомъ союзѣ, часто посылали свои отряды на помощь Лонгобардамъ въ ихъ войнахъ съ Византійцами. Впослѣдствіи эта дружба порвалась, и Обры дрались съ Лонгобардами, поселившись въ верхней Италіи. Таѣ, на примѣръ, Павелъ Діаконъ

(Paulus Diaconus) (l. IV. cap. 19) упоминаетъ, что въ 663 году Обры прибыли на просьбу короля Гримоалда, чтобы наказать его невѣрнаго полководца, мятежника Лупа. Каканъ, предводитель Обровъ, прибылъ съ большою арміею, и Лупа сражался три дня съ Каканомъ «in loco, qui Fluvius dicitur».

«Что уже тогда Славяне жили въ Карньюль (Carniola) и Фриуль (Forum Julii), извѣстно изъ того же Павла Діакона, поэтому я считаю этотъ fluvius рѣкою Резьей, и утверждаю, что слова Резья (Rezja) и Резьянъ (Rezjan), подъ вліяніемъ Венето-Итальянскаго языка, измѣняющаго согласный *s* (*ч*) въ *s* (*с*) (то-есть, *z*, *з*) (напримѣръ, *ose*—*voce*, *osello*—*ucello*), произошло изъ *Reka* и *Rečan*. Первоначальное Славянское произношеніе было затемнено и исковеркано Венето-Итальянскимъ ¹⁾. Въ то время какой-нибудь отдѣлъ Обровъ или Обро-Славянъ могъ тамъ остаться; и опять изъ этихъ остатковъ могъ развиваться Резьянскій народецъ и языкъ».

Въ присланномъ мнѣ экземплярѣ названной рецензіи г. Търстенякъ прибавилъ къ этому мѣсту слѣдующее рукописное примѣчаніе:

«Резьяне могутъ быть тоже остаткомъ Болгаръ (Болгаровъ), которые присоединились къ Лонгобардамъ и вмѣстѣ съ ними отъправились въ Италію, какъ и говоритъ Павелъ Діаконъ (II, 26): *ceterum est Alboin multos secum ex diversis, quos vel alii reges, vel ipse ceperat, gentibus ad Italiam adduxisse, unde usque hodie, in quibus habitant, vicos Gepidos, Bulgares, Sarmatas, Panonios, Suavos, Noricos appellamus* (впрочемъ, Албоинъ привелъ съ собою въ Италію многихъ, которые были набраны или другими королями, или имъ же самимъ; по этому мы до сихъ поръ называемъ мѣстности, въ которыхъ они живутъ, Гепидами, Болгарами, Сарматами, Паноніями, Свавами, Нориками).

Нѣкоторые лингвисты отрицаютъ подобное, фонетическое вліяніе однихъ языковъ на другіе, и все иностранное вліяніе на извѣстный языкъ сводятъ почти исключительно къ запусу словъ,

¹⁾ Въ этомъ ли коимъ образомъ нельзя согласиться съ Търстенякомъ. Слово Резья не могло развиться изъ слова рѣка (*reka*), которое въ Резьянскомъ должно бы принять форму *rika* (ср. «Опытъ фонет. Резьян. гов.», §§ 120, 154). Упоминаемая же Павломъ Діакономъ мѣстность «Fluvius» относится, по всей вѣроятности, или къ рѣкѣ Недижъ (*Natisone*), протекающей, между прочимъ, св. Петровскій уездъ, или же къ одному изъ ея притоковъ. Въ настоящее время одинъ изъ этихъ притоковъ и носить прямо имя Рѣка (*Rieka*).

то есть, къ заимствованнымъ и усвоеннымъ словамъ. Но тѣмъ не менѣе тѣ же лингвисты весьма охотно допускаютъ вліяніе на языкъ со стороны климата, почвы, пищи и т. д.; à priori приписываютъ громадное значеніе, по отношенію къ развитію языка, тому, что извѣстный народъ потребляетъ значительное количество картофеля, выпиваетъ столько-то и столько пива или же вина, живетъ вблизи моря, или же вдали отъ него, на горахъ, или же въ долинахъ и т. п., хотя, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ они на дѣлѣ не въ состояніи показать, какимъ это именно образомъ эти физическіе факторы проявляютъ предполагаемое дѣйствіе на тотъ или же другій изслѣдуемый языкъ. Конечно, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ этихъ физическихъ факторовъ имѣютъ довольно важное значеніе и должны быть принимаемы въ соображеніе. Но мнѣ кажется, что, во всякомъ случаѣ, гораздо необходимѣе допустить существенное, фонетическое и морфологическое, вліяніе на извѣстный языкъ другихъ языковъ, или сосѣднихъ ему, или же замѣненныхъ имъ, вслѣдствіе этнографическаго поглощенія говорившихъ на нихъ племенъ племенемъ, которому свойственъ именно извѣстный, въ данное время изслѣдуемый языкъ. Вѣдь языкъ и языкъ представляютъ величины гораздо болѣе соразмѣрныя, нежели языкъ и питье пива, или же языкъ и обиталище народа въ горахъ или же въ долинахъ. А чѣмъ соразмѣрнѣе извѣстныя величины, тѣмъ легче и тѣмъ вѣроятнѣе ихъ взаимодѣйствіе и обусловливаніе одной вліяніемъ другой.

При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что Резьяне живутъ въ точно такихъ же климатическихъ, географическихъ, гигиеническихъ и экономическихъ условіяхъ, какъ и ихъ южные Славянскіе сосѣди. Средняя температура ихъ долины, по всей вѣроятности, та же, что и многихъ Славянскихъ мѣстностей въ уѣздахъ Джемонскомъ, Тарчентскомъ, Чидадскомъ (Чивидальскомъ) и св.-Петровскомъ. Почва, на которой живутъ и тѣ и другіе, то-есть, Резьяне и прочіе Славяне сѣверной Италіи, болѣе или менѣе одинакова, воздѣлывается одинаково и приноситъ одни и тѣ же плоды. Въ связи съ этимъ находится тожество средней пищи всѣхъ жителей этой части сѣверной Италіи. Высокія горы свойственны какъ родинѣ Резьянъ, такъ же точно и родинѣ ихъ Славянскихъ единоплеменниковъ, живущихъ въ Видемской (Удинской) провинціи в. Ломбардо-Венеціанскаго королевства. Родъ занятій во всѣхъ этихъ краяхъ одинаковъ и онъ сводится, главнымъ образомъ, къ хлѣбопашеству, совершаемому и здѣсь, и тамъ одинаковымъ образомъ,

къ скотоводству и, наконецъ, къ мелкой торговлѣ. Однимъ словомъ, нельзя ни коимъ образомъ установить опредѣленное различіе между внѣшними вліяніями, которымъ подвергаются Резьяне, и внѣшними вліяніями, дѣйствующими на Сербо-Хорватовъ сѣверной Италіи и на св.-Петровцевъ.

Чему же, слѣдовательно, приписать громадное различіе между говорами тѣхъ и другихъ, состоящее въ гармоніи (созвучіи) гласныхъ, свойственной Резьянскимъ говорамъ и совершенно чуждой говорамъ всѣхъ прочихъ сѣверо-Итальянскихъ Славянъ, равно какъ и всѣмъ остальнымъ Славянскимъ говорамъ и нарѣчіямъ? Неужели его слѣдуетъ приписать исконному, существенному различію происхождения этихъ Славянскихъ племенъ, обусловленному тѣмъ, что они являются отпрысками двухъ уже давно обособившихся племенъ, отличавшихся и отличающихся другъ отъ друга рѣзкими особенностями, но тѣмъ не менѣе обоимъ чисто-Славянскихъ и чуждыхъ всякой иноплеменной или инородческой примѣси? Къ несчастію, это объясненіе не можетъ быть ни коимъ образомъ принято въ виду двухъ слѣдующихъ, весьма важныхъ, обстоятельствъ:

Во-первыхъ, въ своихъ чисто-Славянскихъ особенностяхъ Резьянскіе говоры вообще весьма сходны съ говорами южныхъ Славянскихъ сосѣдей Резьянъ, или, Сербо-Хорватовъ Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ; то-есть, Резьянскіе говоры, по своимъ чисто-Славянскимъ особенностямъ, сводятся къ тому же ближайшему началу, что и говоры названныхъ южныхъ сосѣдей Резьянъ, въ противоположность другимъ группамъ Славянскихъ говоровъ. А однакоже упомянутая уже столько разъ гармонія (созвучіе) гласныхъ создаетъ между тою и другою группою говоровъ, то-есть, между говорами Резьянъ и говорами ихъ южныхъ сосѣдей, въ нѣ-которомъ отношеніи цѣлую пропасть.

Затѣмъ, выводъ этой специфически-Резьянской особенности изъ особенностей чисто-Славянскихъ, свойственныхъ болѣе древнимъ періодамъ развитія Славянскихъ языковъ, по-моему, просто невысшимъ. Мало того, на всемъ пространствѣ земнаго шара, занимаемомъ разнообразными Славянскими племенами, нельзя найти ни одного до сихъ поръ извѣстнаго племени, на говоръ котораго можно бы указать какъ на источникъ, изъ котораго съ теченіемъ времени, безъ всякаго посторонняго внимательства, могло бы развиваться то, что, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ считать главною отличительною особенностью Резьянскихъ говоровъ, то-есть, гар-

монія гласныхъ. Нѣтъ тоже ни одного извѣстнаго Славянскаго говора, обладающаго фонетическою особенностью, которая могла бы быть сведена къ одному общему знаменателю съ Резьянскою гармоніею гласныхъ и считаться ея фонетическимъ эквивалентомъ.

Словомъ, какъ ни подходи къ Резьянской гармоніи гласныхъ, какъ ни старайся связать ее съ чисто-Славянскими и съ чисто-Аріо-Европейскими особенностями, не останавливаясь ни передъ какими натяжками, все-таки въ концѣ концовъ, долженъ будешь сознаться въ своемъ научномъ безсиліи и, затѣмъ, заявить, что безъ иностраннаго вмѣшательства тутъ ничего не подѣлаешь.

Впрочемъ, насъ не долженъ смущать этотъ отрицательный результатъ всѣхъ попытокъ, обойтись безъ иностраннаго вмѣшательства и вывести Резьянскую гармонію (созвучіе) гласныхъ изъ чисто-Славянскихъ началъ, неоскверненныхъ соприкосновеніемъ съ иностранною жизнью. Вѣдь разбираемый нами случай не представляетъ ничего исключительнаго, диковиннаго, выходящаго изъ ряда вонъ. Вѣдь къ подобному же объясненію постороннимъ вліяніемъ извѣстныхъ фонетическихъ особенностей нужно прибѣгать не только при говорахъ Резьянскихъ, но и при изслѣдованіи многихъ другихъ языковъ, нарѣчій и говоровъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые пункты Французской, Англійской и т. п. фонетики остались бы темными, если бы не допустить при нихъ именно подобнаго смѣшенія или скрещенія фонетическихъ особенностей двухъ различныхъ языковыхъ индивидуумовъ. Изслѣдованная знаменитымъ Итальянскимъ лингвистомъ, Г. И. Асколи (G. J. Ascoli) Ладинская полоса (Zona Ladina), состоящая изъ Швейцарскихъ Гриджіоновъ, Тирольскихъ Ладиновъ и Фурланъ (Фріуланъ), представляетъ, по его мнѣнію, результатъ реакціи языка какого-то исчезнувашаго племени на языкъ поглотившаго это племя племени Романскаго, или, въ ней (то-есть, въ Ладинской полосѣ) отражается какое-то однородное иноплеменное вліяніе на Романское племя, вліяніе, сходное отчасти съ иноплеменнымъ вліяніемъ на Романскую языковую почву, давшимъ, по мнѣнію же Асколи, начало Провенсальскимъ и Французскимъ говорамъ ¹⁾.

Все это, однакожь, однѣ только гипотезы. Между тѣмъ у насъ на лицѣ есть примѣры подобнаго смѣшенія языковъ, то есть, факты самымъ неоспоримымъ образомъ доказывающіе возможность суще-

¹⁾ См. «Archivio glottologico Italiano, diretto da G. J. Ascoli. Volume primo, con una carta dialettologica. Roma, Torino. Firenze, Ermanno. Loescher. 1873.»

ственного фонетического вліянія одного языка на другій, при чемъ вліяющій языкъ исчезаетъ, вслѣдствіе именно того, что его носители, то-есть, говорящее на немъ племя лишается своей этнографической національности въ пользу племени, языкъ котораго и сохраняетъ въ себѣ слѣды этого иностраннаго вліянія. Такъ, напримеръ, мною изслѣдована группа Крайно-Словенскихъ (Словинскихъ) говоровъ, развившихся въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ прежде, болѣе или менѣе 50—60 лѣтъ назадъ, жили исключительно Нѣмцы, теперь же сыновья и внуки этихъ Нѣмцевъ не понимаютъ ни слова на когда-то мѣстномъ Нѣмецкомъ нарѣчій и говорятъ исключительно по-Крайно-Словенски (Словински). Но теперешніе Крайно-Словенскіе говоры, свойственные этимъ ославянившимся Нѣмцамъ, не смотря на весь свой Славянскій строй и составъ, въ высокой степени отражаютъ въ себѣ особенности южно-Нѣмецкой фонетики. Это показываетъ, что то поволеніе, которое въ названныхъ мѣстностяхъ явилось носителемъ переходнаго періода отъ Нѣмецкой этнографической національности къ Славянской, отнеслось ко всѣмъ словамъ усвоеннаго имъ Славянскаго говора, какъ къ словамъ иностраннымъ или заимствованнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, оно не могло отнестись иначе. Потому этотъ онѣмеченный Славянскій языкъ ославянившихся Нѣмцевъ въ окончательномъ результатѣ дѣлаетъ впечатлѣніе Славянскаго языка въ устахъ Нѣмцевъ: Нѣмцы эти забыли, такъ сказать, свой родной языкъ, стали говорить по-Славянски, но тѣмъ не менѣе съ чисто Нѣмецкимъ произношеніемъ. Конечно, со-временемъ вліяніе школы, церкви и сношеній съ соседями чисто-Славянскаго происхожденія будутъ мало-по-малу сглаживать всѣ рѣзко выдающіяся особенности упомянутыхъ говоровъ, обусловленные Нѣмецкимъ происхожденіемъ ихъ носителей, такъ-что, наконецъ, эти Нѣмецкія особенности сведутся до minimum'a, и почти нельзя будетъ отыскать хотя бы даже самые незначительные ихъ слѣды. Но допустимъ что упомянутые мною ославянившіеся Нѣмцы окружены, на подобіе Резьянъ, непроходимыми горами, что у нихъ нѣтъ школы, что священники проповѣдаютъ имъ и обучаютъ ихъ или на ихъ родномъ нарѣчій, или же на какомъ либо иноплеменномъ, положимъ, Итальянскомъ или же Фурланскомъ языкѣ. Съ другой стороны, можно себѣ представить случай, что подобные ославянившіеся Нѣмцы, усвоившіе себѣ онѣмеченный Славянскій языкъ, или выселяются на какой нибудь островъ, или же мало-по-малу окружаются иноплеменниками, не-Славянами. Не подлежитъ сомнѣнію, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ они сохра-

нили бы свой ново-развившійся языкъ, который черезъ какихъ нибудь 500 лѣтъ, съ исчезновеніемъ историческаго преданія о когда-то совершившейся этнографической смѣси, сдѣлался бы настоящею загадкой для изслѣдующихъ его лингвистовъ.

Сопоставляя только-что названные Славянскіе говоры, отличающіеся Нѣмецкою фонетикой, съ говорами Резьянскими, можно по аналогіи предположить, что, какъ Нѣмцы, лишившіеся своего роднаго Нѣмецкаго говора и замѣнившие его однимъ изъ говоровъ Славянскихъ, отнеслись ко всѣмъ словамъ усвоиваемаго ими Славянскаго говора, такъ же точно, во время совершенія предполагаемой мною этнографической смѣси Славянъ и Туранцевъ, давшей начало племени Резьянъ, Туранцы, вошедшіе въ составъ этого племени, могли отнести ко всѣмъ словамъ усвоеннаго ими Славянскаго говора или же говоровъ: они стали говорить по-Славянски, но сохраняя нѣкоторыя чисто Туранскія фонетическія особенности.

Кромѣ фонетическихъ особенностей Резьянскихъ говоровъ, достойны вниманія Резьянскіе типы или Резьянскія фізіономіи, въ сравненіи съ типами ихъ южныхъ сосѣдей. Конечно, ни краціологія, ни общее впечатлѣніе, производимое типами фізіономій извѣстной мѣстности не могутъ считаться прочнымъ основаніемъ для антропологическихъ и этнографическихъ выводовъ: почва здѣсь чрезвычайно шатка, строгій методъ не выработанъ и вообще открыто поле для всевозможныхъ какъ честно-научныхъ увлеченій, такъ и шарлатанско-тенденціозныхъ натяжекъ. Но если на разстояніи нѣсколькихъ миль живутъ рядомъ два племени, говорящія, по видимому, на одномъ и томъ же языкѣ, и, казалось бы, вообще тѣсно связанныя другъ съ другомъ, а, тѣмъ не менѣе отличающіяся одно отъ другаго совершенно своеобразными и весьма несходными фізіономіями,—то, во всякомъ случаѣ, подобный фактъ замѣчательнъ и заслуживаетъ самаго тщательнаго вниманія и добросовѣстнаго изслѣдованія. Важность подобнаго различія увеличивается, если нѣкоторыя фонетическія особенности создаютъ ничѣмъ неустранимую пропасть между говорами того и другаго племени. А именно нѣчто подобное имѣетъ мѣсто у Резьянъ, въ противоположность ихъ южнымъ сосѣдямъ Сербо-Хорватамъ Тарчентскаго и Джемонскаго уѣздовъ. Эти послѣдніе отличаются по преимуществу продолговатыми овальными лицами, бѣлымъ цвѣтомъ лица, бѣлокурыми волосами, голубыми глазами и вообще всѣми тѣми признаками, которые въ совокупности считаются принадлеж-

ностью Славянского племени. Этотъ Славянскій типъ въ особенности замѣтенъ у молодыхъ дѣвушекъ съ робкимъ, меланхолическимъ выраженіемъ глазъ и всего лица. Сохраненіе голубыхъ глазъ и бѣлокурыхъ волосъ тѣмъ удивительнѣе, въ виду того, что отличающееся ими племя живетъ въ довольно жаркомъ климатѣ, что другія племена, населяющія тѣ края, лишены подобныхъ признаковъ и являются чистыми южанами, что южные Славяне вообще не принадлежатъ къ разряду народовъ бѣлокурыхъ и голубоглазыхъ, и т. д. и т. д. Между тѣмъ, Резьяне, не смотря на попадающіяся между ними чисто Славянскія фізіономіи, смахиваютъ по большей части на Венгерцевъ, или же на другіе имъ подобные народы. Скулы выдавшіяся, курчавые волосы, оливковый цвѣтъ лица, темные глаза и т. д.—вотъ отличительные признаки какъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, такъ и цѣлыхъ семей Резьянскихъ. Круглыя лица, вздернутые носы, прищуренные глаза, болѣе или менѣе обезьяньи фізіономіи и т. д., господствуютъ въ самой отдаленной отъ входа въ Резьянскую долину деревнѣ Столбицѣ, населенной самыми некрасивыми Резьянами и Резьянками. Самыми благородными и самыми интеллигентными фізіономіями отличаются жители Бѣлой, самые же красивые люди, въ особенности же женщины—въ Нивѣ. Наконецъ, Осояне и Учья замѣчательны громаднымъ ростомъ своихъ обитателей и обитательницъ, впрочемъ, тоже нелишенныхъ въ общемъ извѣстной красоты. Конечно, какъ я уже замѣтилъ, не-Славянскіе типы перемѣшаны съ чисто-Славянскими. Это объясняется очень просто тѣмъ, что вѣдь, по-моему, Резьяне состоятъ изъ потомковъ не однихъ только Туранцевъ, но изъ потомковъ Туранцевъ и Славянъ. Необходимымъ слѣдствіемъ подобной этнографической смѣси, является наслѣдственность какъ типа, такъ и душевныхъ качествъ, въ трехъ главныхъ направленіяхъ: или преобладаетъ типъ Туранскій, или перевѣсъ на сторону типа Славянскаго, или же оба они скрещиваются и, соединяясь въ одно гармоническое цѣлое, даютъ начало чему-то третьему, стоящему по срединѣ между тѣмъ и другимъ. Поэтому-то у Резьянъ можно встрѣтить даже цѣлую семью, которую съ трудомъ отличишь отъ прочихъ Славянъ тѣхъ краевъ; зато, съ другой стороны, есть семьи, производящія впечатлѣніе Венгерцевъ, Цыганъ или же вообще чего-нибудь подобнаго.

Относительно слабое Туранское и вообще инородческое вліяніе на образованіе Резьянскаго племени, кромѣ только-что упомянутаго довольно частаго появленія между ними чисто-Славянскихъ

типовъ, сказывается тоже въ языкѣ. Оно отразилось въ Резьянскихъ говорахъ одною только гармоніей (созвучіемъ) гласныхъ. При болѣе сильномъ Туранскомъ вліяніи, въ Резьянскихъ говорахъ были-бы совершенно невозможны многія сочетанія (группы) согласныхъ, (напримѣръ, *st*, *zd* и т. п.), произносимые Резьянами безъ всякаго затрудненія ¹⁾, и т. п. Однимъ словомъ, не смотря на всю силу Туранскаго вліянія, привившаго Резьянскимъ говорамъ гармонію гласныхъ, противодѣйствіе со стороны чисто-Славянскихъ особенностей, было тоже весьма сильно и явилось виновникомъ сохраненія Резьянскими говорами ихъ преимущественно Славянскаго характера.

Резюмируя все вышесказанное, я ставлю окончательно слѣдующую гипотезу: Резьяне представляютъ смѣсь Славянъ съ какимъ-то отпрыскомъ Туранскаго племени (или, по крайней мѣрѣ, съ чѣмъ-то подобнымъ), или, точнѣе говоря, они произошли изъ смѣси Славянъ съ ослабянвившимися Туранцами ²⁾.

Указанное мною сходство Резьянскихъ говоровъ съ нарѣчіями Туранскаго племени, сознается отчасти и нѣкоторыми болѣе интеллигентными Резьянами. Такъ, напримѣръ, учительница мѣстнаго женскаго училища г-жа Джюсти, въ Раванцѣ, разговаривая со мною о трудностяхъ письменной передачи Резьянскихъ звуковъ, высказала, между прочимъ, мнѣніе, что «*ta úndjarska gramátika ba bila najbújša za naš langàč*» (Венгерское правописаніе было-бы самое подходящее для нашего языка) ³⁾.

Само собою разумѣется, что не всѣ Резьяне говорятъ на одномъ и томъ же говорѣ, и что, напротивъ, почти каждой мѣстности свойственъ особый, своеобразный говоръ. Сами Резьяне насчитываютъ десять слѣдующихъ видоизмѣненій своего роднаго нарѣчія: 1) въ Раванцѣ, 2) въ Крижацахъ, 3) въ Липовцѣ, 4) въ Бѣлой, 5) въ Нивѣ, 6) въ Гоздѣ, 7) въ Лыщацахъ, 8) въ Осояхъ, 9) въ Учѣ, 10) въ Столбицѣ. Но не всѣ видоизмѣненія одинаково важны и значительны. Всѣ они сводятся къ четыремъ главнымъ типамъ,

¹⁾ См. «Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ», §§ 49—73.

²⁾ *Ib.*, § 296.

³⁾ Не лишено интереса приведенное мною выше утвержденіе Джемонскаго адвоката Даймодо, сообщенное графомъ Поточницъ въ его запискѣ о Гезьянской долині, а именно: что Резьяне происходятъ изъ семьи какого-то одного человека изъ свиты Аттилы.

различающимися въ значительной степени другъ отъ друга, а именно—въ говорамъ: 1) Липовско-Бѣльскому, 2) Нивскому, 3) Столбицкому и 4) Осойско-Учъярскому. Кромѣ того, нѣкоторыя общія черты роднять между собою говоры Нивскій и Столбицкій, въ противоположность двумъ остальнымъ.

Такъ какъ центральная Резьянская мѣстность, Раванца, составлена изъ выселенцевъ изъ Бѣлой, изъ Столбицы и изъ Нивы, то и говоръ, свойственный ея жителямъ, имѣетъ смѣшанный характеръ: въ немъ есть черты Бѣльскаго, Столбицкаго и Нивскаго говоромъ, но самостоятельныхъ, исключительно Раванскихъ чертъ, можно сказать, вовсе не имѣется. Сверхъ того, нѣкоторые недавно переселившіеся жители Раванцы говорятъ просто по Липовско-Бѣльски, другіе по-Столбицки, иные опять по-Нивски и т. д.

Характеристическія черты отдѣльныхъ Резьянскихъ говоромъ разобраны довольно подробно въ §§ 284—289 и въ §§ 297—298 моего «Опыта фонетики Резьянскихъ говоромъ», куда я и отсылаю любопытныхъ, ограничиваясь здѣсь этою общеою замѣткой. Тѣмъ не менѣе я позволю себѣ обратить вниманіе на одно обстоятельство, весьма важное не только въ лингвистическомъ, но и вообще въ этнографическомъ отношеніи. Это обстоятельство состоитъ въ слѣдующемъ:

Между тремя группами Резьянскихъ говоромъ, группою Липовско-Бѣльскою, Нивско-Столбицею и Осойско-Учъярскою, имѣются различія, слишкомъ значительныя для того, чтобы можно было объяснить ихъ однимъ только своеобразнымъ развитіемъ одного и того же общаго когда-то всѣмъ Резьянамъ цѣльнаго говора. Такъ, на примѣръ, между Нивою и Осоянами меньше чѣмъ 1½ версты (не больше 10-ти минутъ) разстоянія, при чемъ они не раздѣлены ни рѣкою, ни горою, ни какою бы то ни было естественною преградой, а однако же между говорами жителей той и другой мѣстности мы видимъ относительно-громадное различіе. Подобныя различія я объясняю себѣ тѣмъ, что теперешнее Резьянское племя составилось изъ частей нѣсколькихъ Славянскихъ племенъ уже въ то время отличавшихся извѣстными, хотя и незначительными, діалектическими особенностями, и затѣмъ подвергшихся одинаковому инородческому, и именно Туранскому, вліянію.

Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи Бѣльскій или Липовско-Бѣльскій говоръ, стоящій особнякомъ между всѣми остальными и выказывающій совершенно своеобразныя фонетическія черты, какъ со стороны чисто-Славянскихъ особенностей, такъ и со сто-

роны предполагаемаго мною Туранскаго вліянія, выразившагося, главнымъ образомъ, въ гармоніи (созвучіи) гласныхъ. Темъ не гласные и основанная на ихъ противоположности гласнымъ яснымъ гармонія гласныхъ проявляются въ Бѣльскомъ говорѣ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ другихъ Резвянскихъ говорахъ. Поэтому мнѣ кажется, что предполагаемое мною чужое вліяніе только слегка коснулось Бѣльскаго говора, и не отпечатлѣлось въ его звуковомъ составѣ такъ сильно, какъ въ звуковомъ составѣ другихъ говоровъ. Это слѣдуетъ объяснить или тѣмъ, что процентъ предполагаемыхъ иноплеменниковъ былъ въ Бѣлѣ меньше, нежели въ остальныхъ деревняхъ, или же тѣмъ, что предки теперешнихъ обитателей Бѣлы поселились въ Резвѣ позже, чѣмъ остальные Резвяне, и, принеся съ собою уже съ самого начала существенно различное нарѣчіе, какъ будто бы только немножко заразились отъ прочихъ говоровъ привитою имъ чужою болѣзнію. Это послѣднее предположеніе кажется очень вѣроятнымъ въ виду того, что Бѣла лежитъ собственно у входа въ обитаемое пространство Резвянской долины, пользуется же пастбищами («полонинами», «планинами») самыми отдаленными и, стало-быть, самыми неудобными, расположенными по обѣимъ сторонамъ Учейской котловины какъ-то: Межами, Расухой, Испичею, Таморомъ и т. д., тогда какъ всѣ болѣе близкія и болѣе удобныя пастбища, Нивица, Карница и др., заняты жителями Нивы и другихъ деревень. Несправедливость подобнаго раздѣла сознается всѣми Резвянами и, даже, для ея оправданія, существуетъ преданіе, съ которымъ я постараюсь ознакомить читателей.

Приблизительно на половинѣ дороги, ведущей изъ Нивы на полонину Карницу, стоитъ большій камень, приспособленный къ тому, чтобы на немъ можно было удобно усясться и отдохнуть. И въ самомъ дѣлѣ: всѣ или взбирающіеся на полонины, или же спускающіеся въ долину, останавливаются въ этомъ мѣстѣ, и отдыхаютъ, чтобы запастись силами для дальнѣйшаго путешествія. Оттого этому мѣсту и присвоено названіе Почивалица (Počiwálca, Ručiwálca). Все это, конечно, не представляетъ ничего особеннаго. Но на лицевой (обращенной къ тропинкѣ) сторонѣ этого камня, по обѣимъ краямъ его, вырѣзаны два креста, наклоненные къ горизонтальной линіи болѣе или менѣе подъ 45°, и обращенные другъ къ другу верхушками. Когда и кѣмъ были вырѣзаны эти кресты неизвѣстно. Только въ устномъ преданіи живетъ слѣдую-

щее объясненіе ихъ происхожденія, которое я сообщу въ двухъ вариантахъ.

1) «Въ древнія времена, когда только Резья начала населяться, были два брата: у одного былъ домъ въ Бѣлой, у другаго же въ Нивѣ. У нихъ завязался въ гостинницѣ споръ (kontrášt) изъ-за полонины. Такъ какъ они не могли согласиться на счетъ этой полонины, то и условились, въ пьяномъ видѣ, что тотъ, кто на слѣдующее утро встанетъ раньше и въ извѣстномъ мѣстѣ и на извѣстномъ камнѣ сдѣлаетъ крестъ, тотъ и завладѣетъ первою, лучшею полониною на Карницѣ. На слѣдующее утро (zútra dín), когда Бѣльскій братъ пришелъ на условленное мѣсто, онъ засталъ тамъ Нивскаго брата, успѣвшаго уже сдѣлать крестъ на камнѣ. Такимъ образомъ Нивскій братъ получилъ первую, ближайшую полонину, Карницу».

2) «У Крестовъ («при Крижахъ», ta dólœe par Križih) (другое названіе Почивалицы) въ древнія времена были два брата, одинъ Бѣльскій (te bíski), другой — Нивскій (te nývašku и т. п.). Они условились (tö sa gumunýlö), что тотъ, кто встанетъ раньше, долженъ сдѣлать крестъ (križ) на камнѣ (töu jiti pitjè). Нивскій всталъ раньше (böj zhúda), и, когда Бѣльскій пришелъ, Нивскій уже сдѣлалъ крестъ. И первый крестъ завладѣлъ первою полониною, второй же крестъ — второю полониною (to sohónt planýno). Первая полонина носитъ названіе Карницы, вторая же — Учьи или же Тамора. Эти два брата были, вмѣстѣ съ тѣмъ, двумя первыми Резьянами.

Въ связи съ этимъ преданіемъ находится тоже преданіе (легенда) о мѣстности Господница, которое отчасти сообщено выше при исчисленіи населенныхъ и ненаселенныхъ мѣстностей и урочищъ Резьи, отчасти же будетъ приведено послѣ, гдѣ я вообще говорю о преданіяхъ и сказаніяхъ, касающихся происхожденія и исторіи Резьянъ.

Замѣчательно и, можетъ быть, не лишено значенія для вопроса о разноплеменности Резьянъ то обстоятельство, что деревнѣ Бѣлой присвоено тоже названіе Весъ (töu Wasè), то есть деревня по преимуществу, тогда какъ остальнымъ деревнямъ совершенно чуждо упомянутое названіе. Только еще одну часть деревни Столбица зовутъ тоже Весъ.

Какъ бы то ни было, я думаю, что уже одни чисто лингвистическія соображенія даютъ мнѣ право сдѣлать слѣдующій гипотетическій выводъ:

Резьянскую долину, вмѣстѣ съ частью Учейской котловины, населяютъ три различныя, изъ разныхъ мѣстностей и, можетъ быть, даже въ разное время пришедшія Славянскія племена. Одному изъ нихъ свойственъ Бѣльскій говоръ съ его видоизмѣненіями. Второе племя населяетъ Ниву, Столбицу и т. д. Наконецъ, третьему племени обязаны своимъ происхожденіемъ Осояне, Учья и т. д. Общія различія между свойственными этимъ племенамъ говорами должны были быть въ началѣ даже больше, чѣмъ въ настоящее время, или, по крайней мѣрѣ, они носили въ себѣ зародыши гораздо бѣльшихъ различій. Но эти различія были сглажены, съ одной стороны, одинаковымъ чужимъ, Туранскимъ или т. п., вліяніемъ, придавшимъ всѣмъ Резьянскимъ говорамъ отпечатокъ одной общей индивидуальности, съ другой же стороны постоянными взаимными сношеніями, географическою общностью и чутьемъ принадлежности къ одному и тому же Резьянскому племени, считающему самими Резьянами чѣмъ-то совершенно особымъ, въ противоположность какъ Романскимъ, такъ же точно и Славянскимъ, непосредственно съ ними соприкасающимся племенамъ ¹⁾.

Даворинъ (Мартынъ) Търстенякъ (Davorin Trstenjak), въ упомянутой выше рецензіи моихъ сочиненіяхъ о Резьянскихъ говорахъ ²⁾, соглашаясь вполнѣ съ этимъ моимъ выводомъ, прибавляетъ къ нему еще слѣдующее предположеніе:

«Я объяснилъ бы себѣ это обстоятельство такимъ образомъ: въ этой мѣстности (то есть въ Резьѣ) живутъ соединенные остатки древнихъ Венетовъ, древнихъ Славянскихъ Норичанъ и Хорватско-Сербскихъ отрядовъ, прибывшихъ туда въ VI-мъ столѣтіи послѣ Рождества Христова. Вѣдь самъ авторъ утверждаетъ, что Славянскіе обитатели Джемонскаго, Тарчентскаго и Чивидальскаго уѣздовъ принадлежать не къ Словенскому, но къ Сербо-Хорватскому племени, и именно къ его западной, приморской или Чакавской отрасли. Точно также въ св.-Петровскомъ уѣздѣ авторъ нашелъ Сербо-Хорватскій говоръ, подвергшійся, однакожъ, вліянію Словенскаго языка».

Это предположеніе Търстеняка заходитъ слишкомъ далеко, называя по имени Славянскія племена, населившія будто бы Резьянскую долину. Кромѣ того, Търстенякъ ставитъ въ этомъ случаѣ исходною точкою совершенно неизвѣстныя и неопредѣленныя вели-

¹⁾ Ср. «Опытъ оонетии Резьянскихъ говоровъ», §. 299 и § 300. (Положенія).

²⁾ Въ Словенскомъ журналѣ «Z o ga», № 7, 1 апрѣля 1876 года.

чины. Такими неизвѣстными и неопредѣленными величинами являются здѣсь «древніе Венеты» и «древніе Славянскіе Норичане». Прежде всего слѣдуетъ доказать, что Венеты и Норичане были Славянами, и доказать это неоспоримыми фактами и безукоризненно-точными дедуктивными соображеніями. Затѣмъ нужно показать, съ какимъ изъ извѣстныхъ Славянскихъ племенъ находились въ ближайшемъ этнографическомъ родствѣ упомянутые Венеты и Норичане, и какими свойствами отличались языки и нарѣчія, на которыхъ они говорили. Только когда все это будетъ сдѣлано, можно будетъ вводить въ кругъ лингвистическихъ и этнографическихъ изслѣдованій признанные Славянскими Венетскіе и Норичскіе языки и племена. Пока же слѣдуетъ довольствоваться отрицательными выводами и совершенно общими, неопредѣленными гипотезами и предположеніями.

Вообще можно замѣтить, что тѣ края, въ составъ которыхъ входитъ Резья, принадлежать къ самымъ интереснымъ въ этнографическомъ и этнологическомъ отношеніи. Здѣсь несомнѣнно происходили различныя разновременныя наслоенія одноплеменныхъ народовъ, прежде всего—Славянскихъ. Здѣсь смѣшенія и скрещиванія разнородныхъ этнографическихъ элементовъ могли дать начало такъ-называемымъ смѣшаннымъ національностямъ и языкамъ ³⁾).

Возвращаясь еще къ спеціальному вопросу разноплеменности Резьянъ и разнообразія Резьянскихъ говоровъ, считаю нелишнимъ привести мнѣніе самихъ Резьянъ объ ихъ отдѣльныхъ говорахъ. И такъ, между прочимъ, Бѣльскій говоръ они считаютъ самымъ чистымъ, и утверждаютъ, что онъ болѣе всѣхъ прочихъ годится для письменнаго употребленія. Нивскій же говоръ, отличающійся особенною мягкостью и своеобразною шепеляватостью, считается самымъ элегантнымъ и, вслѣдствіе этого, является-де самымъ пригоднымъ для разговора: устранивъ изъ него только одинъ звукъ (носовое *e*), можно бы, по мнѣнію нѣкоторыхъ Резьянъ, пользоваться имъ, какъ общимъ разговорнымъ языкомъ всей Резьи.

Съ разнообразіемъ Резьянскихъ говоровъ связанъ мѣстный, деревенскій патриотизмъ и взаимныя насмѣшки жителей отдѣльныхъ деревень. Въ каждой деревнѣ думаютъ, что они говорятъ лучше всѣхъ остальныхъ; хотя, впрочемъ, напримѣръ, Петръ Голянда считалъ свой родной, Осойско-Учейскій говоръ самымъ «грубымъ». Довольно часты взаимныя обвиненія жителей отдѣльныхъ деревень

³⁾ Ср. «Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ», § 300, Положеніе 2.

въ невнятномъ произношеніи, и т. д. Въ Нивѣ мнѣ довелось слушать слѣдующее изреченіе: «ti šölbaški gumuníjo rúšpšh, ánu ti nívaški gumuníjo dölč, mílna bisída» (жители Столбицы говорятъ грубо, неотесанно, а жители Нивы говорятъ нѣжно, съ пріятнымъ произношеніемъ).

Что касается легкости усвоенія себѣ чужихъ языковъ, жители Нивы и Бѣлой слывуть, какъ лучше остальныхъ говорящіе по-Нѣмецки; по-Итальянски и по Фурлански легче всего выучиться-де жителямъ Столбицы; наконецъ, жители Осоянъ не въ состояніи будтобы выучиться правильно говорить по-Нѣмецки, но зато они легче всѣхъ прочихъ усваиваютъ себѣ Словенскій языкъ.

О различіи общаго типа фізіономій въ отдѣльныхъ деревняхъ я говорилъ выше.

Фонетическія особенности Резьянскихъ говоровъ изложены мною въ «Опытѣ фонетики Резьянскихъ говоровъ». На нѣкоторые же особенности морфологическія (склоненіе, спряженіе и образованіе словъ) и синтаксическія я указываю въ «Резьянскомъ Катихизисѣ». Поэтому, отсылая къ названнымъ сочиненіямъ всѣхъ тѣхъ, кто интересуется подобными вопросами ¹⁾, считаю излишнимъ сказать и здѣсь нѣсколько словъ объ отличительныхъ свойствахъ Резьянскихъ говоровъ, и, такимъ образомъ, хотя-бы только въ самыхъ

¹⁾ Для того, чтобы дать руководящую нить при употребленіи этихъ двухъ книгъ, я позволю себѣ указать на слѣдующія ихъ стороны: «Новыя, прежде неизвѣстныя подробности можно найти въ каждомъ §-в «Опыта фонетики Резьянскихъ говоровъ», такъ какъ помѣщенное въ немъ изслѣдованіе основано на матеріалѣ, о которомъ ученые, изучающіе Славянскіе языки и нарѣчія, имѣли только весьма смутное и неопредѣленное понятіе. О нѣкоторыхъ спеціально-Резьянскихъ звукахъ и различіяхъ звуковъ говорится въ §§ 11, 12, 18, 29 и т. д. Раздѣленіе согласныхъ на новыя началахъ даетъ § 1.—Новые способы объясненія нѣкоторыхъ фонетическихъ явленій, измѣненій и соотвѣтствій звуковъ и т. п. сообщены въ §§ 22, 30—32, 74—76, 77, 79, 83 (ср. дополненіе на стр. 127), 88, 89 слѣд., 100, 103, 124, 128, 129, 249, 260 и т. д. Въ области гласныхъ новымъ является сопоставленіе качественныхъ измѣненій и различій гласныхъ съ разными отгѣнками Сербо-Хорватскаго ударенія и долготы (§§ 104 слѣд.). Законы Резьянскаго ударенія сообщены въ §§ 151—168, законы, касающіеся преимущественно отношеній долготы и краткости,—въ §§ 195—205, интересный случай такъ-называемаго подъема гласныхъ въ § 210 и т. д. Фактъ гармоніи (совзвучія) гласныхъ, придающей Резьянскимъ говорамъ свой особый отпечатокъ, въ противоположность вѣмъ остальнымъ нарѣчіямъ Славянскимъ, изложенъ въ §§ 211—248 (ср. тоже дополненіе на стр. 128). Взаіемныя аналогіи и народнаго словопроизводства объясняются разными звуковыя явленія въ §§ 267—283. Общимъ выводамъ посвящены §§ 284—299. Новые взгляды на этнографическое родство другихъ Славянъ сѣверной Италіи и т. д., на классификацію языковъ вообще и т. д. можно читать въ § 300, то-есть, въ «Положеніяхъ».

общихъ чертахъ, познакомить съ ними читателей, которые никогда не заглянуть ни въ «Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ», ни въ «Резьянскій Катихизисъ». Сверхъ того, мнѣ хочется сообщить здѣсь нѣсколько данныхъ, о которыхъ я вовсе не упоминаю въ названныхъ только-что сочиненіяхъ, и которыя отчасти не лишены интереса даже для образованной публики вообще, потому что они затрогиваютъ психическую, историческую и такъ-называемую бытовую сторону жизни Резьянскаго народа. Вслѣдствіе этого, сообщаемыя здѣсь лингвистическія подробности распадутся на двѣ части: одні изъ нихъ являются только извлеченіемъ изъ напечатаннаго уже въ «Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ», другія же не были еще вовсе обнаружены. Къ первой категоріи принадлежит коротенькая табличка Резьянскихъ звуковъ съ показаніемъ ихъ произношенія въ Русской транскрипціи и, по крайней мѣрѣ, при нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ фізіологическимъ объясненіемъ этого произношенія, ко второй же—все остальное.

I. ТАБЛИЦА РЕЗЬЯНСКИХЪ ЗВУКОВЪ.

1. СОГЛАСНЫЕ.

p произносится болѣе или менѣе какъ Русское *п*.

b » » » » » » *б*.

m » » » » » » *м*.

w есть чистое губное *v* (Русское *в*), выражаемое точно такъ же, то-есть, буквою *w*, между прочимъ, въ Англійскомъ алфавитѣ.

f произносится болѣе или менѣе какъ Русское *ф*.

v » » » » » » *в*.

t » » » » » » *т*.

d » » » » » » *д*.

n » » » » » » *н*.

s » » » » » » *с*.

z » » » » » » *з*.

r » » » » » » *р*.

l является среднимъ, ни твердымъ, ни мягкимъ согласнымъ. Такое *l* свойственно Романскимъ и Германскимъ нарѣчіямъ вообще, а въ Славянской области говорамъ Сербо-Хорватскимъ, Крайно-Словенскимъ, живущимъ вблизи Романскаго племени, Чешскимъ почти исключительно и т. д. Въ Резьянскихъ говорахъ нѣтъ ни твердаго Русскаго *лз*, ни мягкаго Русскаго *лз*.

k произносится болѣе или менѣе какъ Русское *к*.

g » » » » » » *г*.

š » » » » » » *ш*.

ž » » » » » » *ж*.

j » » » » » Сербское, Хорватское,

Чешское, Польское и т. д. *j* (Русское *й* или же *я*, *е*, *ю* и т. д., на сколько этими буквами обозначается въ началѣ слоговъ сочетание именно этого согласнаго *j* съ гласными *а*, *э*, *у* и т. д.).

tj (въ «Опытѣ фонетики Резьян. гов.» *ћ*) произносится болѣе или менѣе какъ Сербское *ћ* (Хорватское *с*) то-есть, нѣчто среднее между *тѣ* и *чѣ*, впрочемъ ближе къ *тѣ*, нежели *чѣ*).

dj (въ «Опытѣ фонетики Резьян. гов.» *ђ*) произносится болѣе или менѣе какъ Сербское *ђ* (Хорватское *ѣ* или *џ*) то-есть, нѣчто среднее между *дѣ* и *џѣ*, впрочемъ, ближе къ *дѣ*, нежели къ *џѣ*.

Оба эти согласные, *tj* и *dj*, произносятся совершенно такъ же, какъ соотвѣтствующіе имъ согласные западно-Сербскихъ (преимущественно же «чакавскихъ») говоровъ (обозначаемые въ Сербскомъ алфавитѣ черезъ *ћ* и *ђ*, въ Хорватскомъ же черезъ *с* и *ѣ* или *џ*). Сущность этого произношенія состоитъ въ томъ, что одновременно съ уложеніемъ языка, свойственнымъ согласному *j*, на переднемъ краѣ этого поверхностнаго приближенія передней части языка къ нёбу образуется линейное сжатіе или закрытіе (замнутіе), производящее само по себѣ нѣчто въ родѣ *t* или же *d*. Слѣдовательно, это мягкое *t* или же *d*, входящее въ составъ *tj* или же *dj*, не есть обыкновенное Резьянское *t* или же *d*, образуемое концемъ языка, но *t* или же *d*, порождаемое сближеніемъ передняго края средней поверхности языка съ нёбомъ.

n произносится болѣе или менѣе какъ Русское мягкое *н* или *нь*, Сербское *њ* (Хорватское *њ*), Польское *ń* и т. д.

h Резьянскихъ говоровъ не есть ни Русское *х* (обозначаемое въ азбукахъ Нѣмецкой, Чешской, Польской и т. д. сочетаніемъ буквъ *ch*, въ Хорватской же и Словинской—буквою *h*), ни мало-Русское *і* (въ Чешской азбукѣ *h*), но чисто зѣвное придыханіе (*spiritus*), въ томъ же родѣ, какъ Нѣмецкое *h* или же Французское «*h aspiré*». Но способъ произношенія этого Резьянскаго *h* разнится отъ способа произношенія Нѣмецкаго и Французскаго. Однакожь, я не могу сказать, въ чемъ состоитъ эта разница, такъ какъ это есть именно единственный Резьянскій согласный, не со-всѣмъ понятный для меня.

c произносится болѣе или менѣе какъ Русское *ц*.

č " " " " " " ч.

dž (въ «Опытѣ фонет. Резьян. гов.» *ž*) (только въ иностранныхъ словахъ) произносится болѣе или менѣе, какъ *жд*, то-есть, какъ Русское *ж* въ словахъ *ѣзжу*, *поѣзжай*, *разѣзжать* и т. п., или какъ Польское *dž* въ *jeżdże*, *drożdże* и т. д., то-есть, оно находится точно въ такомъ же отношеніи къ *č* (*ч*), въ какомъ находятся *š* (*ш*) къ *ž* (*ж*), *s* (*с*) къ *z* (*з*), и т. п.

dž (тоже только въ иностранныхъ словахъ) произносится болѣе или менѣе какъ *дз* (но совершенно слитно); это есть звонкій согласный для глухаго *c* (*ц*) распадаются, прежде всего, на два отдѣла, ясные или звонкіе и темные или глухіе. Между ясными можно различать чистые и носовый.

2. Гласные.

Ясными (звонкими) чистыми являются *a*, *o*, *e*, *u*, *i*,

Яснымъ носовымъ " *ě*,

Темными (глухими) " *ö*, *œ*, *ü*, *y*.

Гласные ясные чистые (*a*, *o*, *e*, *u*, *i*) не требуютъ ни какого объясненія. Они болѣе или менѣе тождественны съ гласными другихъ Славянскихъ нарѣчій, обозначаемыми въ Латино-Славянскомъ алфавитѣ тѣми же буквами. Въ Русской транскрипціи ихъ можно бы передать начертаніями *a*, *o*, *э*, *y*, *и* или *i* (но безъ выраженія смягченія предшествующаго согласнаго, или же безъ выраженія сочетающагося съ гласнымъ *i* согласнаго *j* или даже *и* (въ сочетаніи, напримѣръ, съ предшествующимъ *ц* или т. п.).

Носовый гласный *ě* свойственъ одному только Нивскому говору, и развился въ немъ подъ вліяніемъ согласныхъ *m*, *n* или *ñ*. Но этотъ носовой гласный не принадлежитъ вовсе къ категоріи носовыхъ гласныхъ свойственнымъ, напримѣръ, языкамъ Польскому и Французскому. Французскіе или же Польскіе носовые гласные начинаются чистымъ гласнымъ, который, затѣмъ, сопровождается носовымъ отзвукомъ, длящимся иногда еще послѣ уничтоженія гласнаго раствора и въ сочетаніи со слѣдующими взрывными согласными, развивающимся въ настоящій носовой согласный *m* (*м*), *n* (*н*) и т. д. Напротивъ того, носовой отзвукъ, свойственный Резьянскому *ě*, начинается и оканчивается вмѣстѣ съ составляющимъ его гласную сущность чисто-гласнымъ элементомъ *e*.

Темные или глухіе гласные *ö*, *œ* (въ «Опытѣ фонетики Резьянскихъ говоровъ» для него придуманъ особый знакъ, состоящій изъ слитія въ одно начертаніе начертаній *o* и *e*, то-есть, *œ*)

й, у, составляютъ главную трудность Резьянской фонетики. Я не въ состояннн описать съ надлежащею точностью физиологическія условія, результатомъ которыхъ являются эти звуки, и долженъ ограничиться слѣдующими, далеко не удовлетворительными соображеніями:

Во время произношенія этихъ гласныхъ кадыкъ (Адамово яблоко) опускается по возможности ниже, вся гортань удлинняется и напрягается, а конецъ языка высовывается впередъ между верхними и нижними зубами. Отъ такого своеобразнаго уложенія гортани и своеобразнаго напряженія голосовыхъ связокъ происходитъ тотъ глухой звукъ, который всѣмъ этимъ гласнымъ придаетъ характеръ гласныхъ, произносимыхъ глухонѣмыми. И въ самомъ дѣлѣ: слыша Резьянъ изъ далека и не будучи прежде ознакомленнымъ съ ихъ языкомъ, можно иногда подумать, что это говорятъ глухонѣмые. Отъ высовыванія же конца языка между обоими рядами зубовъ зависитъ тотъ особенный оттѣнокъ англійскаго *th* или ново-Греческаго *ð*, свойственный согласнымъ сочетающимся съ разсматриваемыми здѣсь гласными. Противовѣсъ этимъ низкимъ, темнымъ, глухимъ гласнымъ составляютъ обыкновенные гласные чистые, при которыхъ кадыкъ только немного удаляется отъ нормальнаго своего положенія, языкъ же не совершаетъ никакихъ особенныхъ движеній. Если смотрѣть на шею говорящаго Резьянина, можно замѣтить постоянный переходъ отъ возможно глубокаго опущенія кадыка къ его относительно высокому поднятію. На противоположности этихъ двухъ категорій гласныхъ, ясныхъ (звонкихъ) и темныхъ (глухихъ), основана, между прочимъ, характеристическая фонетическая черта Резьянскихъ говоровъ, гармонія (созвучіе) гласныхъ, о которой я говорилъ, разбирая вопросъ о происхожденіи Резьянскаго народа.

Что касается темныхъ гласныхъ въ отдѣльности, то, кромѣ только-что описаннаго общаго имъ всѣмъ уложенія кадыка и языка, они образуются слѣдующими растворами полости рта:

ö растворомъ, свойственнымъ приблизительно Нѣмецкому *ö* или же Французскому *eu*.

æ растворомъ, среднимъ между уложеніемъ полости рта для *e* и *ea* уложеніемъ для *o*, но болѣе близкимъ къ *e*, нежели къ *o*.

ü растворомъ Нѣмецкаго *ü* или же, еще точнѣе, Французскаго *u*, наконецъ

u растворомъ гласнаго *i*, образуемаго, между прочемъ, сближеніемъ задней части языка и нѣба, то-есть, растворомъ съ уложеніемъ губъ, какъ для *i*, и уложеніемъ языка, какъ для *u* (*y*);

вслѣдствіе этого Резьянскій гласный *у* смахиваетъ въ этомъ отношеніи на Русскій *ы*.

Разумѣется, что описанные здѣсь основные гласные моменты далеко не исчерпываютъ всего богатства разныхъ качественныхъ оттѣнковъ гласныхъ, существующихъ въ самомъ дѣлѣ въ Резьянскихъ говорахъ. Съ одной стороны, въ одномъ и томъ же говорѣ слышны разныя болѣе или менѣе значительныя видоизмѣненія основныхъ гласныхъ, или, разные переходные гласные, съ другой же стороны, одинъ и тотъ же гласный разнообразится въ отдѣльныхъ говорахъ. Къ первой категоріи принадлежатъ, на примѣръ, широкое, среднее и узкое *е*, широкое, среднее и узкое *о* и т. п., встрѣчаемые рядомъ въ одномъ и томъ же говорѣ, и т. д. Ко второй категоріи, слѣдуетъ причислить, между прочимъ, тотъ фактъ, что въ Бѣльскомъ говорѣ характеристическіе Резьянскіе гласные далеко не такъ выразительны, какъ въ другихъ говорахъ, въ особенности же въ Осойско-Учейскомъ и т. д.

Кромѣ качественныхъ различій и оттѣнковъ Резьянскихъ гласныхъ необходимо принимать во вниманіе и ихъ различія и оттѣнки количественные, состоящіе или въ противоположности долготы и краткости, то-есть, въ противоположности болѣе краткаго и болѣе продолжительнаго произношенія, или же въ противоположности гласныхъ ударенныхъ и неударенныхъ, то-есть, въ произношеніи нѣкоторыхъ слоговъ съ болѣшимъ напряженіемъ, нежели другихъ.

Для обозначенія разныхъ оттѣнковъ ударенія и временнаго количества гласныхъ, я принялъ слѣдующіе знаки:

˘ (напримѣръ, а̇, е̇, і̇ и т. д.) рѣшительно краткое, отрывистое, усѣченное удареніе,

ˆ (напримѣръ, â, ê, î и т. д.)—рѣшительно долгій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ударенный гласный,

ˊ (напримѣръ, á, é, í и т. д.) обозначаетъ вообще удареніе, но, относительно количества, я не могу въ данномъ случаѣ сказать, есть ли такъ обозначенный гласный долгъ, или же кратокъ.

II. Нѣкоторыя особенности Резьянскихъ говоровъ и Резьянской рѣчи вообще, неупомянутыя ни въ «Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ», ни въ «Резьянскомъ Катихизисѣ».

1. Особенности, характеризующія, главнымъ образомъ, міросозерцаніе и вообще психическую сторону жизни Резьянскаго народа.

а) Цвѣта голубой вмѣстѣ съ синимъ и зеленымъ не различаются въ Резьянскихъ говорахъ. Для нихъ существуетъ одно только общее слово, тождественное этимологически съ Русскимъ зеленымъ и съ соотвѣтствующими ему словами другихъ Славянскихъ языковъ, нарѣчій и говоровъ. О предметѣ голубомъ, синемъ или же зеленомъ, говорятъ въ неопредѣленной, существительной формѣ *zoeloèn* (мужескаго рода), *zalanà* (женскаго р.), *zoeloenö* (средняго р.), въ опредѣленной же формѣ *zoeloény* (муж.), *zoeloéna* (жен.), *zoeloénö* (средн.). Если же хотять опредѣленно назвать цвѣтъ, свойственный атмосферѣ или небесному своду, тогда говорятъ «цвѣтъ воздуха» (*kölör di ájer*).

б) Какъ я уже выше замѣтилъ, географическія условія Резьянской долины и Учейской котловины заставляютъ Резьянъ говорить не о восхожденіи и закатѣ солнца въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, а только употреблять выраженія въ родѣ «солнце идетъ за гору» (*súnce gré za gögo*) и др. т. п.

в) Для отдѣльныхъ возрастовъ человѣческихъ существуютъ у Резьян особыя названія. Къ сожалѣнію, я не могу привести ихъ здѣсь, - потому что куда-то затерялъ листъ, на которомъ записалъ ихъ во время моего пребыванія въ Резьѣ. Помню только навѣрно, что мужчину между 20 и 30 годами называютъ «хорошимъ», красивымъ мужчиною (*lir muž*), послѣ же 30-ти лѣтъ, кажется, просто «мужиною» (*muž*).

г) Говоря о малыхъ дѣтяхъ, чаще называютъ мать, нежели отца. Такъ, напримѣръ, чаще можно слышать «сынъ моей невѣстки (жены брата)» (*mí kuháde sún*), нежели «сынъ моего брата» (*míha brátra sún*) и т. д. Такимъ образомъ, называя мать, а не отца, Резьяне никогда не рискуютъ сдѣлать ошибку. Подобное обозначеніе дѣтей не по отцу, а по матери было предлагаемо нѣсколько лѣтъ тому назадъ во Франціи, если не ошибаюсь, Эмилемъ Жиарденомъ. Еслибъ это предложеніе было принято и узаконено, въ такомъ случаѣ фамиліи переходили бы къ дѣтямъ не отъ отцевъ, но отъ матерей. Это въ высокой степени способствовало бы уничтоженію различія въ соціальномъ положеніи такъ-называемыхъ «законнорожденныхъ» и такъ-называемыхъ «незаконнорожденныхъ» дѣтей.

2. Особенности Резьянскихъ говоровъ, проливающихъ нѣкоторый свѣтъ на ихъ родственныя связи и отношенія къ другимъ нарѣчіямъ Славянскимъ.

а) На подобіе Крайно-Словенскихъ и многихъ преимущественно

западныхъ, Сербо-Хорватскихъ говоровъ, Резьянскимъ говорамъ, какъ въ склоненіи, такъ и въ спряженіи, свойственны особыя формы для двойственного числа, въ противоположность числу единственному и множественному.

б) Причастіе прошедшаго времени, играющее роль окончательнаго глагола (*verbum finitum*) того же времени (ср., напримѣръ, Русскія шелъ, шла, шло, плакалъ, плакала, плакало и т. п.), относясь къ существительному въ двойственномъ числѣ или же къ двумъ существительнымъ единственного числа, является въ формѣ не двойственного числа, но числа единственного среднего рода. Точно также и настоящій окончательный глаголъ (*verbum finitum*), согласуясь съ подобными существительными, равно какъ и мѣстоименіе, ихъ замѣняющее, ставятся въ единственномъ числѣ. Примѣры:

Въ сказкѣ о трехъ братьяхъ, сыновьяхъ больного царя, говорится о дѣйствіяхъ двухъ старшихъ братьевъ противъ младшаго:

Kóǵ to ga upǵánilo, tǵ mu zminilu wǵdo ánu djálo drúgo nǵtar; ánu tadij tǵ oe záplatilo uštǵrja, ánu to šlǵ, ánu náǵa to rǵstilu jǵtǵ. (Въ дословномъ переводѣ: Когда то его напоило, то ему подмѣнило воду и налило другой внутрь; и затѣмъ то заплатило трактирщику, и то шло, и его то оставило тамъ). (Въ настоящемъ переводѣ: Когда они его напоили, они подмѣнили ему воду и налили другой; затѣмъ они заплатили трактирщику, и ушли, оставивъ тамъ его, то-есть, младшаго брата).

Подобная постройка предложеній, сколько мнѣ извѣстно, свойственна тоже говорамъ южныхъ сосѣдей Резьянъ, то-есть, Сербо-Хорватовъ Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ. У Крайно-Словенцевъ нѣтъ ничего подобнаго: тамъ и глаголъ, и мѣстоименіе ставятся въ подобныхъ случаяхъ въ двойственномъ числѣ. Поэтому и нѣкоторые Резьянскіе старики, много путешествовавшіе по Крайно-Словенскимъ землямъ и, вслѣдствіе этого, подвергшіеся сильному Крайно-Словенскому вліянію, употребляютъ въ подобныхъ сочетаніяхъ словъ попеременно то свою родную, Резьянскую, то опять заимствованную, Крайно-Словенскую конструкцію, и говорятъ или «tǵ oe snǵtilo ohǵn» и т. п., или же «nǵsta snǵtǵla ohǵn» (они развели огонь).

в) Въ Резьянскихъ говорахъ живетъ до сихъ прошедшее простое, являющееся, съ формальной стороны, отраженіемъ старо-Славянскаго прошедшаго переходящаго (*imperfectum*), и въ послѣднее время подвергшееся, по крайней мѣрѣ, въ 1-мъ лицѣ, аналогіи

настоящаго. Прошедшее простое, соответствующее старо-Славянскому аористу, было, но исчезло; его скудные остатки отмечены мною въ «Резьянскомъ Катихизисѣ» (§ 327). Примѣры прошедшаго простаго Резьянскихъ говоровъ даетъ, напримѣръ, слѣдующій отрывокъ изъ сказки о больномъ царѣ и его трехъ сыновьяхъ:

па бо ё́шоє, ка́ па šíwaše, ма па нѣ мо́го ё́шоє šíwat jito ёго (Дословно: она была, какъ будто бы она шила, но она не могла шить въ тотъ часъ). (Или: она казалась шьющею, но она не могла шить въ то время).

Прошедшее простое теперь совершенно чуждо какъ Крайно-Словенскимъ говорамъ, такъ и говору св.-Петровскому сѣверной Италиі. Но зато оно встрѣчается въ говорахъ Сербо-Хорватскихъ, въ сѣверной же Италиі—у южныхъ сосѣдей Резьянъ, то-есть у Сербо-Хорватовъ Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ.

г) Будущее время (*futurum*) составляется въ Резьянскихъ говорахъ преимущественно съ глаголомъ *хочу* [ед. 1 *tjon*, 2 *tjoesh*, 3 *tjoe*, мн. 1 *tjoemð*, 2 *tjata* (говоря во многимъ) или *tjoetoð* (обращаясь почтительно къ одному лицу), 3 *tjejo*, *tjeo* или т. п., двойств. 1 *tjowà*, 2 3 *tjata*], напримѣръ, *ja tjón te ubuèt* и т. п. («я хочу тебя убить», то-есть: «я тебя убью»), на *tjòe prít* и т. п. («она хочетъ придти», то-есть, «она придетъ»), *to se tjòe ruvinàt* («это хочетъ испортиться», то-есть, «это испортится») и т. п. Подобное образованіе будущаго времени свойственно тоже говорамъ Сербо-Хорватовъ Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ, какъ и вообще всѣмъ Сербо-Хорватскимъ говорамъ. Въ говорахъ же Крайно-Словенскихъ и подвергшихся Крайно-Словенскому вліянію говорахъ св.-Петровцевъ господствуетъ исключительно будущее, составленное изъ глагола «буду» и т. д. и причастія прошедшаго времени (въ родѣ того, какъ если бы по-Русски сказать: «я буду писалъ», «онъ будетъ видѣлъ» и т. п., вмѣсто «я буду писать», «онъ будетъ видѣть» и т. д.). Въ этомъ отношеніи Крайно-Словенскіе говоры вполне сходны съ говорами Польскими, въ которыхъ имѣется точно такимъ же образомъ слагаемое будущее время.

д) Восклицательная частица *da!* (да!), повторяющаяся безъ всякаго опредѣленнаго значенія во многихъ Резьянскихъ пѣсняхъ, встрѣчается тоже въ пѣсняхъ другихъ Славянскихъ народовъ, между прочимъ, Поляковъ, Русскихъ и др.

3. Нѣкоторыя особенности Резьянской рѣчи, находящіяся, повидимому, въ связи съ исторіею Резьянскаго племени.

а) Достойны вниманія Резьянскія числительныя, преимущественно же сложные. Они бывают:

Во-первыхъ, простыя, тождественныя этимологически съ числительными другихъ Славянскихъ нарѣчій:

1. dan (муж.), dna, na (жен.), dnö, nö (средн.); 2. dwa (муж.), dvi (жен.); 3. trjî, trjju и т. п. (муж.), tri, try (муж., жен., средн.); 4. štîri; 5. pet; 6. šest, šejst и т. п.; 7. soëdan; 8. ôsan; 9. doëvat; 10. doësat; 100. stu и т. д.

Во-вторыхъ, съ 11—19, происшедшія изъ сложения простыхъ, 1—9, съ предлогомъ *na* (на) и съ числительнымъ 10:

11. dánajst, dânijst и т. п.; 12. dwánijst и т. п.; 13. trínijst и т. п.; 14. štírnijst и т. п.;

Въ-третьихъ, десятки, происшедшія точно также, какъ Русскія двадцать, тридцать и т. д., то-есть, изъ сопоставленія и затѣмъ плотнаго слитія числительныхъ два, три и т. д. и десяти.

20. dwájsti, dwújsti и т. п.; 30. trísti, triste и т. п. Сочетаніе этихъ числительныхъ съ единицами совершается съ помощью союза *anu*, *nu* (и), напимѣрь, dwújsti nu dän («двадцать и одинъ», 21), dwújsti nu doëvat (29), trísti nu pét (35) и т. п.

Въ-четвертыхъ, въ подобнаго рода сопоставленіяхъ или сложеніяхъ слово «десять» замѣняется словомъ «рядъ» (*red*). Такимъ образомъ произошли:

40. štrédi, štréde (сокращеніе изъ *štîri rédi, то-есть, «четыре ряда»); 50. paterdû («пять рядовъ»). Съ названіями единицъ эти числительныя сочетаются точно такъ же, какъ и предшествующая категория: štrédi nu dnö («сорокъ и одно», 41, средн. р.), paterdû nu dwá («пятьдесятъ и два», 52, муж. р.) и т. п.

Наконецъ—и это самая замѣчательная категория Резьянскихъ числительныхъ—названія двухъ чѣтныхъ или парныхъ десятковъ, 60 и 80, состоятъ изъ умноженія 20 и на 3 и 4. Стало-быть:

trikrat dwájsti, trikradwájsti, trikradwújsti, trikradwójsti и т. п. (дословно «три раза двадцать», то-есть, 60); štírikrat dwájsti, štírkradwójste и т. п. («четыре раза двадцать», 80).

Для выраженія числительныхъ съ 61 по 79 и съ 81 по 99, эти числительныя сочетаются, опять при помощи союза *anu*, *nu* (и), съ числительными 1—19, напимѣрь:

trikradwújsti nu dän («три раза двадцать и одинъ», 61), trikradwújsti nu ôsan («3 раза 20 и 8», 68), trikradwújsti nu doësat («3 раза 20 и 10», 70), trikradwújsti nu dwánijst («3 раза 20 и 12», 72), trikrat dwájsti anu ôsanajst, trikradwújsti nu ôsanijst («3 раза

20 и 18», 78), *štíkradwújste nu pét* («4 раза 20 и 5», 85), *štíkradwújste nu doèsat* («4 раза 20 и 10», 90), *štíkradwújsti nu òsanijst* («4 раза 20 и 18», 98) и т. п.

Кромѣ того, названія чиселъ, близкихъ къ 80 и 100, могутъ образоваться черезъ вычитаніе, напримѣръ: *štíkrat dwájsti mañi dwá* («4 раза менѣе 2», «4 раза 20 безъ 2-хъ», 78), *stù mañi dàn* («100 менѣе 1», «100 безъ 1-го», 99) и т. п.

Самую интересною является послѣдняя категорія, то-есть, категорія числительныхъ, отражающихъ въ себѣ не десятичный (десятичный), но вигезимальный (двадцатичный) способъ счисления. Происхожденіе Французскаго *quatre-vingts* (80), составленнаго на тѣхъ же началахъ, равно какъ и образованіе всѣхъ Французскихъ числительныхъ съ 61 — 99, служащихъ въ сущности выраженіемъ такого же взгляда на систему чиселъ (*soixante-dix* 70, *soixante-douze* 72, *soixante-dix-sept* 77, *soixante-dix-huit* 78, *soixante-dix-neuf* 79, *quatre-vingt-dix* 90, *quatre-vingt-quinze* 95 и т. д.), приписывается вліянію какого-то чужаго, не Романскаго, скорѣе всего, Кельтскаго языка. Весьма вѣроятно, что и Резьянскія числительныя, составленныя тѣмъ же способомъ, представляютъ слѣды какого нибудь чужаго вліянія. Не слѣдуетъ забывать, что именно въ этихъ мѣстахъ жили древніе Карны (*Carni*) и другія племена, черезъ отраженіе вліянія которыхъ на Романскую языковую почву произошли, по мнѣнію Асколи (*Ascoli*), нарѣчія такъ-называемой Латинской полосы (*Zona Ladina*), какъ-то: нарѣчія Гриджононъ въ Швейцаріи, Ладиновъ въ Тироли и Фриуланъ или Фурланъ въ сѣверо-восточной Италіи и граничащей съ нею Австрійской провинціи Горицъ (*Gorizia, Görz*).

Счисленіе по-Резьянски мало-по-малу выводится въ Резьѣ и замѣняется иностраннымъ. Только женщины и дѣти считаютъ еще преимущественно по-Резьянски; мужчины же по-Итальянски, или же по-Фурлански. «*My zladúwamò mákuj dárdu trísti po rozoánskih; dõpõ to hré po láskih*» (мы считаемъ только до тридцати по-Резьянски; затѣмъ это идетъ по-Фурлански), говорилъ мнѣ одинъ Резьянинъ. Но тѣмъ, не менѣе еще всѣ Резьяне знаютъ свои Резьянскія названія чиселъ.

Фурланизация и вообще романизация Резьянскихъ числительныхъ проявляется, сверхъ того, и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, числительныя *pet* (5), *šest* и т. п. (6), *soèdan* (7) и т. д. вовсе не склоняются и во всевозможныхъ сочетаніяхъ употребляются въ одной только этой окостенѣвшей формѣ. Точно такъ же не

склоняется числительное stû (100), все равно, стоит ли оно особнякомъ, или же входитъ въ составъ другихъ сотенъ (200, 300....), напримѣръ pét stû («пять сто», 500) òsan stû («восемь сто», 800) и т. п.

Впрочемъ, Резьянско-Славянское stû почти вовсе не употребляется и замѣняется усвоеннымъ изъ Романскихъ нарѣчій склоняемымъ существительнымъ čantanár. Въ особенности въ сложенияхъ съ единицами, выражающихъ слѣдующія сотни, господствуетъ почти исключительно это послѣднее, Романское по происхожденію, слово: dwá čantanárja (200), trí čantanárje и т. п. (300), pét čantanárju (500), òsan čantanárju (800) и т. п. Только старики прежнихъ временъ говорили tri stû (300), pet stû (500), òsan stû (800) и т. п. — «Тысячу» (1000) Резьяне называютъ Романскимъ словомъ mijár.

б) Во взаимныхъ поздравленіяхъ Резьянъ при встрѣчѣ другъ съ другомъ отражается, прежде всего, Латино-христіанское вліяніе, Одинъ изъ встрѣчающихся говорить «laudátu Iéžu Kríšto» (laudatus Iesus Christus), или «lobdátu zu Krýsto» или «š lodátu Djéžu Kríštu» (Итальянское: sia lodato Giesu Cristo), или «so lodá Djéžu Kríštu» или т. п. (пусть будетъ прославленъ Иисусъ Христосъ), а другой ему отвѣчаетъ: «sémpre sía lodátu», sémpre š laudátu», «sémpre ši lodátu», «sémpre šija lodátu», «sémpri š lodátu», «šo lodátu» или т. п. (Латинское semper sit laudatus, sit laudatus, Итальянское sempre sia lodato, sia lodato, пусть вѣчно будетъ прославленъ, пусть будетъ прославленъ). Къ этому часто прибавляютъ слово hòtar или т. п. (кумъ), hòtarčitj (куманекъ), или же hòtra (кума), hòtrica (кумушка) и т. п., напримѣръ: «laudátu Iéžu Kríšto, hòtar!» (прославленъ Иисусъ Христосъ, кумъ!), «sémpre sía lodátu, hòtar!» (вѣчно пусть будетъ прославленъ, кумъ!).

Въ новѣйшее время, вмѣсто этого христіанскаго привѣтствія, Резьяне стали употреблять обще-Итальянское bun dí! (buon buon giorno) (хорошій день) или т. п.

в) Резьянское названіе «священника», joègö, oègö, иностраннаго происхожденія. Оно обязано своимъ возникновеніемъ, по всей вѣроятности, или Греческому іерός (святой, Богу принадлежащій и т. п.), іереύς (жрецъ, священникъ) и т. д., или же Латинскому herus (хозяинъ, баринъ, господинъ). Въ пользу втораго предположенія говорить, во-первыхъ, удареніе, во-вторыхъ—отожествленіе въ одномъ словѣ представленій «господинъ» и «священникъ, напри-

мѣрь, у Крайно-Словенцевъ (gospod — «господинъ» и «ксендзь»). Если же Резьянское joëgö или oegö Греческаго происхожденія, въ такомъ случаѣ этотъ фактъ намекаетъ на сильное вліяніе Греческой цивилизаціи и Греческой церкви на нѣкоторые южно-Славянскія племена. Не лишено значенія то обстоятельство, что не только у Резьянъ, но и въ нѣкоторыхъ деревняхъ Джемонскаго и Тарчентскаго уѣздовъ (дистриктовъ) священника зовутъ jëgo.

г) Названія мѣсяцевъ у Резьянъ всѣ заимствованы: džanár (январь), fawjár (февраль), marč (мартъ), avrýl (апрѣль), maj (май), jón (июнь), šezeladör (июль), avóšt (августъ), setémber (сентябрь), otóber (октябрь), novémber (ноябрь), dečémber (декабрь).

д) Фамиліи Резьянъ, большею частью, чисто Итальянскія. Это, конечно, относительно происхожденія и этнографической принадлежности ничего не доказываетъ, и объясняется просто тѣмъ, что Резьяне приняли постоянныя, изъ рода въ родъ переходящія фамиліи во время Итальянскаго господства и подъ сильнымъ Итальянскимъ давленіемъ. Извѣстно, на примѣръ, что у громаднаго большинства Польскихъ Евреевъ фамиліи чисто Нѣмецкія. Это вовсе не доказываетъ, что будто бы Евреи въ этнографическомъ отношеніи ближе къ Нѣмцамъ, нежели къ Полякамъ, а только является результатомъ весьма позднихъ историческихъ событій: до паденія Польши, независимое Польское правительство совершенно равнодушно относилось къ Еврейскому населенію и не позаботилось о томъ, чтобы присвоить ему постоянныя, юридически-опредѣленныя фамиліи, такъ-что этотъ процессъ образованія Еврейскихъ фамилій совершился только уже послѣ раздѣла Польши, во время Нѣмецкаго, Прусскаго и Австрійскаго владычества. Для примѣра я приведу здѣсь нѣкоторые Резьянскія фамиліи въ томъ видѣ, какъ онѣ записаны въ книгахъ народонаселенія:

Barbarino, Bellina, Bortolotti, Buttolo, Brida, Bobaz, Beltrame. Billiani, Clemente, Colussi, Chinese, Copetti, Coss, Cuss, Di Biasio. Del Negro, Di Battista, Danelutto, Di Floreano, Di Lenardo, Falladore, Fabbri, Giusti, Gallizia, Lettig (Létitj), Longhino, Lach, Leonarduzzi, Micelli, Madotto, Moznich (Móčnik), Morandini, Naida (Nájda), Negro, Paletti, Pusca (Púška), Pantocco, Peresutti, Pielich, Piani, Piazza, Quaglia, Siega, Saria, Serna, Trancon, Valente, Zannetti, Zuzzi.....

е) Крѣстные имена Резьянъ тоже носятъ на себѣ отпечатокъ Итальянскаго и вообще Романскаго вліянія. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

Мужскія: Batèšt (Battista, Креститель), Вер (Верро), Coek (Francesco), Doméni или Doméne, или Méne (Domenico), Dürýh (Odorico), (Teodorico), Djénjo (Eugenio), Djildo (Ermenegildo), Džwan, уменьшит. Džwánčitj (Giovanni), Fydoèl и т. п. (Fidele), Filèc и т. п. (Felice), Groegör (Gregorio), Jákom, Jákom (Giacomo), Južéf (Giuseppe), Luídji (Luigi), Méni, Méne и т. п. (Domenico), Múndo (Sigismondo) Nácjo или Vináncjo (Venanzio), Pjoéry, Pjéri, Pjerín и т. п., уменьшит. Pjoérinčitj и т. п. (Pietro), Riko (Erico), Šandro (Alessandro), Šimún (Simone), Štífan (Stefano), Títe (Tito), Týta и т. п. Džwan, Tóni или Tóne (Antonio), Valantýn, Tenk, Týnac, Týnytj и т. п. (Valentino), Varóniko (Veronico), Vyt и т. п. (Vito), Vitör, Vitörjö (Vittore, Vittorio) и т. д.

Женскія: Agata (Agata), Ana и т. п. (Anna), Blankésa (Bianca, Bianchessa), Dalína (Nadalina), Djínja (Eugenia), Djuéla и т. п. (Gioella), Djudíta (Giuditta), Djuljana и т. п. (Giuliana), Džwána (Giovanna), Flaména или Filaména (Flaminia? Filomena), Karulína (Carolina), Katarýna и т. п. (Caterina), Léna (Elena), Luídja, Luýdja и т. п. (Luigia), Marija, Marýja, Marya и т. п., или Marjána и т. п. (Maria, Marianna), Mínka (Domenica), Páska (Pasqua), Pépa (Peppa?), Ridjínica (Regina), Terézja (Teresa), Týna и т. п. (Valentina), Vérdzina (Vergine?), Virdjínja, Verdjínja (Verginia) и т. д.

ж) Кроме общей фамилии и личных именъ, у каждой Резьянской семьи есть своя особая кличка или прозвище (sopragcognome), которое на официальном языкѣ сопровождается словомъ detto («сказанъ», «названъ», «по прозванію»), или detta (для женщинъ). Между прочимъ, въ общинѣ Бѣлой фамилія Barbaríno распадается по прозвищамъ на слѣдующія вѣтви: Baštján или tá per Baštjáno и т. п., tá p'r Gožáto и т. п., Húdac, Matjón, Matjáš, Mišin, Tjaljár, Ždraš или tá per Ždrašavih и т. д.; фамилія Bellína свойственно прозвище Paskulin или tá per Paskulinavih, фамилія Bortolótti—прозвища: Lúkez или tá per Lúkezavih, tá per Múniho и т. п., tá per Fadadéjowaven и т. п., tá per Tígaven, tá per Poéjину и т. п.; фамилія Búttolo — прозвища: tá per Gáždjinen, tá per Krášine и т. д.; фамилія Bobàs или Bóbac—прозвище: Ōboèd или tá per Ōboédu и т. п.; фамилія Klemente—tá per Kuzifrínu и т. п.; фамилія Kolúsi — tá per Matjášu; фамилія Bjázjo — прозвища: tá per Bajóte и т. п., tá per

Patúhu, tá per Grigurítje, tá per Fúku, tá per Mińnu; фамилиі Létitj—Wojávac или tá per Wojápcaven; фамилиі Longíno—прозвища: tá per Pecenígu, tá per Bargulínu, tá per Tjalabásu; фамилиі Mičéli—tá per Vecétu, tá per Tlítavih; фамилиі Nájda—прозвище tá per Marínu; фамилиі Paléti—tá per Múnihu, tá per Línitju, tá per Birtulavih; фамилиі Púška—tá per Tjoláte, или tá per Tjolátaven или Tjoláta, tá per Kécu; фамилиі Négro и Del Negro—tá per Kasíge; фамилиі Valénte—tá per Bobónu; фамилиі Dzanéti—прозвища: tá per Pelénu или tá per Pelénoven, tá per Samalínu, tá per Kopétu, tá per Lúje или Lúja, tá per Vagu или Vágo.....

Примѣры полного названія, состоящаго изъ имени, фамилиі и прозвища (влички): синдика (волостнаго старшину) зовутъ šjúr (изъ Фурланскаго sior, Итальян. signore, «господинъ») Doméniko Bútolo Sáša (официально Domenico Buttolo 'detto Sassa), секретаря волости (secretario municipale) Tóni Bútolo Gáždjin (или, ta per Gáždjinen) (официально Antonio Buttolo detto Gasdin), церковника въ Осоянахъ—Pjéri Delenárdi Holánda (или Holándin) (официально Pietro Di Lenardo detto Golanda), церковника въ Бѣлой—Groegör Bortolóti Lúkiž (или, Lúkež) (официально Gregorio Bortolotti detto Luchis), торговца фруктами, сообщившаго мнѣ рукописи Резьянскаго Катихизиса—Coèk Kopéti Kúndija (Francesco Copetti detto Cundia), викарія въ Платицахъ Тарчентскаго уѣзда, родомъ изъ Резьянской Бѣлы, Štífan Valénte Bobón (или Babón) (Don Stefano Valente detto Bobon), извѣстную разказчицу въ Столбицѣ Marýja Létitj Baštjánawa Maria Lettig detta Bastian) и т. п.

Въ обыденной жизни фамилиі обыкновенно не употребляются, и, говоря о какомъ нибудь Резьянинѣ или же Резьянкѣ, называютъ ихъ только по имени и прозвищу. Напримѣръ, Toni Pójda (Антонъ по прозванію Пойда), Vitör Hryha (Викторъ по прозванію Грига), A'na Čejna (Анна по прозванію Чейна), Luďja Čejna (Луиза по прозванію Чейна), Marýja Lísacawa (Марья по прозванію Лисацова или Лысацова) и т. п.

Въ 1873 году старѣйшіе люди Резьянской долины были слѣдующіе: Marýja di Bjázjo Pitjikésa (Maria di Biasio) (89 лѣтъ), Fortunat di Bjázjo Sjik (Fortunato di Biasio) (въ Бѣлой) (88 лѣтъ), Tóni Bútolo Hudíčánen (Antonio Buttolo) (въ Столбицѣ), Jákob Kartel (въ Столбицѣ) и т. д.

4. Резьянскія названія разныхъ народовъ, племенъ, странъ и мѣстностей—

могутъ иногда представлять интересъ или для лингвиста, или для этнографа, или же для историка, и поэтому я приведу здѣсь нѣкоторые изъ нихъ.

а) Названія племенъ, народовъ и странъ:

Benecân (Славянинъ Видемской или Удинской провинціи бывшаго Венеціанскаго королевства, а еще прежде Венеціанской республики, **кромѣ**, конечно, Резьянъ); отсюда *gimunit po benecânsko* (говорить на одномъ изъ Славянскихъ говоровъ б. Венеціанскаго королевства, **кромѣ**, конечно, говоровъ Резьянскихъ).

Cýngarje и т. п. (Цыганы).

Furlàn (Фурланъ, по-Итальянски *Friulano*), множ. ч. **Furlánave** и т. п. Ср. **Lah, Láski**.

Ingloéski и т. п. (Англійскій).

Karatàn (Хорутанія), мѣстн. пад. *tá wunó Karatáne* и т. п.

Kráñac (Крайнецъ, Словинецъ).

Lah (Влахъ, Фурланъ). Ср. **Furlàn**.

Láski (прилагательное, сдѣлавшееся существительнымъ) (Фурланъ, иногда тоже Италианецъ), родит. пад. ед. ч. *Láskaha* и т. п., множ. ч. именит. пад. *tí Láski* и т. п. *Z Láskaha* (род. пад. ед. ч. средн. р.) (изъ Фриуля, *di Furlania*, или, изъ Италии, *di Italia*). Ср. **Furlàn, Taljàn**.

Nešterájh (Австрія), мѣстн. пад. *tá na Nešterájhu*.

Níski (Нѣмецкій); *níski langàč* (Нѣмецкій языкъ); *pu níšken*, и т. п. (по-Нѣмецки); род. ед. муж. сред. *nískaha* и т. п. *Tu Níškin, tu Níšken, tá unom Níšken*, и *Níškin* и т. п. (въ Австріи) и т. д.

Rošiàn и т. п. (Россіянинъ, Русскій). Ср. **Rùš, Rušja**.

Rumunéski langàč (Румунскій языкъ). Ср. **Volóški**.

Rùš, Ròš (Русъ, Русскій). Ср. **Rošiàn, Rúšja**.

Rúšja, Rúšja (Россія). Ср. **Rùš, Rošiàn**.

Slavín (Славянинъ). **Slavínski** (Славянскій); **slavínsko** (Славянско); *po slavínski* и т. п. (по-Славянски). Ср. **Škláf**.

Škláf: te Škláf. (Славяне по-Итальянски *gli Schiavi*, по-Фурлански *Sclav*). Ср. **Slavín**.

Štrašalvánja (Трансильванія).

Taljàn (Италианецъ); *dàn taljanski* (одинъ Италианскій, Италианецъ); *tí taljanski* (эти Италианскіе, Италианцы). Ср. **Láski**.

Undjarski (Венгерскій); *ta úndjarska hospoda* (Венгерскіе господа) и т. д.

Volóški langàč (Волошскій языкъ). Ср. Rumuńéški.

И т. д. и т. д.

б) Названія городовъ и вообще мѣстностей.

Нѣкоторыя изъ этихъ названій сообщены мною въ предыдущихъ главахъ. Здѣсь же я привожу слѣдующія:

Bańítke (Венеція, Итальян. Venezia).

Bjàk (Бѣлякъ, по-Нѣмецки Villach, въ Хорутаніи или Каринтіи); мѣстн. пад. tu Bjáci и т. п.

Gumín, Numún и т. п. (Глемона или Джемона, Gemona, столица одного изъ дистриктовъ или уѣздовъ сѣверной Италіи); мѣстн. пад. tùu Numúne и т. п.

Húdice и т. п. (Фурланская деревня вблизи Мужаца, по-Итальянски Piani, по-Фурлански Plans).

Púšja Vàs, Rúšja Vàs (Фурланское село на пути изъ Мужаца въ Джемону, по-Итальянски Venzona).

Rím (Римъ, Roma).

Ritén (Фурланская деревня Artegna на югѣ отъ Джемоны).

Spítal (деревня Ospetaletto вблизи Джемоны); мѣстн. пад. tú Spítále.

Wjýdan и т. п. (Видемъ, Удине, Udine).

Wráta (Фурланская деревня Portis къ сѣверу отъ Венцоне, Venzona); род. пад. z Wrát; мѣстн. пад. tu Wrátih и т. п.

И такъ далѣе.

5. Факты Резьянской рѣчи, находящіяся въ связи съ бытовою стороною жизни Резьянскаго народа.

Сюда относятся, между прочимъ, фамиліи, прозвища и еще нѣкоторыя другіе вышеприведенные факты.

Сверхъ этого, въ этомъ отдѣлѣ слѣдуетъ упомянуть о тайномъ языкѣ Резьянъ. Этотъ языкъ принадлежитъ къ той же категоріи тайныхъ, «условныхъ» языковъ, что, напримѣръ, языкъ офеней, языки мошенниковъ у разныхъ народовъ и т. п. Какъ произошелъ этотъ тайный Резьянскій языкъ—совершенно неизвѣстно. По всей вѣроятности, его образованію и сохраненію способствовало то обстоятельство, что Резьяне по большей части странствующие торговцы и иногда нуждаются въ такомъ органѣ взаимнаго общенія, который составлялъ бы ихъ исключительную собственность. Впрочемъ, я не могу сказать объ этомъ языкѣ ничего опредѣленнаго, потому что мнѣ удалось слышать только нѣсколько фразъ ему принадлежащихъ и, главнымъ образомъ, состоящихъ изъ

обыкновенныхъ Резьянскихъ словъ въ иносказательномъ, переносномъ смыслѣ. Кажется, что до настоящаго времени отъ упомянутого тайнаго языка Резьянъ дошли только отдѣльныя фразы или выраженія; а можетъ быть, онъ никогда не составлялъ ничего цѣльнаго и всегда сводился только къ подобнаго рода отрывочнымъ фразамъ или выраженіямъ. Какъ бы то ни было, эта недоступность тайнаго языка Резьянъ въ связи съ непонятностью даже ихъ обыкновеннаго языка (обыкновенной рѣчи), дѣлаютъ то, что, если только они захотятъ, ихъ никто нигдѣ не понимаетъ.

Не сюда относится, а все таки для непосвященныхъ совершенно непонятно вопросительное выраженіе «*káko báj, si bŕla u Rim, si vídala ráriža?*» (какъ тамъ, ты была въ Римѣ, видѣла папу?), которымъ встрѣчаютъ женщину, только-что оправившуюся отъ родовъ.

Нѣтъ вовсе положительныхъ историческихъ свѣдѣній о времени населенія Резьянъ на ихъ теперешней родинѣ, и затѣмъ объ ихъ дальнѣйшихъ судьбахъ, какъ одного цѣльнаго особаго народа или племени. Мнѣ извѣстны только отдѣльныя грамоты (документы) юридическаго свойства, которыя, конечно, не безъ значенія и для внутренней, бытовой исторіи Резьянъ.

Древнѣйшая и до сихъ поръ сохранившаяся грамота, прямо относящаяся къ Резьѣ, относится, по увѣренію нѣкоторыхъ, къ 1333 году. Но никто не могъ мнѣ сказать, гдѣ она находится.

Изъ печатныхъ сборниковъ я могу указать на слѣдующіе:

1. Собраніе грамотъ, напечатанныхъ около 100 лѣтъ назадъ по поводу тяжёбнаго дѣла (процесса) между Фурланскою общиною Резіутой и Резьянскою общиною Осоянами. Въ Осойской церкви я нашёлъ одинъ только экземпляръ, безъ начала (сколько мнѣ помнится, безъ одного только заглавнаго листа), безъ конца и безъ многихъ листовъ въ серединѣ. *In foglio*, стр. 1—44. Въ этомъ экземплярѣ уцѣлѣли грамоты:

а) Грамота 1393 г., 23 марта, въ Мужацѣ, въ Мужацкомъ монастырѣ (*Actum Motij in Monasterio Mosacensi*). Между прочимъ въ ней исчисляются владѣнія общины Осоянъ и, вслѣдствіе этого, попадаетъ, какъ и въ другихъ грамотахъ, значительное количество Резьянскихъ собственныхъ именъ въ древнемъ написаніи. Эта грамота составлена на Латинскомъ языкѣ.

б) 1393 г., 22 іюня, въ Мужацѣ. По-Латини.

в) 1497 г., 22 июля, въ Резьѣ (in Resia, ante Cimiterium Beatae Mariae). По-Латини.

г) 1657 г., 29 июля, въ Резіутѣ. По-Итальянски.

д) 1683 г., 18 июля, въ Резіутѣ. По-Итальянски.

е) 1685 г., 22 іюня, въ Мужацѣ. По-Итальянски.

ж) 1685 г., 12 августа, въ Резьѣ, въ Столбицѣ (in Resia in Cassa di mis Marin Serne di Stuluizza). По-Итальянски.

з) 1685 г., 22 августа, въ среду (mercordì). По-Итальянски.

и) 1685 г., 15 сентября. По-Итальянски. Между прочимъ, одинъ изъ свидѣтелей даетъ показаніе о границахъ между общинами Резіутой и Осоянами.

і) 1685 г., 20 октября, въ субботу. По-Итальянски.

е) 1686 г., 9 января, въ суботу. По-Итальянски. Опредѣленіе границъ Резіуты и Осоянъ.

л) 1686 г., 14 августа. По-Итальянски.

м) 1690 г., 10 сентября, въ Резіутѣ. По-Итальянски.

н) 1721 г., 6 марта, въ четвергъ (giorno di giovedì), въ Резіутѣ. По-Итальянски.

2. Нѣсколько листовъ, оставшихся въ Осойской церкви отъ экземпляра книги, напечатанной въ прошломъ столѣтіи, и заключающей въ себѣ, какъ кажется, документы, относящіеся къ состоянію Резьи въ разные времена. In foglio ¹⁾ находится окончаніе какой-то грамоты, а на стр. 44-й: 42-хъ страницъ недостаетъ. Затѣмъ, на стр. 43-й находится *Sommario d'investiture fatte per li magnifici signori governatori di Moggi notate per me Bernardino Andreussio, cancelliere di Moggio*. (Перечень инвеституръ, сдѣланныхъ господами Мужацкими губернаторами и записанныхъ мною, Бернардиномъ Андреуссіо, Мужацкимъ регистраторомъ). Слѣдуетъ подробный перечень инвеституръ, пожалованныхъ а) 1561 г., 21 сентября; б) 1594 г., 20 августа; в) 1594 г., 18 іюня; г) 1604, 20 июля; д) 1609, 27 марта; е) 1609, 29 іюня; е) 1639, 17 сентября (стр. 44—45). Послѣ этого перечня на стр. 45-й мы встрѣчаемъ инвентарь (*Cattastico Arsenal*), а на стр. 46-й слѣдующіе «Допросы» (*Esami*) (все по-Итальянски): а) 1733 г., 26 іюня; б) 1733 г., 27 іюня; в) 1733, 27 іюня (безъ окончанія). Затѣмъ стр. 49—60 недостаетъ. На стр. же 61-й, послѣ окончанія какого-то документа, слѣдуетъ

а) Грамота 1764 г., 17 іюля, въ Резьѣ въ домѣ священника,

¹⁾ Въ настоящее время этотъ экземпляръ находится у меня.

въ которой настоятель Резьянскаго прихода, Андрей Косъ (P re Andrea Cos), свидѣтельствуеъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ въ 1763 году общину Осояне, вслѣдствіе чего жители этой общины, чтобы не умереть съ голода, принуждены были въ 1764 году оставить свою родину и просить милостыню въ ближайшихъ провинціяхъ, Каринтіи (Carintia) и Крайнѣ (Cargnolia). Бѣдствія эти состояли, главнымъ образомъ, въ огромной бурѣ, разорившей жителей Осоянъ и уничтожившей весь ихъ хлѣбный сборъ (l'anno passato 1763 una gran tempesta li rovinò, e desolò tutto il raccolto, che pendeva nella loro piccola, e ristretta tavella). Эти несчастные должны были тоже сбыть весь свой рогатый скотъ, потому что имъ запрещено было правительственными комиссарами собирать сѣно тамъ, гдѣ они это прежде дѣлали. Изъ этой грамоты узнаемъ, что въ 1764 году община Осояне состояла изъ 130 семей и изъ 656 душъ (конечно, обоого пола).

б) На стр. 63—65: Грамота 1764 г., 21 сентября, въ Резіутѣ, Affittanza Avversaria di Lesenich.

в) Стр. 65: Письменное свидѣтельство о налогахъ 1770 г., 12 апрѣля, въ Удине.

г) «Laus Deo semper», 1770 г., 18 апрѣля, въ Резьѣ: «Я, нижеподписавшійся настоятель прихода свидѣтельствую подѣ присягой, дотрогиваясь груди по священническому обычаю (con giuramento tacto pectore more sacerdotali), что четыре деревни Резьи, то-есть, Осояне, Бѣлая, Нива и Столбица, составляющія этотъ мой приходъ (cotesta mia cura), запасаются хлѣбомъ продажнымъ (pane vendibile) въ общинѣ Резіутѣ, потому что продажный хлѣбъ (хлѣбъ, предназначенный къ продажѣ) не печется въ названныхъ четырехъ деревняхъ, а только въ упомянутой общинѣ Резіутѣ».

Г. Вольфъ, профессоръ Нѣмецкаго языка въ Удинскомъ техническомъ институтѣ (Wolf, professore della lingua tedesca nell' Istituto tecnico di Udine), указалъ мнѣ на слѣдующія рукописи, въ которыхъ, можетъ быть, есть какія нибудь данныя, относящіяся къ Резьѣ:

Въ Марчянской библиотекѣ въ Венеціи (Biblioteca Marciana in Venezia), въ отдѣлѣ Abazia di Moggio, рукописи (codici manoscritti), classe Italiana V, 34, Rotti Giulio—Краткое описаніе возникновенія и территоріи Мужацкаго аббатства (Breve compendio dell' origine e ragioni dell' Abaria di Moggio). Classe Latina XIV, № 156. Johannes de Purcilliis Gubernator Monasterii Mosacensis locat

Leonardo Babich petiam pascui in villa Resia et unum molendinum, pretio XII solidorum. Mosii 5 Mai 1470.

Въ капитульномъ архивѣ въ Удине (nell'Archivio Capitolare di Udine): Raccolta Bini vol. XXX. XXXII Varia.—LXIV e LXV.

Сверхъ того, можно бы ожидать матеріаловъ для исторіи Резьянъ въ архивѣ нотаріальномъ въ Удине (Archivio notarile di Udine) и въ архивѣ претуры въ Чивидале (Archivio della pretura di Cividale).

Я не успѣлъ изслѣдовать ни упомянутой библіотеки въ Венеціи, ни тоже нотаріальнаго архива въ Удине. Но зато я просмотривалъ названныя рукописи какъ въ Удинскомъ капитульномъ архивѣ ¹⁾, такъ же точно и въ архивѣ города Чивидале. Хотя въ этихъ рукописяхъ довольно часто упоминаются другіе сѣверо-Итальянскіе Славяне, но о Резьянахъ я не нашелъ въ нихъ ни одного слова.

Я обращался тоже къ печатному изданію—

(Joseph Bianchi) «Thesaurus ecclesiae Aquileensis jopus saeculi XIV quod cum ad archiepiscopalem sedem nuper restitutam Zacharias Bricito primum accederet typis mandari jussit civitas Utini. 1847»,

но и здѣсь не нашелъ ничего подходящаго.

Недостатокъ времени не позволилъ мнѣ просмотрѣть со вниманіемъ сочиненія—

«Documenti per la storia del Friuli etc. dall' ab. Giuseppe Bianchi» etc. (2 тома.) Udine 1844, 1845.

«Србски споменици Млетачкогъ Архива. Acta Archivi Veneti, spectantia ad historiam Serborum et reliquorum Slavorum meridionalium. Collegit et transcripsit Dr. Joannes Schafárik, etc. Belgradi 1862 ss.».

«Documenta ad Forumjulii Patriarchatum Aquileiensem Tergestum Istriam Goritiam spectantia inde a recessiore tempore usque ad medium seculum XV regesta collegit Prof. A. S. Minotto etc. Venetiis MDCCCLXX (1870) ss.».

но я убѣжденъ, что въ этихъ сборникахъ ни разу не упоминается о Резьянахъ.

Самымъ естественнымъ при отысканіи грамотъ, относящихся къ Резью, мнѣ казалось изслѣдованіе архива мѣстности, составля-

¹⁾ Въ 1873 году этотъ архивъ состоялъ въ вѣдѣніи священника Паузати (Don Паузати), который предупредительно помогалъ мнѣ отыскивать желаемыя рукописи.

ющей центръ уѣзда или дистрикта, къ которому принадлежитъ Резья. Но, къ несчастію, подобнаго архива въ Мужацѣ вовсе не оказалось. Прежде онъ существовалъ, но теперь уничтоженъ и хранившіеся въ немъ рукописи переведены отчасти въ Венецію въ бібліотеку Фрари (Frari), отчасти въ Чивидале, отчасти, наконецъ, въ Санъ-Даніеле (S. Daniele). Мужацкій аббатъ делла Стуа увѣрялъ меня, что въ то время, когда въ Мужацѣ еще существовалъ архивъ, онъ видѣлъ грамоту 1100 г., принадлежащую Мужацкому аббатству (abbazia di Moggio) и, между прочимъ, упоминающую о Резьѣ.

Если, какъ мы только-что видѣли, не открыты до сихъ поръ настоящіе историческіе источники для исторіи Резьянскаго народа, то точно такъ же нѣтъ у Резьянъ историческихъ преданій въ строгомъ смыслѣ этого слова. Событія, о которыхъ сохранилось у Резьянъ устное преданіе, совершились такъ недавно и при томъ же они по большей части такъ ничтожны, что ни коимъ образомъ не могутъ быть причислены къ категоріи фактовъ историческихъ.

Сказанія о двухъ крестахъ на большомъ камнѣ и о дѣлѣжѣ пастбищъ («полонинъ») между двумя братьями, изъ Нивы и изъ Бѣлой, сообщены мною выше. Точно также я уже прежде намекалъ на нѣкоторыя изъ преданій, которыя намѣренъ сообщить въ этомъ отдѣлѣ моей статьи.

а) Вблизи деревни Бѣлой лежитъ мѣстность Господница. На ней, по одному народному преданію, поселились первые Резьяне. По другому же варианту этого преданія, здѣсь была построена первая Резьянская церковь, какъ увѣряютъ нѣкоторые изъ доморощеныхъ историковъ, 1000 лѣтъ назадъ.

б) Вблизи деревни Столбицы имѣются будто-бы слѣды какого-то замка. Эта мѣстность и называется «Замкомъ» (hrad). Народное преданіе же гласитъ, что здѣсь въ древнія времена стоялъ замокъ, называемый страннымъ именемъ Rémorafista (?).

в) Ежегодно въ день св. Августина, 28 августа, и на слѣдующій день, 29-августа, въ Резьянскомъ приходѣ совершается большій крестный ходъ (процессія) по всѣмъ Резьянскимъ церквамъ. Начало этого обычая объясняется слѣдующимъ преданіемъ:

«Въ прежнія времена, около ста лѣтъ назадъ, упалъ красный снѣгъ (sníh te čerňeli) на колосья кукурузы. И вслѣдствіе этого установленъ былъ праздникъ въ оба дня (двухдневный праздникъ) (ní so djále fjoéšto ōbadwa dní), въ день св. Августина (zá siu

Uštin, S. Augustino) и въ день св. Даниїла (zá sin Danéu и т. п., S. Daniele, 28 и 29 августа). Поэтому ежегодно мы ходимъ съ крестнымъ ходомъ (mi hódymö rušišjún и т. п.) на Раванцу (tá na Rávanco). Тамъ служатъ обѣдню (miša). Затѣмъ послѣ обѣдни мы идемъ опять назадъ съ крестнымъ ходомъ сюда домой (soè hiši). Изъ всей Резьи собираемся вмѣстѣ на Раванцѣ, всѣ четыре общины» (wse štiri fracjuni) (Рассказано въ Осоянахъ).

г) Существуетъ тоже преданіе о наводненіи (rówadañ), разрушившемъ нѣкогда много Резьянскихъ домовъ и даже одну церковь.

д) Не лишенъ интереса рассказъ о погребеніи мертвыхъ Резьянской волости:

«Въ прежнее время (pri ro túmryh) здѣсь въ Резьѣ мертвыхъ носили хоронить въ Нимисъ (dólu Nímis) (Nimis), село, отдаленное отъ Тарчента на два часа (ka tö oé dvi óre ta strán Tarčéta). Изъ Резьи же мы считаемъ (mý krololámö), что это будетъ какихъ нибудь двѣнадцать часовъ пути. Мѣстность, гдѣ они именно хоронили, носить названіе Осоровашъ (? Osórovaš) по ту сторону потока Тера» (prijtít Toér и т. п.).

Имѣвшіяся до сихъ поръ свѣдѣнія о Резьянахъ и Резьянскомъ нарѣчій весьма скудны и, кромѣ того, большинство изъ нихъ поражаетъ отсутствіемъ всякой точности и совершенно противорѣчитъ истинному положенію вещей.

Лучшую статью объ отношеніяхъ Резьянскихъ говоровъ къ другимъ нарѣчіямъ Славянскимъ написалъ, сколько я знаю, Стефанъ Валенте (Don Stefano Valente или Pre Stefano Valente), родомъ изъ Резьянской Бѣлы, стало-быть, самъ же Резьянинъ, въ настоящее время (по крайней мѣрѣ, въ 1873 г.) капелянъ въ Платицахъ въ Тарчентскомъ уѣздѣ или дистриктѣ Видемской провинціи. Эта статья напечатана въ фельетонѣ газеты «Giornale di Udine», 1868, № 293, 9 декабря подъ заглавіемъ «Sul linguaggio Slavo della Valle di Resia in Friuli».

Валенте самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ преданіе о Русскомъ происхожденіи Резьянъ, и утверждаетъ, что въ Резьянской долинѣ живетъ одинъ изъ говоровъ Крайно-Словенскаго языка (un dialetto dello Slavo Cragnolino e Carinsiano). Соглашаясь вполнѣ съ первой, отрицательной, частью этого положенія, я, по выше изложеннымъ причинамъ, не могу признать доказаннымъ ближайшее этнографическое родство Резьянъ съ Крайно-Словенцами. При томъ же доводы, на которыхъ основывается мнѣніе Стефана Ва-

ленте, далеко неубѣдительны, хотя нельзя отрицать, что точно такими же доводами мотивируется большинство общепризнанных системъ дѣленія разныхъ группъ родственныхъ языковъ и нарѣчій, между прочимъ, всѣхъ языковъ и нарѣчій Славянскихъ. Доводы эти состоятъ, съ одной стороны, въ ссылкахъ на разныхъ авторитетныхъ ученыхъ, съ другой же стороны, въ сопоставленіи и сравненіи отдѣльныхъ словъ и другихъ мелкихъ фактовъ, слишкомъ ничтожныхъ для того, чтобы на нихъ можно было основывать классификацію и теоретическія сближенія какихъ бы то ни было языковъ.

Весьма вѣрныя и мѣткія замѣчанія о нѣкоторыхъ свойствахъ Резьянскихъ говоровъ и даже объ ихъ разнообразіи сообщены въ статьѣ Станка Вразъ (Stanko Vraz) «Dopis prijateljski iz Mletačkoga» (въ журналѣ «Dânica Ilirska». 1841. Broj 29. U subotu, 17 Serpnja 1841).

Станко Вразъ самъ посѣщалъ Резью. Приблизительно въ то же самое время посѣщалъ Резью И. И. Срезневскій и описалъ ее и ея жителей въ статьяхъ: «Славянскія Извѣстія. Фріульскіе Славяне (Резіане и Словини)». («Москвитянинъ», 1844, V. 207—234, § 1. Резіане, стр. 207—215) и «Zpráva o Rezianech» (Dopisy I. Srezněwského a P. Preisa W. Hankowi) (въ Чешскомъ журналѣ «Časopis Českého Museum». Patnactý ročnjk. W Praze, 1841, стр. 341—344).

Резьянскому же нарѣчію посвящено нѣсколько словъ въ статьѣ И. И. Срезневскаго—«О нарѣчіяхъ Славянскихъ» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», XXXI. 1841. II, стр. 153).

Въ настоящее время Измаилъ Ивановичъ перепечаталъ въ академическомъ изданіи свою Русскую статью о Резьянахъ, дополнивъ ее отрывками изъ писемъ къ своей матери, и приложивъ къ ней тоже статью Вразъ.

До Срезневскаго и Вразъ, писали о Резьѣ и Резьянахъ два Славянскихъ путешественника, Польскій графъ Янъ Потоцкій, и Чешскій всендзъ Пишели, состоявшій капеляномъ въ Австрійской арміи.

Рукопись графа Потоцкаго (hrabia Jan Potocki) довольно долго хранилась ненапечатанною въ библіотекѣ Оссолинскихъ во Львовѣ, гдѣ она, вѣроятно, и теперь находится. Потоцкій посѣщалъ Резью еще въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія, а между тѣмъ только въ 1816 году его записки были переведены съ Французскаго на Нѣмецкій Копитаромъ и, вмѣстѣ съ примѣчаніями этого послѣдняго, помѣщены въ «Vaterländische Blätter für

den österreichischen Kaiserstaat. Jahrg. IX. 1816», стр. 176—180, п. з. «Die Slaven im Thale Resia». Затѣмъ эта статья была перепечатана Миклошичемъ въ обнародованномъ имъ сборникѣ мелкихъ статей Копитара, «Barth. Kopitars, Kleinere schriften sprachwissenschaftlichen, geschichtlichen, ethnographischen und rechtshistorischen, inhalts. Herausgegeben von Fr. Miklosich. Erster theil. Wien. 1857», стр. 323—330.

Сборникъ Резьянскихъ словъ, и краткія замѣтки о самихъ же Резьянахъ, сообщенныя Пишелымъ (A. Pišely) Добровскому въ письмѣ отъ 14 апрѣля 1801 г., появились въ «Славинѣ» п. з. «Ueber die Slaven im Thale Resia» («Dobrowsky's Slavin. Bothschaft aus Böhmen an alle Slawischen Völker oder Beiträge etc. Zweite etc. Auflage. Von Wenceslaw Hanka» etc. Prag. 1834, стр. 118—124).

Въ запискѣ Потоцкаго, кромѣ нѣсколькихъ фантастическихъ предположеній по части этнологіи и исторіи, встрѣчается еще довольно много Резьянскихъ словъ въ совершенно невѣрной передачѣ, и даже отчасти въ этомъ видѣ несуществующихъ и созданныхъ, по видимому, самимъ же Потоцкимъ, по аналогіи другихъ словъ той же категоріи. Сюда, между прочимъ, относятся нѣкоторыя числительныя и т. п. Но зато нѣтъ здѣсь такихъ географическихъ, статистическихъ и лингвистическихъ ошибокъ, неточностей и недоразумѣній, какія украшаютъ другой источникъ для свѣдѣнія о Резьянахъ въ прежнія времена, то-есть, письмо Пишели къ Добровскому. Пишели насчиталъ 7000 жителей въ Резьянской доли-нѣ, тогда какъ въ то время ихъ не могло быть даже 3000. Деревни Rustis (или Ruštis), названная тоже Austis (или Auštis), Powiey (или Powiey) и т. д., потоки Risatik, Puto, и т. п. въ Резьѣ никогда не существовали и обязаны своимъ происхожденіемъ или недоразумѣнію, или же творческой фантазіи всендза Пишели. Нѣкоторыя Резьянскія горы перемѣщены Пишелымъ и поставлены въ другія мѣста, нѣкоторыя же изъ приведенныхъ будто бы Резьянскихъ словъ совсѣмъ исковерканы, и т. д. и т. д.

Нѣсколько словъ о Резьянахъ можно найти въ статьѣ Ст. Ко-пѣянчица, профессора Горлицкой семинаріи, «Odgovori na vprašanja društva na jugoslavensko povestnico od Stepana Kociančiča», и именно въ главѣ «Od Benečanskih Slovincov» («Arkiv za povjestnicu jugoslavensku. Knjga III. Uredio Jvan Kukuljević Sakcinski. etc. U Zagrebu. 1854. Стр. 306—309).

Краткое, но добросовѣстное описаніе Резьи и Резьянъ принад-

лежитъ перу того же автора: «Rezija in Rezijani. Spisal Stef. Kocijančič (въ «Cvetnik, berilo za slovensko mladino vredil Anton Janežič, etc. Drugi del. V Celovcu 1867», стр. 66, № 59—и въ «Slovenisches Sprach- und Uebungsbuch für Anfänger zum Schul- und Privatunterrichte. Von Anton Janežič. 8 Auflage, Laibach, 1872», стр. 237—238).

Коціянчицъ не посѣщалъ самъ Резьи, но имѣлъ возможность познакомиться съ нею и съ ея жителями довольно основательно.

Резьянскимъ нарѣчіемъ занимался покойный Георгій Цафъ (Oroslav Caf), но, къ сожалѣнію, не оставилъ объ этомъ предметѣ, сколько мнѣ извѣстно, ничего цѣльнаго, а только въ его довольно многочисленныхъ лингвистическихъ статьяхъ встрѣчаются отрывочныя замѣчанія и сравненія Резьянскихъ словъ со словами другихъ языковъ.

Статьи Осипа Бергмана:

«Das Thal Resia und die Resianer in Friaul» (приложенная къ разсужденію «Historische Untersuchungen über die sogenannten Cimbern in den Sette-Comuni. Von Joseph Bergmann» въ «Anzeig-Blatt für Wissenschaft und Kunst», N CXXI, стр. 46—50, составляющемъ приложение къ «Jahrbücher der Literatur. Hundert ein und zwanzigter Band. 1848. Januar. Februar. März—Wien.») и

«Das slavische Resia Thal» (какъ часть разсужденія «Topographie der VII und XIII Comuni in den venetianischen Alpen, nebst zwei Kärtchen. Mitgetheilt von Joseph Bergmann» въ «Archiv für Kunde österreichischer Geschichts Quellen. Herausgegeben von der zur Pflege vaterländischer Geschichte angestellten Commission der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Dritter Band» или «Zweiter Jahrgang. 1849. Zweiter Band». Wien 1849, стр. 253—256)—

представляютъ, главнымъ образомъ, извлеченіе изъ записокъ Потоцкаго и Пишели. Кромѣ того, первая изъ этихъ статей начинается исчисленіемъ названій Резьянскихъ мѣстностей, отмѣченныхъ на картѣ Австрійскаго генеральнаго штаба и, не совѣмъ удачно, объясненныхъ Миклошичемъ. Сообщеніямъ же И. И. Срезневскаго, представляющимъ самыя достовѣрныя данныя, отведено здѣсь относительно меньше мѣста. Зато гораздо точнѣе компиляція Шафарика, основанная преимущественно на Чешской статьѣ Срезневскаго и на статьѣ Станка Врза (см. выше). Компиляція Шафарика была переведена съ Чешскаго рукописнаго подлинника на языкъ Русскій (Θ. Евекимъ) и Польскій (А. Кухарскимъ) и п. з. «О Резьянахъ и Фурманскихъ Словинахъ. Статья П. І. Шафарика»

или «O Rezjanach i Furlanskich Słowinach przez Pawła Józefa Szarfzyka» помещена въ двухъ-язычномъ журналѣ «Денница, литературная газета, посвященная Славянскимъ предметамъ и издаваемая Петромъ Дубровскимъ. Часть первая. Варшава 1842. Годъ первый» или «Jutrzenka, pismo literackie, poświęcone przedmiotom Słowiańskim, wydawane przez Piotra Dubrowskiego. Część pierwsza. Warszawa. 1842. Rok piérwszy» № 9, стр. 109—113.

На статьяхъ Бергмана основывались Бionделли и. затѣмъ, Асколи, говоря о Резьянахъ въ своихъ сочиненіяхъ:

«Studii linguistiche di B. Biondelli» etc. Milano MDCCCLVI (1856), стр. 55—56 (въ III-ей статьѣ, озаглавленной «Prospetto topografico-statistico delle colonie straniere d'Italia»).

«Studj critici di G. I. Ascoli, etc. I. Cenni sull'origine delle forme grammaticali—Saggi di dialettologia italiana—Colonie straniere in Italia—Frammenti Albanesi—Gerghi». (Dagli Studj orientali e linguistici, Fasc. III). Milano. Lipsia. Trieste. Tipografia Pater-nolli in Gorizia. 1861, стр. 46—47.

Въ Словенской (Крайно-Словенской) газетѣ «Novice», 1862. list 24, 11 junija, стр. 197, напечатана церковная пѣснь «Stabat Mater» будто бы по-Резьянски; въ самомъ дѣлѣ же она можетъ дать только вполнѣ превратное понятіе объ особенностяхъ Резьянскаго нарѣчія.

Книги и статьи, относящіяся какъ къ Резьѣ, такъ и къ ея окрестностямъ, исчислены въ «Bibliografia del Friuli. Saggio di Giuseppe Valentinelli» etc. (Edizione sovvenuta dall'Imp. Accademia delle Scienze di Vienna). Venezia, 1861. Изъ этой «Библиографіи» я выписываю здѣсь еще слѣдующія заглавія.

(Valussi, Pacifico) «Rapporto della Camera di commercio e d'industria della provincia del Friuli, ull' ecc. i. r. Ministero del commercio, dell'industria e delle pubbliche costruzioni, sullo stato dell' industria e del commercio della propria provincia negli anni 1851 e 1852. Udine, 1853 (стр. 7, 24, 31). На это сочиненіе постоянно ссылается Асколи въ своихъ «Studj critici».

Stampa di Pontieba, Dogna, Chiusa, Resia contro Moggio, in punto diritto di formar parte del giudizio giurisdizionale de' Giurati 1795.—S. d., 40.

Gli ospiti di Resia. Romanzetto.—Udine, 1827, Pecile, p. 87, 160. Seconda edizione.—Стефанъ Валенте въ своей вышеупомянутой статьѣ о Резьянскихъ говорахъ авторомъ этой книжки называетъ нѣкоего Вивіани (sig. Viviani).

Бергманъ («Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen». 1849. П. 254) приводитъ слѣдующую историческую книгу, которая тоже упоминаетъ о Резьѣ, и которую я напрасно искалъ у Валентинелли.

«Descrittione della nobil-ma Patria del Friuli etc. di Hercole Partenoreo». In Udine 1604.

Древняя географія Резьи сообщается, какъ можно предполагать, въ сочиненіи «Della geografia antica del Friuli etc. del signor Paolo Fistulario» etc. in Udine MDCCLXXV (1775).

Сюда можно причислить тоже межевую карту Резьи и ея окрестностей, составленную въ 1743 году.

Небольшая географическая карта Резьи приложена къ названной статьѣ Бергмана въ «Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen». Кромѣ того, подробную топографію Резьи, хотя, впрочемъ, со многими ошибками, относительно мѣстныхъ названій, представляетъ карта Австрійскаго генеральнаго штаба.

«Fogli della carta topografica del Regno Lombardo-Veneto componenti il Governo di Venezia», или по-Нѣмцки «Blätter der topographischen Karte des Lombardisch-Venetianischen Königreiches welche das Gouvernement von Venedig bilden», листы (fogli, Blätter) H 2 и G 2.

Номенклатуру географическихъ собственныхъ именъ Резьи даетъ, между прочимъ, книжка «Nomi propri orografici. Alpi Carniche e Giulie per Giovanni Marinelli, prof. di Storia e Geografia». (Estratto degli «Annali del R. Istituto Tecnico di Udine» dell'anno 1872).

Въ заключеніе я позволю себѣ привести свои сочиненія: «Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ» 1875. «Резьянскій Катихизисъ какъ приложеніе къ Опыту фонетики Резьянскихъ говоровъ, съ примѣчаніями и словаремъ», 1875 ¹⁾.

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.
(I. Baudouin-de-Courtenay).

Казань, апрѣль 1876

¹⁾ По поводу «Резьянскаго Катихизиса» не безынтересны слѣдующія слова въ приведенной выше запискѣ графа Потоцкаго: «Здѣсь слѣдуетъ начало христіанскаго ученія (закона божія), которое написалъ самъ настоятель и подарилъ мнѣ, не оставивъ у себя ни какого списка. Этотъ подлинникъ выѣстъ съ нѣкоторыми другими отрывками того же рода, я предназначилъ для библіотеки графа Максимиліана Оссолинскаго». (См. Barth. Kopitar, «Kleinere Schriften etc. herausgegeben von Fr. Miklosich. Erster Theil». Wien 1857, стр. 326—327).